

А.П.Бабушкин, И.А.Стернин

**Когнитивная лингвистика
и семасиология**

**Воронеж
2018**

Предлагаемая вниманию читателей монография посвящена актуальным проблемам когнитивной лингвистики и семасиологии. Она логически продолжает и развивает идеи авторов, изложенные в книгах З.Д. Поповой, И.А. Стернина «Очерки по когнитивной лингвистике» (изд.1-3, 2001-2003), «Семантико-когнитивный анализ языка» (2006), «Когнитивная лингвистика» (2007), А.П. Бабушкина «Типы концептов в лексико-семантической системе языка» (1996), «Возможные миры в семантическом пространстве языка» (2001), конкретизируя их в рамках семантико-когнитивного подхода, сформулированного в научной теоретико-лингвистической школе Воронежского университета и используемого в настоящее время в работах многих исследователей как в Воронеже, так и за его пределами.

Авторы рассматривают основные понятия когнитивной лингвистики и соотношение когнитивного и семантического подхода к слову.

В работе показано, что современный когнитивный подход – закономерный этап развития современной лингвистики, обогащающий, в частности, семасиологию новыми идеями и углубляющий описание семантики слова, открывающий новые возможности в описании семантики языковых единиц.

Для лингвистов, когнитологов, культурологов, семасиологов, лексикографов, специалистов по теории языка и лингвистическим методам.

Может быть использована начинающими исследователями – аспирантами и студентами, занимающимися проблемами филологии, когнитологии, лингвокультурологии.

Рецензенты:

д.филол.н. Е.А.Маклакова,
д.фил.наук Н.А.Лемяскина

© А.П.Бабушкин, И.А.Стернин,
2018

ISBN 978-5-6041754-5-3

Когнитивная лингвистика и семасиология. Монография. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018.- 229 с.

От авторов

Настоящее издание посвящено описанию одного из направлений лингвистики - семантико-когнитивному подходу к явлениям языка.

В книге показано, как когнитивная лингвистика – наука о репрезентации и трансформации знаний в языке – и семасиология – раздел языкознания, изучающий смысловую сторону языка – связаны между собой и дополняют друг друга. В монографии рассматриваются теоретические проблемы обеих дисциплин, а также на конкретных примерах раскрываются различные аспекты взаимоотношений когнитии и сферы языковых значений.

В монографии даны традиционные подходы к понятиям «концепт» и «значение» и сформулированы авторские трактовки концепта и типов концептов.

Рассматривается методика описания значений и концептов в плане их сходств и различий, обсуждается проблема существования концептов без их вербальной объективации, проблема сближения позиций когнитии, семасиологии и семиотики.

Авторы надеются, что интерес читателей вызовут такие малоизученные темы, как моделирование структуры концепта, выявление различий в концептуализации мира отдельными лицами, представителями разных социальных слоев общества и разных этносов. Обсуждается вопрос определения плотности номинативного поля концепта, по которой можно судить об их коммуникативной востребованности.

Книга снабжена обширной библиографией, позволяющей читателю получить дополнительные сведения по очерченному в ней кругу проблем, расширить свои знания по проблемам когнитивной лингвистики и семасиологии в целом, познакомиться с концепцией Воронежской теоретико-лингвистической школы проф. З.Д.Поповой.

Раздел «От авторов» написан А.П. Бабушкиными и И.А. Стерниным; глава 1: Бабушкин А.П., Стернин И.А. – раздел 3, Стернин И.А. – разделы 1-2, 4-17; глава 2: Стернин И.А. – разделы 1-3, Бабушкин А.П. – разделы 4-12. Авторы Заключения – Бабушкин А.П., Стернин И.А., раздел «Использованная литература» – А.П.Бабушкин.

Компьютерная верстка и техническое редактирование выполнены И.А.Стерниным.

Глава I.

Основные понятия когнитивного анализа единиц языка

1. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку

Развиваемый нами подход к лингвокогнитивным исследованиям мы обозначаем как *семантико-когнитивный*, подчеркивая этим названием основное направление исследования - исследование *соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными*.

Когнитивная лингвистика стала возможной после оформления теоретических постулатов современной *психолингвистики* и *нейролингвистики*. В этих научных направлениях обосновано положение о невербальности мышления, а также существование в сознании людей концептосферы, состоящей из ментальных единиц – концептов. Концептосфера человека и общества постоянно изменяется и обновляется.

Знаки языка (как и язык в целом) существуют для обмена важной для человека и общества информацией, то есть для наиболее коммуникативно востребованных концептов, однако при этом концептосфера намного объемнее и шире, чем та её часть, которая обозначена языковыми средствами, поскольку человек мыслит о гораздо большем, чем говорит. Эти теоретические достижения психолингвистики и нейролингвистики сыграли важнейшую роль в формировании современной когнитивной лингвистики и ее методологии.

Главное положение когнитивной методологии состоит в том, что через изучение семантики языковых знаков можно описать концептосферу общества, можно выяснять, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа это оказывалось существенным и не обсуждаемым.

Современные методы когнитивной лингвистики позволяют обнаруживать особенности не только национального, но и группового мышления, и все разнообразие индивидуально-авторских концептосфер.

Основные постулаты развиваемого нами семантико-когнитивного подхода таковы.

Мышление человека невербально, оно осуществляется при помощи универсального предметного кода. Люди мыслят концептами, кодируемыми образными единицами этого кода и составляющими базу

универсального предметного кода (Выготский 1982, Жинкин 1958, 1982, 1998, Горелов 1980, 2003, Горелов, Седов 1998).

Концепт - принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности.

Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу.

Язык - одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления. Через язык можно познать и эксплицировать значительную часть концептуального содержания сознания общества, группы и отдельного человека.

Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся *методами лингвокогнитивного исследования*. Когнитивная лингвистика исследует семантику единиц, *репрезентирующих (объективирующих, вербализующих, овнешняющих)* в языке тот или иной концепт.

Исследование семантики языковых единиц, объективирующих концепты, позволяет получить доступ к содержанию концептов как мыслительных единиц.

Совокупность значений языковых единиц образует семантическое пространство языка.

Концепт и значение в равной мере – явления мыслительной, когнитивной природы.

Концепт - единица концептосферы, значение - единица семантического пространства языка.

Значение - элемент языкового сознания, концепт - когнитивного («общего») сознания человека.

Значение есть часть концепта как мыслительной единицы, закрепленная языковым знаком в целях коммуникации.

Разграничиваются психолингвистическое значение («психологически реальное», то есть во всем объеме семантических признаков, связываемых со словом в сознании носителя языка; выявляется преимущественно экспериментальными приемами) и «лексикографическое» значение (кратко сформулированное, отраженное в толковых словарях). Концепт, если он назван, включает как свою составную часть психолингвистическое и лексикографическое значение, но по объему своего содержания остается неизмеримо больше, чем оба вышеназванных значения.

Концепт не имеет обязательной связи со словом или другими языковыми средствами вербализации. Концепт может быть вербализован, а может быть и не вербализован языковыми средствами.

В акте речи вербализуется коммуникативно релевантная часть концепта. Исследование семантики языковых единиц, вербализующих концепт - путь к описанию вербализуемой части концепта.

Причины вербализации или отсутствия вербализации концепта - чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта). Наличие или отсутствие вербализации концепта не влияет на реальность его

существования в сознании как единицы мышления. В сознании существует большое количество невербализованных концептов. Значительная часть концептов индивидуального сознания вообще не подлежит вербализации.

Наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о номинативной плотности (термин В.И. Карасика - 2002, с.111) данного участка языковой системы, что отражает коммуникативную актуальность вербализуемого концепта для сознания народа.

Концепт может быть вербализован в случае коммуникативной необходимости различными способами (лексическими, фразеологическими, синтаксическими и др.), целым комплексом языковых средств.

Концепт имеет определенную структуру, которая не является жесткой, но является необходимым условием существования концепта и его вхождения в концептосферу.

Концепт внутренне организован по полювому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле.

Структура концепта образована когнитивными признаками разного ранга, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полювому признаку.

Наблюдается национальная, социальная, групповая и индивидуальная специфика концепта. Концепты имеют национальные особенности содержания и структуры; возможны эндемичные концепты, возможна лакунарность концепта.

Метод семантико-когнитивного анализа предполагает, что в процессе лингвокогнитивного исследования от содержания значений мы переходим к содержанию концептов в ходе особого этапа описания - когнитивной интерпретации. Когнитивная интерпретация - тот этап семантико-когнитивного анализа, без которого исследование остается в рамках лингвистической семантики.

Обеспечив выявление и описание соответствующих концептов, семантико-когнитивный подход предоставляет исследователям две дальнейших возможности использования полученных данных:

возвращение к языку: использование полученных когнитивных знаний для объяснения явлений и процессов в семантике языка, углубленного описания лексической и грамматической семантики; такое направление исследования представляет собой *когнитивную семасиологию*;

движение к сознанию: моделирование концептов как единиц национальной концептосферы, национальной культуры; данное направление представляет собой *лингвистическую концептологию*.

В *когнитивной семасиологии* исследуется, какие компоненты концепта как глобальной мыслительной единицы вошли в семантическое пространство языка (т.е. в семантику единиц, стали семами конкретных языковых единиц), какие когнитивные процессы определили и определяют формирование и развитие семантики соответствующих языковых единиц. Когнитивный терминологический аппарат используется при этом для

объяснения языковых явлений и процессов. «Соотнесение языковых форм с их когнитивными аналогами и прежде всего ... соотнесение их с разными когнитивными структурами – это только *способ объяснить* (выделено нами – А.Б., И.С.) их особенности или функциональные характеристики» (Кубрякова 2004, с. 13).

Когнитивная семасиология использует понятие *концепт*, во-первых, как *инструмент для ограничения* исследуемого языкового материала, а также для раскрытия внутреннего единства и структурированности значительных участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединяемых репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях, а во-вторых, как инструмент объяснения и углубленного описания семантики единиц языка.

Лингвистическая концептология использует понятие *концепт* как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, единицы моделирования и описания национальной концептосферы.

Задача лингвистической концептологии: выявив максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих (т.е. выражающих, вербализующих, объективирующих) исследуемый концепт и, описав максимально полно семантику этих единиц (слов, словосочетаний, ассоциативных полей, паремий, текстов), применяя методику когнитивной интерпретации результатов лингвистического исследования, моделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном и др.) своеобразии и определить место исследуемого концепта в концептосфере.

Семанτικο-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях свидетельствует, что путь исследования «от языка к концепту» наиболее надежен, и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт (сравните, например, с трудностями описания концептов, выражаемых средствами несловесных искусств - музыки, живописи, архитектуры, скульптуры и т.п.).

В данной книге основное внимание уделяется проблемам когнитивной семасиологии.

2. Понятие концепта

Понятие *концепт* является ключевым понятием когнитивной лингвистики. Однако, несмотря на то, что понятие *концепт* можно считать для современной когнитивистики утвердившимся, содержание этого понятия очень существенно варьирует в концепциях разных научных школ и отдельных ученых (см. обзор в Попова, Стернин 2007, с. 29-35).

Мы определяем концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее*

относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.

Концепт кодируется в сознании индивидуальным чувственным образом, выступающим как чувственный компонент содержания концепта, и является базовой единицей универсального предметного кода человека (Выготский Л.С., Жинкин Н.И., Горелов И.Н.).

С нашей точки зрения, концепт не обязательно имеет языковое выражение – существует много концептов, которые не имеют устойчивого названия и при этом их концептуальный статус не вызывает сомнения (ср. есть концепт и слово *молодожены*, но нет слова «старожены», хотя такой концепт в концептосфере народа, несомненно есть).

Признание концепта единицей мышления вновь ставит на повестку дня вопрос о соотношении языка и мышления: обязательны ли языковые средства для осуществления концептуального мышления?

По отношению к проблеме вербальности/невербальности мышления В.В.Красных подразделяет ученых на вербалистов и антивербалистов. К вербалистам она относит таких ученых как М.Мюллер, В.фон Гумбольдт, Ф.Шлейермахер, Ф.де Соссюр, А.А.Реформатский (Красных 2003, с.13). Добавим, что сюда же должны быть отнесены и все авторы традиционных вузовских учебников по введению в языкознание и общему языкознанию, а также по философии, вышедшие в советское время.

К антивербалистам В.В.Красных относит таких исследователей как Н.И.Жинкин, Ж.Пиаже, Б.А.Серебренников, П.Я.Гальперин. Мы бы добавили сюда также И.Н.Горелова, К.Ф.Седова (Горелов 1980, Горелов, Седов 1998).

Многие ученые занимают двойственную позицию, признавая как невербальность, так и вербальность мышления. Так, А.Н.Леонтьев и Л.С.Выготский в свое время много писали о действенном, наглядно - действенном и наглядно-образном мышлении, однако одновременно в их работах мы находим утверждения и о языковой природе сознания (Красных 2003, с.14). По нашему мнению, это связано с недостатком в тот период экспериментальных знаний о природе сознания и его связи с языком.

Однако и в современный период развития языкознания в целом и психолингвистики в частности существуют концепции, допускающие двойственную точку зрения. Так, сама В.В.Красных пишет:

«Как бы там ни было, все представленные точки зрения все-таки позволяют думать, что мышление и сознание суть феномены разные, хотя и тесно связанные. И если трудно утверждать, что мышление осуществимо только с помощью слов, то говорить о языковой природе сознания,

пожалуй, вполне допустимо (?). Тем более в рассуждениях лингвиста (?), рассматривающего речевую деятельность человека» (Красных 2003, с.15).

Получается, что если лингвист занимается речевой деятельностью, он *может* считать сознание языковым - ему так удобнее. Проблема кажется нам сложнее - подход к сознанию не может быть лингвистическим, философским, психологическим и под. - сознание едино и все науки, оперирующие этим понятием, должны в принципе опираться на естественнонаучное понятие о сознании и его связи с языком, на экспериментальные данные. В настоящее время все больше экспериментальных исследований свидетельствуют о невербальном характере сознания.

Этот вопрос подробно рассмотрен нами в ранее опубликованных работах (Попова, Стернин 2003, с. 19-36; Стернин 2004, с. 15-24), и мы не будем здесь подробно повторять соответствующую научную аргументацию. Ограничимся лишь суммированием общих положений, подробно изложенных нами в указанных выше работах.

Мышление осуществляется без обязательного обращения к языку. Инструментом мышления выступает универсальный предметный код, концепция которого как нейрофизиологического субстрата мышления была разработана Н.И.Жинкиным, опиравшимся на некоторые фундаментальные идеи, высказанные Л.С.Выготским. Дальнейшую разработку этой идеи осуществил И.Н.Горелов.

Единицами универсального предметного кода являются предметные чувственные образы, которые кодируют знания. Знания представлены в сознании человека концептами, а в качестве кодирующего концепт образа выступают чувственные образы, входящие в концепт как его составная часть. Таким образом, чувственная составляющая концепта кодирует содержащуюся в нем рациональную информацию, обеспечивая его функционирование как мыслительной единицы. В мыслительном процессе человек оперирует образами, которые несут и «прикрепленные» к образам рациональные знания.

Универсальный предметный код субъективен, индивидуален у каждого говорящего, поскольку он образуется у каждого человека как отражение его неповторимого, индивидуального чувственного жизненного опыта.

Единицы универсального предметного кода - это чувственные представления, схемы, картины, возможно - эмоциональные состояния, которые объединяют и дифференцируют элементы знаний человека в его сознании и памяти по различным основаниям.

Образные единицы универсального предметного кода могут косвенно обнаруживать себя. Когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно пытаются помочь себе, изображая руками перед собой в ходе рассуждения некоторые замысловатые фигуры – как бы пытаясь изобразить, передать экзаменатору тот образ, который, как они считают, кодирует необходимую им единицу знания в их сознании и для которого они не могут найти подходящие слова. Это, как правило, свидетельствует о

незнании рационального, логического содержания концепта. Если человек не знает смысл какого-либо абстрактного понятия, он часто помогает себе объяснить это движениями руки. Видимо, он пытается опереться на образное ядро концепта, изобразить его (как, например, можно изобразить образное ядро таких концептов как *рябь*, *зыбь*, *винтовая лестница*, *круглый*, *квадратный*, *маленький* и др.), в то время как абстрактная идея «руками» изображена быть не может.

Универсальный предметный код является нейрофизиологическим субстратом мышления, который существует и функционирует независимо от национального языка.

Концептосфера невербальна и существует в сознании на базе УПК автономно, независимо от языковых средств ее объективации.

Из всего сказанного следует, что необходимо четко различать *слова* и *концепты*: строго говоря, было бы правильнее говорить не «концепт дерево» или «концепт дерева», а «концепт, репрезентируемый в языке словом *дерево*», «представленный в системе языка словом *дерево*», «вербализуемый словом *дерево*» и т.д.

Проблема вербальной, языковой репрезентации, объективации концептов – это особая проблема, связанная с коммуникативными потребностями индивидов, а не с существованием и функционированием концептосферы как субстрата мышления.

Язык служит не для осуществления мышления, а для выражения, сообщения и обсуждения результатов мыслительной деятельности, мыслительного процесса человека; последний же есть процесс оперирования концептами.

3. Типология концептов

Проблема осмысления языковых единиц как структур представления знаний является актуальной, так как по совокупности концептов (концептосфере) можно судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке вообще и в языковом сознании конкретных носителей языка, в частности.

Для лингвиста интерес представляют те концепты, которые объективируются в языковых единицах и, прежде всего, в слове – двуплановом образовании, состоящем из материального субстрата (лексемы) и идеального содержания (семемы). Мысль о том, что путем изучения семемы, которая в свою очередь содержит элементарные единицы смысла – семы, можно получить доступ к сфере идеального в языке, не вызывает сомнений.

Вместе с тем, так как «кусочки действительности», отраженные идеальной стороной слова, различны, можно прийти к выводу о неоднородности концептов и говорить о необходимости их типологии.

Классификация концептов, предложенная А.П. Бабушкиным, включает следующие виды: «мыслительные картинки», схемы, фреймы, сценарии, «калейдоскопические» и логически-конструируемые концепты, равные понятиям в их обычном понимании.

Сами по себе данные термины не новы. Они широко употребляются в когнитивной психологии. Тем не менее, когнитологи по-разному осмысливают эти понятия и чаще всего представляют схемы, фреймы и сценарии как психологически выделяемые сущности, конструктивные элементы памяти, модели, применяемые при обработке материала на ЭВМ, но не связывают их с семным составом языковых единиц. Именно в последнем смысле эти термины используются в типологии концептов А.П. Бабушкина.

Переняв известную терминологию психологов-когнитивистов, А.П.Бабушкин разработал методику обнаружения концептов, строящуюся на лингвистическом подходе к их описанию. Эта методика заключается в определении типа концепта на основе семного состава слова, который выявляется в его дефиниции.

Ю. Н. Караулов пишет: «Инверсия отношений именования, при которой мысль двигалась бы от слова (означающего) к его значению (сигнификату), создает отношения интерпретативного типа, которые очень близки к отношению тождества. Сообщая о том, что значит слово, мы не только соединяем звук со смыслом, но как бы приравниваем значение слова к его толкованию при помощи других слов» (Караулов 1981, с. 278).

Если левую и правую части словарной статьи одноязычного толкового словаря обозначить как объясняемое и объясняющее, говорил по этому же поводу В.Г. Гак, то правая часть (объясняющее) должна в идеале содержать тот же набор сем, что и объясняемое (Гак 1990, с.463). Аналогичной точки зрения придерживался П. А. Флоренский, который считал, что термин по общему свойству языка должен быть соотнесен с некоторым синтетическим предложением, его заменяющим и в нем свитым (Флоренский 1991, с.566).

Таким образом, учитывая инверсию отношений именования – способность слова имплицировать его определение – можно утверждать, что идеальная сущность концепта «улавливается» словом и дублируется в его определении. Определение «свернуто» в знаке и мыслится за ним в виде совокупности сем, формирующих семему. В самом слове и в его вербальной дефиниции фиксируются результаты когнитивных усилий человеческого разума.

По характеру сем, эксплицируемых в словарном определении, можно судить о различиях в концептах, стоящих за конкретными языковыми единицами.

Образные семы регистрируют мыслительную картинку:

Ромашка – название ряда травянистых растений семейства сложноцветных, состоящих из срединных трубчатых желтых и краевых лепестковидных белых цветов (Словарь Бархударова, Евгеньевой).

Пространственные семы объективируют схему:

Дорога – полоса земли, накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяжение для езды, для проезда или прохода путь, стезя, направление и расстояние от места до места (словарь Даля).

Близость к «картинке» объясняется тем, что один носитель языка может ассоциировать лексему «дорога» с проселочной дорогой к дому, где знаком каждый бугорок и выбоинка, другой «мысленным взором» видит широкую автостраду, ведущую к аэропорту, но общая схема «протяжение», прекрасно уловленная В. И. Далем, будет включаться в состав семемы этого слова.

Архисема, оформленная рядом лексико-семантических групп, актуализирует фрейм. Концепт – фрейм имплицитно включает комплексную ситуацию; его можно сопоставить с «кадром», в рамки которого попадает все, что типично и существенно для данной совокупности обстоятельств. Примером фрейма может выступать слово «больница» – *медицинское учреждение, в которое помещают больных для лечения* (БАС).

Лексикографическая «сущность» фрейма компенсируется нашим знанием, «объемным» видением места, именуемого «больницей». Мы знаем, чем «больница» отличается, скажем, от «поликлиники». Мы ожидаем, что в больнице имеется приемный покой, палаты с кроватями для больных, есть врачи и медсестры. Вся эта информация включается в план содержания лексемы «больница».

Семы развития, движения, динамики репрезентируют сценарий:

Драка – ссора, сопровождаемая взаимными боями (Словарь Ожегова).

Сценарий состоит из нескольких этапов – в нем есть завязка, кульминация сюжета и развязка. Сценарий построен на дифференциации ролевых функций его участников.

В качестве субстрата перечисленных выше концептов выступают чувственные данные человеческого опыта.

Отдельно следует оговорить существование логически-конструируемых концептов, абсолютно лишенных образного начала:

Версия – разновидность, вариант изложения, толкование чего-нибудь (Словарь Ожегова). Смысл таких концептов равен их словарному толкованию. В этом плане логически-конструируемые концепты представляют лишь один тип концептов в рамках их общей системы.

Чем дальше номинация (словарная дефиниция) отстоит от чувственных данных, тем ближе когнитивная модель к логически-конструируемым концептам.

Концепты, стоящие за фразеосочетаниями, не отличаются от концептов, объективируемых словом, так как фразеосочетания с их тенденцией номинации единого понятия (концепта) реализуется в виде тех же когнитивных структур, что и лексемы. Следовательно, фразеологические (по способу их вербализации) концепты можно также дифференцировать как мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии. Например, «сиамские близнецы» (по имени родившихся в Сиаме близнецов,

сросшихся в области грудины) – о людях, связанных неразрывной дружбой, везде неразлучных – мыслительная картинка; «мамаево побоище» – полнейший беспорядок, разгром, опустошение где-либо – фрейм; «коломенская верста» – о человеке очень высокого роста – схема; «вертеться как белка в колесе» – быть в постоянных заботах, хлопотах – сценарий.

Калейдоскопические концепты сопряжены с когнитивными метафорами (гештальтами), через призму которых постигается сущность абстрактного имени. Лексема «жизнь» в «калейдоскопе» образных ассоциаций объективируется в сознании то в виде мыслительной картинки: «Жизнь – это красноватая искорка в немом океане Вечности» (И. С. Тургенев), то в виде схемы: «Жизнь – это путь, покрытый терновыми кустами» (О. Бартеlemi), то в виде фрейма: «Жизнь есть касса, куда мы складываем все принадлежащие нам сокровища» (В. Гумбольдт), то в форме сценария: «Жизнь – шахматная игра» (М. Сафир).

Следовательно, абстрактные понятия не являются «пустыми», «безликими» сущностями – за ними стоят личностные образы, позволяющие осознать сложные вещи посредством их сближения, соположения с физически ощутимыми конкретными реалиями.

В рамках воронежской лингвистической школы используется еще одна классификация концептов, в определенной мере уточняющая и дополняющая предыдущую.

Представление – обобщенный чувственно-наглядный образ предмета или явления.

Концепты-представления, как правило, объективируются в языке лексическими единицами конкретной семантики.

Представления статичны и являют собой отражение совокупности наиболее ярких внешних, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления.

Схема – концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой; это гипероним с ослабленным образом.

Схемы можно нарисовать, что говорит о реальности существования данной формы структуризации знаний. Схема – промежуточный тип концепта между представлением и понятием, определенный этап развития абстракции.

Понятие – концепт, который отражает наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, результат их рационального отражения и осмысления.

Концепты-понятия формируются в мышлении преимущественно как отражение научной и производственной сфер действительности (терминология)

Фрейм – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении.

Сценарий (скрипт) - последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития.

Гештальт - комплексная, целостная функциональная мыслительная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальт (термин Х.Эренфельса, австрийского искусствоведа конца 19-го века) представляет собой целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления.

Существенной для лингвистического исследования оказывается также типология концептов по характеру их «наблюдаемости», объективированности для человека. С этой точки зрения концепты можно подразделить на *вербализованные* – для которых есть в системе регулярные языковые средства выражения и которые регулярно овнешняются в коммуникативном процессе в данной языковой форме, и *невербализованные*, не имеющие в системе языка регулярных, стандартных средств языковой объективации или имеющие только косвенные способы языковой объективации и вербализуемые искусственно в условиях принудительно поставленной задачи (например, в условиях эксперимента или при необходимости их словесно описать в ходе исследования).

Вопрос о типологии концептов - один из важнейших теоретических вопросов, поставленный когнитивной лингвистикой в процессе ее становления.

Представители других лингвистических школ разрабатывают свои классификации концептов.

Так, например, Н.Н. Болдырев разграничивает конкретно-чувственные образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты (Болдырев 2001, с.36-38). С.Г. Воркачев выделяет концепты высшего уровня (долг, счастье, любовь, совесть) и обычные концепты (Воркачев 2004, с.44). Г.Г. Слышкин выделяет первичные и вторичные концепты, метаконцепты (которые образуются в результате осмысления продуктов предыдущей концептуализации и в которых реализуется рефлексия носителя языка (Слышкин Автореферат 2005, с.5), а также пропорциональные, сформировавшиеся, формирующиеся, предельные и рудиментарные лингвокультурные концепты (с.6-7). В.И. Карасик разграничивает параметрические и непараметрические (регулятивы и нерегулятивы) концепты. М.В. Пименова выделяет следующие виды концептов: образы (*Русь, Россия, мать*), идеи (*социализм, коммунизм*) и символы (*лебедь*) (Пименова Предисловие 2004, с.8), а также концепты культуры, которые делятся на несколько групп: универсальные категории культуры - *время, пространство, движение, изменение, причина, следствие, количество, качество*; социально-культурные категории - *свобода, справедливость, труд, богатство*, для русских - *достаток, собственность*; категории национальной культуры - для русских это *воля, доля, соборность, душа, дух*; этические категории - *добро, зло, долг, правда, истина*;

мифологические категории - *боги, ангел-хранитель, духи, домовый* (там же, с.10). Существуют и другие классификации.

Также существенной для лингвокогнитивного исследования оказывается классификация концептов по их принадлежности определенным группам носителей. С этой точки зрения выделяют *универсальные концепты* (*вода, солнце, родина, земля, дом* и др.), хотя и такие концепты могут обнаруживать национальную специфику; *национальные концепты* – присущие только одному народу, ср. японское *саби* – уединенное молчание на лоне природы, японское «женщина, которая, живи она в другое время, пользовалась бы большим успехом у мужчин», финск. *сису* – «жизненная стойкость и умение противостоять обстоятельствам, свойственная финнам», фр. *savoir-vivre* «умение жить в удовольствие», русские концепты *духовность, пошлость, смекалка, авось*, западные концепты *толерантность, приватность, вызов, честная игра* и под.

Существуют также *групповые* (возрастные, гендерные, профессиональные и под.), а также *индивидуальные* концепты.

И еще одно важное разграничение: по степени абстрактности содержания концепты подразделяются на *абстрактные* (ментефакты) и *конкретные* (натурфакты и артефакты).

Таким образом, концепты можно классифицировать по разным основаниям, каждое из которых будет отражать определенную «когнитивную реальность».

Предложенные классификации актуальны для методики лингвокогнитивного исследования, поскольку разные из названных типов концептов нередко требуют различающихся методик анализа и описания.

4. Концептосфера, семантическое пространство языка, языковая картина мира

Принципиальным для современной лингвистики представляется разграничение концептосферы и семантического пространства языка, которое многие авторы называют термином *языковая картина мира*.

Концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира. Концептосфере принадлежат и когнитивные классификаторы, способствующие определенной, хотя и не жесткой организации концептосферы.

Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков, совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка.

Значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве его языка, что и делает семантическое пространство языка предметом изучения когнитивной лингвистики.

Докогнитивная семасиология установила, что семантика языка (семантическое пространство языка) – это не набор, не инвентарь семем, а сложная их система, образованная с центром и периферией. По отношениям между значениями в семантическом пространстве языка можно судить об отношении концептов в национальной концептосфере.

Между концептами как единицами мыслительной деятельности существуют связи - по концептуальным признакам.

Концептосферы разных народов, как показывает изучение семантического пространства разных языков, существенно различаются и по составу концептов, и по принципам их структурирования. В лингвистике стал азбучной истиной тезис, что по устройству одного языка нельзя изучать устройство другого так же, как по плану одного города нельзя осматривать другой город. Национальная специфика концептосферы находит свое отражение и в национальной специфике семантических пространств языков.

Сопоставление семантических пространств разных языков позволяет увидеть общечеловеческие универсалии в отражении окружающего людей мира, и в то же время дает возможность увидеть специфическое, национальное, а затем и групповое, и индивидуальное в наборе концептов и их структуризации.

Как семантическое пространство языка, так и концептосфера однородны по своей природе, это мыслительные сущности. Разница между языковым значением и концептом состоит лишь в том, что языковое значение прикреплено к языковому знаку, а концепт как элемент концептосферы с конкретным языковым знаком не связан. Он может выражаться многими языковыми знаками, их совокупностью, а может и не иметь представленности в системе языка; концепт может овнешняться на основе альтернативных знаковых систем, таких как жесты и мимика, музыка и живопись, скульптура и танец и др.

Итак, концептосфера – область мыслительных образов, единиц универсального предметного кода, представляющих собой структурированное знание людей, их информационную базу, а семантическое пространство языка – часть концептосферы, получившая выражение (вербализацию, объективацию) в системе языковых знаков – слов, фразеосочетаний, синтаксических структур и образуемое значениями языковых единиц.

Семантическое пространство языка в рассматриваемом нами смысле в современной лингвистике оказывается синонимичным понятию *языковая картина мира*, а описание семантического пространства языка представляет собой описание языковой картины мира.

Языковая картина мира создается:

номинативными средствами языка - лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, фиксирующими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц (лакунарность разных типов);

функциональными средствами языка - отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц языковой системы;

образными средствами языка - национально-специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц;

фоносемантикой языка (Попова, Стернин 2007, с.4).

Изучение языковой картины мира необходимо для описания языка как системы, для выявления того, что *есть* в языке и как составляющие язык элементы в нем упорядочены; но если исследователь интерпретирует полученные результаты для выявления обозначенных языком когнитивных структур сознания, описание языковой картины мира выходит за пределы чисто лингвистического исследования и становится частью лингвокогнитивного исследования – используется для моделирования и описания концептосферы, концептуальной картины мира. Языковые знаки, слова выступают в этом случае средством доступа к единой информационной базе человека (А.А.Залевская) – его концептосфере, являясь методом выявления когнитивных структур.

Таким образом, исследование системных отношений в языке, а также исследование его национального семантического пространства – это моделирование вторичной, опосредованной, языковой картины мира.

Когнитивная интерпретация результатов исследования языковой картины мира, описания национального семантического пространства позволяет перейти от языковой картины мира к когнитивной, к описанию национальной концептосферы.

5. Номинативное поле концепта

Основным постулатом когнитивной лингвистики, как уже отмечалось, является мысль о том, что концепт как ментальная единица может быть описан через анализ средств его языковой объективации.

В связи со сказанным первостепенной задачей когнитивной лингвистики выступает получение исчерпывающего списка языковых единиц, объективирующих интересующий исследователя концепт. Совокупность языковых средств, объективирующих (вербализующих, репрезентирующих, овнешняющих) концепт в определенный период развития общества, определяется нами как *номинативное поле концепта*.

Номинативное поле отличается от традиционно выделяемых в лингвистике структурных группировок лексики – лексико-семантической

группы, лексико-семантического поля, лексико-фразеологического поля, синонимического ряда, ассоциативного поля тем, что оно имеет комплексный характер, включая все перечисленные типы группировок и не выступает при этом как структурная группировка в системе языка, представляя собой выявленную и упорядоченную исследователем совокупность номинативных единиц. Номинативное поле включает единицы всех частей речи.

Важно иметь в виду, что специализированные языковые средства существуют в языковой системе (или формируются на какой-то определенный период) для коммуникативно релевантных концептов, то есть для тех, которые являются в обществе предметом обсуждения, обмена информацией, высказывания отношения.

Одни концепты имеют обширное, легко выявляемое номинативное поле – существует много системных средств обозначения концепта и его признаков (в русском языке много номинативных средств, обозначающих концепт *выпивка*). Другие имеют ограниченное номинативное поле – это коммуникативно малорелевантные для широкого круга людей концепты, отражающие обычно узко специальные, конкретные мыслительные сущности, известные узкому кругу людей. Например, такие концепты как *мизинец, мочка уха, разводить животных* и под.

Третьи не имеют системно обнаруживаемого номинативного поля, они могут иметь только субъективные, окказиональные номинации, описания отдельных признаков концепта, индивидуально-авторские, косвенные номинации, но без названия всего концепта. Например, есть концепт *молодожены* и противоположный ему концепт, обозначающий людей, давно состоящих в браке. Последний концепт коммуникативно нерелевантен, хотя для него может быть использован ряд окказиональных единиц или ситуативных номинаций – **старожены, супруги со стажем, они не первый год женаты, они муж и жена с опытом, супруги с большим опытом семейной жизни, супруги с семейным опытом* и т.д.

Номинативное поле концепта принципиально неоднородно - оно содержит как прямые номинации самого концепта непосредственно (ядро номинативного поля), так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, раскрывающих содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях (периферия номинативного поля). Так, в ядро номинативного поля концепта «руководитель» войдут *начальник, руководитель, шеф, босс, хозяин, администратор, первое лицо, власть имущий, руководить, распоряжаться, командовать, руководящий* и др., в периферию – *кричит, своевольничает, капризный, компетентный, авторитарный, всевластный* и мн.др.

Выявлению в процессе лингвокогнитивного анализа подлежат как системные, так и окказиональные, случайные, индивидуально-авторские номинативные средства, так как все они входят в номинативное поле концепта и все дают материал для когнитивной интерпретации и построения модели концепта.

Языковые средства, которые могут входить в номинативное поле того или иного концепта:

прямые номинации концепта (ключевое слово-репрезентант концепта, которое избирается исследователем в качестве имени концепта и имени номинативного поля, и его системные синонимы);

производные номинации концепта (переносные, производные);

однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта; симиляры¹;

контекстуальные синонимы;

оказиональные индивидуально-авторские номинации;

устойчивые сочетания слов, синонимичные ключевому слову (*фруктовый сад, подводная лодка, капитан команды* и др.);

фразеосочетания, включающие имя концепта (*первая ласточка, железная дорога, белая ворона* и др.);

паремии (пословицы, поговорки и афоризмы) *Брань на воротах не виснет; Не обругавшись, и замка в клетке не откроешь; Кто не с нами, тот против нас; Молодо-зелено; Без труда не вынешь рыбку из пруда; Яйца курицу не учат* и др.;

метафорические номинации (к концепту *душа* - *душа поет, плачет, радуется, скорбит, смеется, рвется* наружу и под.);

устойчивые сравнения с ключевым словом (*высокий как столб, тупой как пробка, умный как Эйнштейн* и под.);

свободные словосочетания, номинирующие те или иные признаки, которые характеризуют концепт (*туча грозовая, большая, черная*);

ассоциативное поле (совокупность ассоциатов), полученное в результате эксперимента со словом-стимулом, именующим концепт;

субъективные словесные дефиниции, предложенные испытуемыми как толкования предложенного им концепта и др. (Попова, Стернин 2007, с. 69-71).

Концепты, объективируемые лексическими и фразеологическими единицами, часто называют лексическими или лексико-фразеологическими. Но важно помнить, что данное наименование характеризует способ вербализации концепта, а не тот факт, что концепт является словом или фразеологизмом.

Таким образом, номинативное поле концепта является языковым материалом, выступающим объектом лингвокогнитивного исследования. Предметом лингвокогнитивного исследования выступает семантика единиц номинативного поля концепта, которая отражает исследуемый концепт в языковом сознании носителей языка. Целью лингвокогнитивного исследования выступает описание соответствующего концепта.

---

¹ Под симилярами (термин А.А.Залевской) понимаются выявляемые экспериментально лексемы, близкие по семантике в языковом сознании испытуемых, хотя они и не являются синонимами в традиционном смысле – например, *газета* и *журнал*.

Описание семантики единиц номинативного поля позволяет представить содержание концепта в том виде, в котором он отражен и зафиксирован в языке. Это позволит реконструировать, описать лишь ту часть концепта, которая отражает его наиболее коммуникативно релевантные признаки, находящие языковую объективацию.

6. Концепт и слово

Проблема соотношения слова и концепта остается одной из центральных теоретических проблем когнитивной лингвистики.

Мы исходим из того, что словесная номинация концепта не является обязательным условием выделения концепта как реально существующей ментальной единицы и в принципе не является обязательной для существования концепта.

Современные психолингвистические и нейролингвистические исследования показывают, что механизм мышления и механизм вербализации - разные механизмы.

Выше мы уже отмечали, что концепты могут быть вербализованы не только лексемами, но и широким кругом других языковых единиц. Кроме того, концепты могут функционировать в универсальном предметном коде человека, выполняя свои функции единиц мышления, но не находя при этом выхода в язык и коммуникацию, поскольку некоторые из них не просто не предназначены для обсуждения с другими людьми. При этом в случае необходимости они, конечно, могут быть вербализованы, то есть описаны словесно без прямого называния самого концепта (ср. очень наглядный пример В.И.Карасика с выражением концепта «оставлять на потом» в русском языке (Карасик 2004, с.110), а также могут быть описаны исследователем в словесной форме. При этом существование вербализации не является для концепта обязательным условием его существования.

Любой языковой знак *представляет* концепт в языке, при этом он представляет концепт не полностью - он своим значением представляет несколько концептуальных (когнитивных) признаков, релевантных для сообщения, передача которых является задачей говорящего, входит в его интенцию. Весь концепт во всем богатстве своего содержания теоретически может быть выражен только совокупностью средств языка, всем номинативным полем концепта, каждое из которых раскрывает лишь какую-то его часть.

Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным (поскольку значения слов, которыми он передается, известны носителями языка, отражаются в словарях).

Проблему соотношения слова и концепта осложняет тот факт, что кроме концептов, выявляющихся при анализе лексических единиц, существуют концепты, не выражаемые какими-либо отдельными лексическими

единицами и обнаруживающиеся лишь в результате логико-семантического анализа классов и парадигм лексических единиц.

К таким концептам относятся в первую очередь классифицирующие – используемые для классификации различных предметов и явлений действительности. Большинство обобщающих классифицирующих концептов в сознании носителя языка не связано с какими-либо конкретными наименованиями, ср.: «наименования предметов природы», «наименования искусственных предметов», «психические качества человека», «индивидуальные особенности голоса», «наименования цветовых оттенков», «средства передвижения по воде», «получение информации в ответ на запрос» и мн. др. подобного типа.

Эти концепты выявляются в процессе семантического анализа и классификации лексических единиц, при анализе лексико-семантических парадигм. Носитель языка прекрасно понимает, что такое «цветовой оттенок» или «наименование искусственных (созданных руками человека) предметов», при необходимости может оперировать этими концептами в мышлении, хотя в языке эти концепты, как правило, не названы, а описательное обозначение их конструируется обычно только лингвистами в процессе лингвистического анализа лексических микросистем.

Подведем итог. Наличие концепта в концептосфере народа и наличие языковой единицы для сообщения об этом концепте – вещи относительно самостоятельные. Наличие языковой единицы всегда свидетельствует о наличии у народа некоего концепта, но для существования концепта как ментальной единицы ее системная языковая объективация не обязательна.

7. Концепт и значение

Осмыслить соотношение концепта и значения слова очень важно, так как от этого зависит как определение предмета когнитивной лингвистики, так и разработка методов анализа семантики языка.

В нашем изложении для лексического значения по традиции Воронежской теоретико-лингвистической школы используются термины *сема* (компонент значения), *семема* (один семантический вариант лексемы) и *семантема* (совокупность всех семем одной лексемы).

Сложности в разграничении **значения и концепта** определяются в зоне их пересечения, они и требуют развернутого обсуждения.

Общие черты значения и концепта

Сознание человека, локализуясь в мозге, отражает объективную и субъективную реальность.

Концепт и значение в равной мере представляют собой отражение реальности (объективной и субъективной). Оба явления – значение и

концепт – когнитивной природы, оба представляют собой результат отражения и познания действительности сознанием человека.

Когнитивные признаки, образующие содержание концепта, отражают определенные стороны явлений реальной действительности. Значение слова - семема состоит из сем, репрезентирующих, представляющих в речи отдельные когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

В связи с этим употребляющееся в некоторых направлениях когнитивных исследований словосочетание *когнитивная семантика* представляется тавтологией (типа *коммуникативное общение*), поскольку семантика некогнитивной быть не может – она отражает результаты когниции окружающей действительности.

Различия между значением и концептом

Значение и концепт – продукты деятельности разных видов сознания.

Мы уже обозначили выше различие между *когнитивным* и языковым *сознанием* человека. Проведенное разграничение позволяет противопоставить концепты и значения как ментальные единицы, вычленимые, соответственно, в когнитивном и языковом сознании человека и образующие само содержание этих видов сознания. Концепт – продукт когнитивного сознания человека, значение – продукт языкового сознания.

Особенность семантики языковых единиц в том, что семантика не просто отражает действительность, как концепт, это общеизвестная и коммуникативно релевантная часть концепта, выступающая в виде стороны языкового знака в актах коммуникации.

Отношения между значением и концептом

Значение по отношению к концепту выступает как его часть, называемая регулярно используемым и воспроизводимым в данном сообществе языковым знаком и представляющая в общении коммуникативно релевантную для данной лингвокультурной общности часть концепта.

«Соотношение слова и концепта можно уподобить видимой и невидимой части айсберга. Компоненты лексического значения выражают значимые концептуальные признаки, но не в полном объеме. Концепт объемнее лексического значения слова... Структура концепта гораздо сложнее и многограннее, чем лексическое значение слова», подчеркивает М.В.Пименова (Пименова Предисловие 2004, с.7).

Значение (семема) своими семами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Таким образом, значение и концепт соотносятся как коммуникативно релевантная часть и ментальное целое.

Лексикографическое значение

Как известно, еще А.А.Потебня разграничивал общеизвестное, «народное», «ближайшее» значение слова и «дальнейшее», личное, включающее эмоциональные, чувственные, научно-познавательные признаки. А.А. Потебня настаивал на том, что языковеды должны изучать только ближайшее значение, что отражает лингвистические представления того времени: изучается то, что вербализовано (Карасик 2004, с.37). В языкознании это требование в основном соблюдалось на протяжении примерно столетия. Однако сформировавшиеся в конце XX века принцип глобализма и антропоцентрический подход к языку изменили и исследовательскую парадигму – распространение сферы интересов семасиологов и когнитивистов и на дальнейшее значение слова стало общераспространенным принципом анализа в языкознании и смежных науках. Дальнейшее значение неизмеримо ближе к концепту, чем ближайшее, и интерес к нему когнитологов и лингвокогнитологов понятен.

В связи с этим считаем необходимым терминологически разграничить два типа значений – значение, представленное в толковом словаре, и значение, представленное в сознании носителя языка.

Значение, выявляемое психолингвистическими экспериментами, практически всегда оказывается объемнее и глубже, чем его представление в словарях, на которое обычно опираются лингвисты в анализе семантики единиц языка. Это позволяет говорить о разных объемах представления значения в разных исследовательских парадигмах.

Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике *системным*, фактически создается лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение.

Редукционизм выступает в данном случае в двух ипостасях – как логический и как описательный. Логический редукционизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности.

Получаемое в результате применения принципа редукционизма при составлении словарной дефиниции значение мы называем *лексикографическим*, поскольку оно сформулировано (смоделировано) лексикографами специально для представления слова в словарях.

Особо подчеркнем, что лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определенный ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция. При этом лексикограф фактически априори исходит из того, что именно в определенном

лексикографами семантическом объеме употребляет и понимает данное слово основная часть носителей языка. Однако, как уже упоминалось, любые психолингвистические эксперименты, как и многочисленные наблюдения над употреблением слова в текстах, повседневная практика разговорного словоупотребления легко опровергают данное представление о значении.

Лексикографическое значение в большинстве случаев оказывается недостаточным для описания реального функционирования слова в речи, оно всегда оказывается по объему меньше реального значения, существующего в сознании носителей языка. Многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот, – некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть очень и очень периферийными, а их яркость в сознании носителей языка оказывается исчезающе мала.

Сказанное нисколько не умаляет достижений лексикографов, не ставит под сомнение необходимость толковых словарей – они соответствуют своему назначению «натолкнуть» читателя на узнавание слова (как отмечал С.И.Ожегов, никто не будет с толковым словарем в руках определять, какая птица пролетела), но свидетельствует о несводимости значения слова к его словарному толкованию.

Поскольку многие семантические признаки слова, не фиксируемые словарными дефинициями, регулярно проявляются в определенных контекстах употребления слова, (ср., к примеру, признаки «слабая», «капризная» и др. в значении слова «женщина»), постоянно обнаруживаются в художественных текстах, в метафорических переносах и т.д., лексикографам и лексикологам, работающим над словарными дефинициями, приходится идти на определенные уловки – признавать возможность наличия у слова дополнительных «оттенков значения», периферийных, потенциальных и т.д. семантических компонентов, не фиксируемых словарными определениями слов.

В связи с этим представляется целесообразным говорить о существовании еще одного типа значения – *психолингвистического значения* слова.

Психолингвистическое значение

Психолингвистическое значение слова – это *упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка*. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение – это *психологически реальное* значение слова (Стернин 2005, с. 5; Стернин 2010 с. 57-63).

А.А.Леонтьев употреблял термин «психологически релевантное значение», «психологическое значение» (Леонтьев 1969; он же: 1976, с. 156 -169). Термин *психолингвистическое значение* представляется нам более удобным, так как указывает источник выявления и описания значения – психолингвистический эксперимент, а также его локализацию – психику человека (Стернин, Рудакова 2011, с.97-120).

Подчеркнем, что определение психолингвистического значения как *психологически реального* – это теоретическое допущение, указание на то, что такое значение ближе к психологической реальности, нежели лексикографическое или коммуникативное значение. Но, конечно, необходимо отдавать себе отчет в том, что полностью значение как психологическая реальность не может быть описано – всегда какие-то психологически релевантные компоненты значения окажутся вне поля зрения исследователя, не будут выявлены применяемыми им методами, останутся невыявленными как компоненты индивидуального языкового сознания и т.д.. Так что понятие *психологически реальное значение* – это некоторая научная абстракция, эталон, к которому должны стремиться исследователи значения в процессе его описания. Понятие же *психолингвистическое значение* более конкретно и определено – это реально функционирующее в языковом сознании носителей языка значение, выявляемое и описываемое по результатам психолингвистических экспериментов.

Психолингвистическое значение обычно шире и объемней, нежели его лексикографический коррелят (который, как правило, целиком входит в психолингвистическое значение, хотя его компоненты могут занимать в психолингвистическом значении разное место по яркости), а также шире коммуникативного значения, так как может включать в себя и выявленные экспериментально коммуникативно нерелевантные семантические компоненты.

И.Г.Овчинникова, соглашаясь с предложенным нами разграничением лексикографического и психолингвистического значения, определяет их следующим образом: «Под лексикографическим значением подразумевается словарное толкование, под психолингвистическим – интерпретация экспериментальных данных, позволяющая установить смыслы, связанные со словом в языковом сознании» (Овчинникова 2009, с.261).

Психолингвистическое значение структурировано по полемому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости.

В рамках семантемы многозначного слова отдельные психолингвистические значения также ранжируются по уровню яркости, выделяются ядерные и периферийные значения, при этом набор и количество психолингвистических значений обычно оказывается больше, чем набор и количество значений в традиционных лексикографических источниках, а соотношение главного и периферийных значений выглядит часто совсем

иначе, чем в лексикографических описаниях (Стернин, Рудакова 2011, с.97-99).

Психолингвистическое значение структурировано по полювому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости.

Психолингвистическое значение теоретически может быть выявлено и описано в своих основных чертах в результате исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова (что, правда, мало вероятно технически; всегда остается возможность, что некоторые семантические компоненты в проанализированном массиве контекстов не нашли актуализации), а также оно может быть с достаточной эффективностью выявлено экспериментальным путем – комплексом психолингвистических экспериментов со словом.

Психолингвистическое значение гораздо шире и объемней, нежели его лексикографический вариант (который, естественно, целиком входит в психологически реальное значение).

Содержание же *концепта* шире как лексикографического, так и психолингвистического значения.

В содержание концепта входят не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энциклопедические знания о предмете или явлении, они могут и не обнаруживаться в его речи и не осознаваться немедленно при предъявлении соответствующего слова, но являются достоянием личного или коллективного опыта.

Для выявления многих концептуальных признаков нужна рефлексия носителя языка.

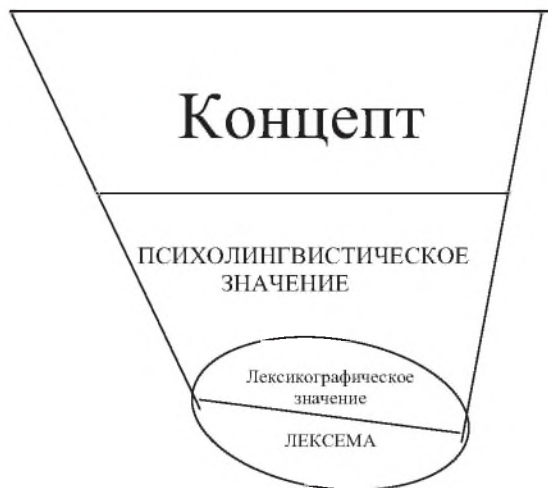
Энциклопедические знания, образующие концепт, представлены и упорядочены в виде поля.

Отдельные компоненты концепта – когнитивные признаки - могут быть названы в языке различными средствами, совокупность которых, как уже указывалось выше, обозначается термином *номинативное поле концепта*.

Графически соотношение концепта и разных типов значения представлено на рис. 1 и 2.

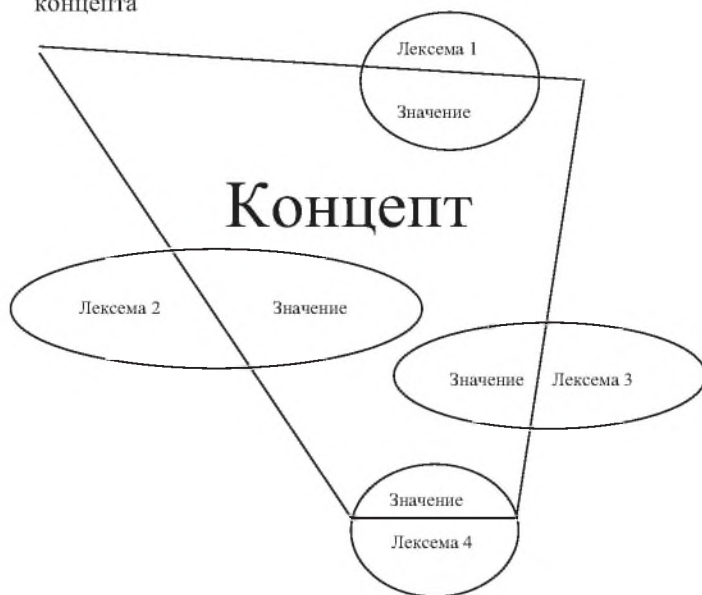
На рис. 1 показан весь объем концепта и разные виды значения – психолингвистическое и лексикографическое – как части этого содержания.

Рис. 1. Типы значений в объеме концепта

На рис. 2 показано, что значения слов, номинирующих концепт, совпадают с некоторыми частями, фрагментами содержания концепта, но ни одно из них не покрывает содержание концепта целиком.

Рис.2. Значения слов – номинантов концепта как части содержания концепта

Можно следующим образом суммировать основные различия между разными видами значения и концептом.

Лексикографическое значение	Психолингвистическое значение	Концепт
Описывается интроспективными, контекстуальными, логическими методами, традиционными методами семного анализа и не предполагает экспериментальной проверки, обращения к носителям языка	Описание значения основано на обобщении результатов экспериментальных исследований	Описывается интроспективными, логическими, контекстуальными, культурологическими, традиционными методами семного анализа, а также экспериментальными приемами
Формулируется логически как перечисление существенных дифференциальных признаков	Выявляется семной и семемной интерпретацией экспериментального языкового материала	Выявляется когнитивной интерпретацией экспериментального языкового материала
Отдельные значения вычлняются на основе различной денотативной отнесенности	Отдельные значения выявляются по денотативной отнесенности групп выявленных семантических компонентов	Не делится на значения, имеет целостный интегральный характер
Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Каждое значение формулируется связно, в форме дефиниции	Не предполагает обязательной связной формулировки, перечисляются составляющие концепт когнитивные признаки по убыванию яркости
Все семантические компоненты, вошедшие в дефиницию каждого значения, априори	Ядро и периферия выделяются в каждом значении отдельно	Ядро и периферия выделяются в содержании концепта в целом

считаются ядерными		
Содержит семемы и семы	Содержит семемы и семы	Содержит когнитивные признаки
Семы упорядочиваются семантическими признаками	Семы упорядочиваются семантическими признаками	Когнитивные признаки упорядочиваются когнитивными классификационными признаками
Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой оболочкой	Характеризует смысловое содержание конкретного слова, объективируемого конкретной звуковой оболочкой	Характеризует смысловое содержание, объективируемое группой языковых средств (номинативным полем концепта)
Включает компоненты, приписанные значению лексикографом	Включает семантические компоненты, актуально связываемые в данный период развития языка с данным словом в сознании испытуемых	Включает как актуально осознаваемые, так и извлекаемые из долговременной памяти путем рефлексии когнитивные признаки
Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных от основного, главного к производным и переносным значениям	Структурно представляет собой совокупность семем, упорядоченных по полювому принципу - по убыванию яркости отдельных значений	Структурно представляет собой образ, информационное содержание и интерпретационное поле; признаки данных структурных компонентов концепта упорядочиваются по убыванию яркости в структуре концепта

(Попова, Стернин 2007, с.100-101).

Подробнее разграничение лексикографического и психолингвистического значения представлено в работах: Стернин, Рудакова 2011; Маклакова, Стернин 2013).

Таким образом, значение слова как единицы языкового сознания может быть описано на двух уровнях – как лексикографическое (методами традиционной семасиологии) и психологически реальное значение (методами экспериментальной семасиологии и психолингвистики), а

концепт описывается лингвистами как единица когнитивного сознания (концептосферы) народа - лингвокогнитивными методами.

Значение – единица семантического пространства языка, то есть элемент упорядоченной совокупности, системы значений конкретного языка. Значение включает сравнительно небольшое количество семантических признаков (сем), которые являются общеизвестными для данного социума и связаны с функционированием соответствующей звуковой оболочки (лексемы). Семантика слова обеспечивает взаимопонимание народа в процессе коммуникации.

Концепт – единица концептосферы, то есть организованной совокупности единиц мышления народа. Концепт включает все ментальные признаки того или иного явления, которые отражены сознанием народа на данном этапе его развития. Концепт обеспечивает осмысление действительности сознанием.

Лингвисты, изучающие языковые значения, изучают языковое сознание человека; когнитологи изучают когнитивное сознание; лингвокогнитологи изучают когнитивное сознание языковыми приемами и инструментами.

Описание значения как факта языкового сознания – задача семасиологии как отрасли языкознания; описание концепта через язык как единицы когнитивного сознания - задача лингвокогнитологии.

8. Национальная специфика концептов

Национальная специфика концептов проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры.

При этом, как справедливо отмечает В.И.Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта» (Карасик 2004, с.112)

В близких концептах разных культур национальная специфика проявляется в том, что сопоставимые концепты неполностью совпадают по своему содержанию, причем именно несовпадения могут быть очень существенны для межкультурной коммуникации. Показательны следующие примеры:

«Солнце по-русски - это совсем не то, что куёш по-узбекски, и уж совсем не то, что офтоб по-таджикски. В какие отношения - дружелюбные или тягостные - человек вступил с небесным светилом, так их и выразил язык и произнес. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласково-уменьшительное «солнышко», так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодонесущим и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и

умиротворение, у узбека совсем иное отношение - все красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным» (Т.Пулатов. Язык, автор, жизнь. «Литературное обозрение», 1976, № 8, с. 109).

«Затрудняюсь объяснить русскому читателю, что такое «ртвели». Если очень коротко, то это несколько недель в сентябре-октябре, когда в виноградарских деревнях Грузии собирают и перерабатывают урожай. Одни называют «ртвели» работой, другие - праздником, но, наверно, это и то, и другое. Короче и проще объяснить не могу, боюсь, так разольюсь в описаниях, что и о главном, пожалуй, не скажу.

... Как объяснить, что такое грузинская деревня без «ртвели»? Но прежде - как объяснить «ртвели»? Сказать, что это пора сбора винограда, работа от зари до зари, а ночью - костер, отблеск пламени на человеческих лицах, искры в крошечной темноте вина, уставшая за день долина выдыхает жар, посеребренные ранним октябрьским снегом горы струят неземной свет на виноградники.

Зачем тебе «ртвели»?... Тебе нужна прозрачная ясность этой поры, та ее неизбежная ясность, в которой всегда зрим итог пути. Тебе нужен самый воздух этого времени, растворенное в нем чувство... блага жизни, осознание ее смысла и цели. И сильнее, чем когда-либо, ощущаешь, что и сам принадлежишь этой земле.

В эту пору грузинской жизни, когда даль прояснена до конца, когда открыты связи между земным и возвышенным, зримым и потаенным, личным и общинным, скоротечным и вечным, лишь тот несчастлив, кто отстранен от праздника неистовой работы» (Т.Мамаладзе. Несокрушимый Давид? «Литературная газета», 1982, 24 марта).

Солнце, луна, пора сбора винограда – эти концепты есть в русской, узбекской и грузинской культурах, но их содержание национально специфично.

Национальная специфика концептов проявляется в наличии несовпадающих когнитивных признаков, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в национальных концептах, в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в одном языке составляет ядро, в другой культуре может быть периферийным), в различиях образного компонента, интерпретационного поля, в присутствии разных когнитивных классификаторов и их различном статусе в категоризации денотата – одни классификаторы важнее и ярче в одной культуре, другие – в другой и т.д.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептов проявляется в наличии безэквивалентных концептов в национальных концептосферах.

Безэквивалентные концепты могут быть выявлены через безэквивалентные языковые единицы. Безэквивалентная единица – всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа. Ср. русские безэквивалентные единицы –

и, соответственно, представляемые ими концепты - *авось, духовность, интеллигенция, непротivление, пошлость, порядочность, смекалка, разговор по душам, выяснение отношений, соборность*.

Примеры национальных концептов, представленных в концептосферах англо-саксонского мира: *life quality* «качество жизни», *privacy* «неприкосновенность частной жизни», *self* «самостоятельность личности», *quality time* «время, проведенное за любимым или важным занятием», *tolerance* «толерантность», *fun* «все, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», *fortnight* «период времени продолжительностью в две недели», *challenge* «некоторая сложная задача или проблема, стимулирующая заняться ее решением, требующая усилий, мужества, смелости и напряжения сил для ее решения и предоставляющая возможность людям проверить свои силы на решении этой проблемы, доказать свою способность оказаться на высоте при ее решении», *fair play* «честная игра», *diffamation* «публичное оскорбление, унижение, дезинформация» etc.

Немецкие безэквивалентные концепты: *Spass* «все, доставляющее радость, развлечение, удовольствие», *Feierabend* «часть суток от окончания рабочего дня до отхода ко сну».

Китайский безэквивалентный концепт: *shan wei* «резкий бараний запах».

Японский национальный концепт: саби («уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука»), есть концепт «женщина, которая, живи она в другое время, имела бы большой успех у мужчин».

Финский национальный концепт: *sisu* – «особая финская твердость духа и умение стойко преодолевать препятствия».

Французское *savoir-vivre* – «умение жить в удовольствие, с наслаждением».

У индейцев Северной Америки есть концепт *потлач* – «пир, который разоряет человека и делает его знаменитым».

В одном из палеоазиатских языков есть концепт «плывя вниз по течению на каноэ, пристать к берегу, чтобы лечь на дно лодки и провести в ней ночь».

Примеры таких концептов могут быть умножены.

Однако надо иметь в виду, что словесная невыраженность – не гарантия концептуальной безэквивалентности концепта. В другом языке концепт может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов, может иметь устойчивое описательное выражение. Кроме того, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но быть лексически не выраженным, не вербализованным. Например, таков китайский концепт *ling shi* «нулевая еда» (например, семечки, орешки, мороженое): в русской концептосфере этот концепт есть (мы понимаем, что такая еда есть, что это не настоящая еда, говорим «Разве это еда?»), но у нас нет языковой

единицы для его обозначения, а китайцы этот концепт номинативно обозначили.

Возможна и такая ситуация: при отсутствии общенародного концепта наличие в сознании отдельных людей или групп людей концептов, свойственных концептосфере других народов (ср. западное понимание демократии, прав личности, закона, толерантности и мн.др. в сознании ряда российских политических деятелей и сторонников либеральных политических взглядов).

Таким образом, если установление национальной специфики концептов требует описания концептов двух культур и сопоставления этих концептов по составу когнитивных признаков и их статусу, яркости в структуре концепта, то выявление безэквивалентных, эндемичных концептов требует тщательного когнитивного, культурологического и исторического анализа.

9. Номинативная плотность концепта

Важной характеристикой концепта является его *номинативная плотность* (термин В.И.Карасика).

Под номинативной плотностью понимается степень детальности языкового обозначения определенного концептуального пространства, «детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» (Карасик 2004, с.112).

«Неравномерная концептуализация различных фрагментов действительности проявляется в виде *номинативной плотности* – одни явления действительности получают детальное и множественное однословное наименование, между лексическими и фразеологическими выражениями соответствующих концептов устанавливаются различные системные отношения уточнения, сходства и различия, в то время как другие явления обозначаются общим недифференцированным знаком» (Карасик 2004, с.111).

Например, по свидетельству В.И.Карасика, в китайском языке много однословных наименований путешественников, обозначены отдельными словами путешествующие императоры, аристократы. В русском есть одно слово – путешественник. В китайском языке намного больше однословных наименований запахов, чем в русском. У тюркских народов есть однословная дифференциация напитков из кобыльего и верблюжьего молока – *кумыс* и *иубат*. В английском языке много дифференцированных названий концепта *плыть*.

Известно, что у северных народов много однословных названий снега, оленей, моржей. Стати, в русском языке пять названий снега с ветром – *метель, пурга, вьюга, поземка, буран*, а в большинстве европейских языков есть одно словосочетание или сложное слово – *снежный шторм*.

Номинативная плотность – относительный показатель: в одном языке много прямых наименований различных видов концепта, а в другом мало или используется не однословное, а описательное выражение.

О чем свидетельствует высокая или низкая номинативная плотность концепта, о каких признаках концепта как когнитивного феномена?

Высокая номинативная плотность концепта свидетельствует:

1. об актуальности осмысления той или иной сферы действительности для конкретного сообщества: «важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества является понятие номинативной плотности» (Карасик 2004, с.112). Если наименований много, то данная сфера действительности важна для практической деятельности народа и поэтому детально осмысливается;

2. о древности соответствующего концепта, а также о его ценностной значимости: «чем многообразнее потенциал знакового выражения концепта, тем более древним является концепт и тем выше его ценностная значимость в рамках данного языкового коллектива» (Слышкин 2000, с.18);

3. о коммуникативной релевантности концепта, необходимости обсуждать его, обмениваться данной концептуальной информацией в конкретном социуме: раз у концепта много видовых названий, значит об этом необходимо детально говорить, данная концептуальная информация коммуникативно востребована.

Подчеркнем еще раз, что причины вербализации или отсутствия вербализации концепта - чисто коммуникативные (коммуникативная релевантность концепта).

Вместе с тем, количественная незначительность номинативного поля концепта, особенно в области прямой, непосредственной номинации концепта (то есть номинации собственно концепта в целом, а не отдельных его признаков), далеко не обязательно свидетельствует о его коммуникативной нерелевантности – ср. концепт «русский язык», который имеет ограниченную системную объективацию (*русский язык, русский*), но частотность этих единиц велика и концепт коммуникативно релевантен.

Известно также, что увеличение количества языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, формирование обширного синонимического ряда или лексико-фразеологического поля является отражением коммуникативной значимости, а, следовательно, популярности того или иного предмета, явления («закон Шпербера»). Такой предмет или явление подвергается в соответствующий период развития общества дополнительному осмыслению, в нем выявляются новые признаки, которые и отражаются в увеличении номинативного поля данного концепта и повышении его номинативной плотности.

Номинативная плотность концепта обычно отражает его содержательное богатство.

10. Алгоритм семантико-когнитивного анализа концептов

«Методика исследования концептов ... заключается в интерпретации значения конструкций, объективирующих те или иные особенности концептов; в выявлении частотных (свойственных многим концептам) таксономических характеристик и определении по этим характеристикам общих типологических признаков исследуемых концептов. Затем - на их основе - обобщение особенностей концептов, а также выделение концептуальных структур, когнитивных моделей и языковых схем актуализации исследуемых концептов в сравниваемых языках» (Пименова Монография 2004, с.20).

Как отмечает Н.В.Крючкова, «для описания концепта в его синхронном состоянии необходимо синхронное исследование репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов и изучением дискурсивного функционирования слов, являющихся лексическими репрезентациями концепта. Такой анализ позволяет увидеть, какое содержание вкладывают носители того или иного языка в те или иные понятия и выявить связи, существующие в концептуальной системе носителей языка (т.е. взаимодействие анализируемого концепта с другими концептами). Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания признаков концепта» (Крючкова 2005, с. 23).

Основные этапы семантико-когнитивного исследования в нашем представлении таковы:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.

Данный этап факультативен, но желателен, поскольку в любом описании концепта велика роль субъективизма исследователя в выделении и формулировании когнитивных признаков, а носители языка в специальном эксперименте могут подтвердить или опровергнуть правильность выделения исследователем того или иного когнитивного признака. Появляется также возможность при обработке результатов, полученных от испытуемых, вычислить яркость каждого признака в структуре концепта, что позволяет ранжировать когнитивные признаки в концепте по яркости, выделить ядро и периферию.

Если у исследователя отсутствуют возможности проведения верификации, ему приходится полагаться на собственную языковую интуицию, собственный опыт носителя языка.

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Следующие шаги будут зависеть от того, ставит ли исследователь своей задачей двигаться дальше в сферу когнитивно-семасиологических либо лингвоконцептологических исследований (то есть, ставит ли он задачу описать семантику тех или иных языковых единиц с использованием когнитивных данных или моделировать концепт как единицу сознания).

В первом случае полученные когнитивные данные просто используются для объяснения семантического развития исследуемых языковых единиц. Например, понятия когнитивного признака, классификатора используются для объяснения появления тех или иных сем или семем, их группировок, изменений в семантике слова, перестроек семантемы слова. Когнитивные признаки интерпретируются как компоненты семантики слова, номинирующего концепт.

Во втором случае необходим этап моделирования концепта, который позволит описать концепт как целостную ментальную единицу и предполагает несколько последовательных шагов:

- описание макроструктуры концепта (атрибуция выявленных когнитивных признаков образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);
- описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков);
- описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Результаты когнитивной интерпретации и верификации позволяют представить модель содержания исследуемого концепта.

Итогом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологического исследования является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры.

Итогом моделирования значения слова по результатам описания концепта является углубленное описание семантики слова с учетом ядерных и периферийных когнитивных признаков, которые интерпретируются в когнитивной семасиологии как семантические компоненты значения слова.

11. Методы описания значений и концептов: сходства и различия

Лингвокогнитивная методика описания и моделирования концептов строится на анализе семантики языковых средств, объективирующих концепт. Анализ семантики, как традиционно-лингвистический, так и экспериментальный, может дать исследователю описание собственно значений лексических единиц (лексикографического и психолингвистического), а также и описание концепта.

Изложим отдельно методики «извлечения» из языкового материала значений и концептов.

Лексикографическое значение

Наиболее надежными приемами описания содержания и структуры *лексикографического значения* являются логический метод, метод интроспекции, анализ употребления слова в различных письменных и устных контекстах, в идеале – метод компонентного анализа (хотя большинством составителей словарей этот метод не применяется из-за его трудоемкости).

Лексикографическое значение формулируется на основе анализа многочисленных контекстов употребления слова путем логической редукции семантических признаков, признаваемых лексикографом несущественными. Если слово обозначает разные денотаты, то выделяются разные значения, которые располагаются в словарной статье от основного по производным, более поздним по возникновению, связанным с основным отношениями семантической производности.

Основное, ядерное значение и порядок расположения периферийных, производных значений в семантеме определяется логическим анализом, историческим анализом, субъективно определяемой частотностью значений, а также лексикографической традицией.

Психолингвистическое значение

Наиболее эффективным методом изучения психологически реальных значений и концептов как «реальностей сознания» людей является психолингвистический эксперимент, и прежде всего - ассоциативный эксперимент в двух его разновидностях - свободный и направленный (Виноградова, Стернин 2016).

При описании психолингвистического значения ассоциативный эксперимент – как свободный, так и направленный – дает достоверные данные при учете только первой ассоциативной реакции, поскольку остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на собственно стимул, сколько на предыдущую реакцию; учет первой реакции позволяет избежать этого недостатка.

Ассоциативный эксперимент, как свободный, так и направленный, имеет своей целью построение ассоциативного поля стимула (описание совокупности реакций, упорядоченных по убыванию частотности), которое далее выступает как материал для семантической интерпретации.

В рамках семантемы многозначного слова отдельные психолингвистические значения также ранжируются по уровню яркости, выделяются ядерные и периферийные значения, при этом набор и количество психолингвистических значений обычно оказывается больше, чем набор и количество значений в традиционных лексикографических источниках, а соотношение главного и периферийных значений выглядит часто совсем иначе, чем в лексикографических описаниях.

При решении задачи описания психолингвистического значения возникают две основные теоретические проблемы – отбор наиболее эффективных и экономных экспериментальных процедур и форма представления описания психолингвистического значения.

Наиболее эффективны для описания психолингвистического значения свободный ассоциативный эксперимент и направленный ассоциативный эксперимент с инструкцией типа: *X какой?, X что делает? для чего нужен? X – это...* и под. (Виноградова, Стернин 2016). Результаты ассоциативных экспериментов подвергаются процедуре семной интерпретации, то есть ассоциативные реакции интерпретируются как вербализация отдельных сем слова-стимула (в соответствии с предикативной гипотезой Дж. Миллера).

По результатам семантической интерпретации экспериментальных процедур строится обобщенная интегральная модель значения исследуемого слова – то есть описывается психолингвистическое значение этого слова.

Если некоторые совокупности сем относятся к разным денотатам слова, то описываемое слово интерпретируется как многозначное и отдельно описывается каждое из значений этого слова. Соответствующие значения описываются как совокупности сем с определенным индексом яркости (ИЯ), вычисляемым как отношение количества испытуемых, актуализировавших (вербализовавших) данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых. *Индекс яркости семы* представляется очень важным показателем семантического компонента, так как он показывает реальное место, занимаемое им в значении слова в языковом сознании носителя языка, отражает степень актуальности того или иного семантического компонента для языкового сознания.

Вычисляется также совокупный *индекс яркости значения* (СИЯ) как сумма индексов яркости всех образующих значение сем, что позволяет выделить более и менее яркие, ядерные и периферийные значения в семантеме слова и ранжировать их по яркости.

Относительная яркость семантического компонента может быть отражена и простым указанием количества ИИ, актуализировавших

данный семантический компонент в эксперименте (как в приводимом ниже примере).

Концепт

При описании концепта через семантику номинирующих его языковых средств используются как все традиционные, так и экспериментальные методы описания значений, а результаты подвергаются особой процедуре – когнитивной интерпретации.

Все результаты описания семантики единиц номинативного поля концепта – как на уровне лексикографического, так и на уровне психолингвистического описания значений – могут быть использованы в описании концепта, это зависит от поставленных исследователем целей (максимально полное описание или описание основных, ядерных черт концепта, от возможностей исследователя и т.д.). Полученные результаты описания значений должны быть подвергнуты когнитивной интерпретации (см. ниже).

Вместе с тем возможно и прямое экспериментальное лингво-когнитивное описание концепта, минуя стадии описания значений единиц номинативного поля. Результаты описания номинативного поля концепта, как и результаты экспериментальных исследований, могут быть непосредственно подвергнуты когнитивной интерпретации (см. ниже).

Есть некоторые особенности применения ассоциативного эксперимента в описании концепта.

При описании концепта с использованием методик ассоциативного эксперимента могут быть учтены несколько реакций, предложенных испытуемыми, поскольку для выявления и описания содержания концепта важны любые психологически осознаваемые ментальные информационные компоненты, вычлняющиеся в сознании испытуемых в том или ином ментальном образовании (концепте) – как непосредственно осознаваемые в ходе эксперимента, так и выводимые путем рефлексии из содержания концепта.

Свободный ассоциативный эксперимент с использованием первой реакции лучше выявляет связи концепта в концептосфере, а направленный ассоциативный эксперимент - образующие концепт когнитивные признаки. Для целей описания содержания концепта второй предпочтительнее как более информативный. Однако можно использовать оба варианта и обобщить в описании результаты, полученные в обоих экспериментах, поскольку объединенные признаки будут иметь показатель яркости, который позволит непротиворечиво расположить их в итоговой полевой модели концепта.

О.Е.Виноградова обосновала использование интегрального ассоциативного поля для анализа психолингвистического значения слова (Виноградова, Стернин 2016).

Таким образом, лингвокогнитивное описание концепта - это особая лингвистическая процедура, которая имеет как сходства с процедурами

описания лексикографического и психолингвистического значений, так и принципиальные отличия от них.

Сходство описания значений и концептов:

анализируется семантика языковых единиц;
выделяются семантические компоненты (семы);
используются традиционные и экспериментальные методы выделения сем;
результатом описания является некоторая обобщенная смысловая модель.

Основные отличия:

Лексикографическое значение

- используются преимущественно традиционные лингвистические методы;
- структура значения описывается и формулируется как связанная совокупность архисемы и минимума дифференциальных сем;
- при моделировании значения выделяются отдельные значения по денотативному принципу;
- выделенные значения упорядочиваются в семантему от основного значения к производным преимущественно по диахроническому принципу.

Психолингвистическое значение

- используются преимущественно экспериментальные методы;
- структура значения описывается и формулируется как связанная совокупность архисемы и максимума дифференциальных сем;
- при моделировании значения выделяются отдельные семемы по денотативному принципу;
- выделенные значения упорядочиваются в семантему от ядерного значения к периферийным по принципу психологической яркости в семантеме.

Концепт

- используются как традиционно-лингвистические, так и экспериментальные методы;
- при моделировании концепта выделяются когнитивные признаки, а не отдельные значения;
- структура концепта описывается на основе совокупности образа, информационного содержания и интерпретационного поля;
- содержание концепта описывается как совокупность когнитивных признаков, упорядоченных по принципу поля от ядра к ближней, дальней и крайней периферии.

12. Построение номинативного поля концепта

Построение номинативного поля концепта представляет собой установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки. В построении номинативного поля концепта исследователь может пойти двумя путями.

Во-первых, можно сосредоточиться на выявлении только прямых номинаций концепта – ключевого слова и его синонимов (как системных, так и окказиональных, индивидуально-авторских) – это приведет к построению *ядра номинативного поля*. Например, ядро номинативного поля концепта женщина составят такие единицы как *женщина, лицо женского пола, баба, дама, телка, тетка, слабый пол, дочь дьявола* и др.

Во-вторых, можно не ограничиться прямыми номинациями и выявить все доступное исследователю номинативное поле концепта, включая номинации разновидностей денотата концепта (гипонимов) – *жена, хозяйка, мать, старуха, мегера, девчонка, фифа, мымра, леди, бизнес-леди, старая карга* и под., и наименования различных отдельных признаков концепта, обнаруживающихся в разных ситуациях его обсуждения – *ласковая, нежная, капризная, рождает детей, сплетничает, убирает, стирает, ревнует, ругает мужа, заботится о семье, любит тратить деньги, следит за мужем, чинит одежду* и т.д. и т.п. Наиболее часто номинируемые гипонимы оказываются и наиболее типичными «представителями» концепта в коммуникации, наиболее часто номинируемые признаки – наиболее яркими признаками концепта, обсуждаемыми в коммуникации. И те, и другие позволяют пополнить наши представления о структуре изучаемого концепта. К описанию можно добавить паремии, афоризмы, фразеологизмы о женщине. Это будет расширенное описание номинативного поля, *построение полного номинативного поля концепта*.

В зависимости от задач и возможностей исследователь может пойти по первому или второму пути; важно отметить, что второй путь, конечно, более трудоемкий, но дает гораздо более глубокие и достоверные результаты.

13. Экспериментальные методики исследования концептов

Мы уже рассмотрели выше экспериментальные методики – свободный и направленный ассоциативный эксперимент – как приемы формирования номинативного поля концепта.

Но экспериментальные методики могут не только помочь в формировании номинативного поля концепта, они могут быть использованы непосредственно для анализа содержания концепта и выделения образующих его когнитивных признаков.

Свободный и направленный ассоциативный эксперимент в равной степени позволяют выделить многочисленные когнитивные признаки, объективированные ассоциатами. Если в классическом ассоциативном эксперименте, направленном на анализ языкового сознания и определения психолингвистического значения слова, принято использовать только первую реакцию, то в применении ассоциативных экспериментов к анализу когнитивных структур могут использоваться и последующие за первой ассоциации, поскольку в когнитивном анализе выявляются и выводные знания и косвенные когнитивные признаки, обнаруживаемые как раз в последующих ассоциатах.

Кроме того, в когнитивных исследованиях оказывается эффективным рецептивный эксперимент.

Рецептивный эксперимент — это вид лингвистического интервьюирования, которое направлено на исследование понимания, восприятия концепта, его субъективную дефиницию. Проводится методом анкетирования с вопросами типа:

Что вы понимаете под...,
Дайте свое определение...,
Подберите синонимы к...,
Выберите подходящие синонимы...,
Выберите правильное, на ваш взгляд, определение...,
Назовите противоположное понятие ...,
Выберите противоположное понятие...,
... - это хорошо или плохо? и т.д..

Близок к рецептивной методике экспериментальный прием, когда испытуемым предлагается закончить фразу типа: закон — это...

собака — это...,
счастье — это... и под.

Последний прием представляет собой разновидность направленного ассоциативного эксперимента.

Указанные приемы позволяют получить богатую информацию о восприятии и интерпретации исследуемого концепта когнитивным сознанием. Полученные результаты обобщаются, подобно результатам ассоциативных экспериментов, и исследователь получает набор когнитивных признаков, упорядоченных по яркости в сознании носителей языка. (Попова, Стернин 2007).

14.Описание семантики языковых средств, образующих номинативное поле концепта

Следующим этапом лингвокогнитивного исследования является семантическое описание единиц выделенного номинативного поля. Номинативное поле состоит из разнородных языковых единиц, и задача этапа их семантического описания — представить значения единиц

номинативного поля в виде набора отдельных семантических компонентов, которые впоследствии будут подвергнуты когнитивной интерпретации.

Семантическое описание заключается в толковании значений входящих в номинативное поле концепта единиц. «Описание концепта – это специальные исследовательские процедуры толкования значения его имени и ближайших обозначений» (Карасик 2004, с.110).

Значения паремий устанавливаются по паремиологическим словарям и сборникам.

Значение устойчивых сравнений типа *силен как бык* в специальном семантическом описании не нуждаются, поскольку смысл выражения эксплицирован в самом сравнении.

Описание семантики лексем и фразеологических единиц, входящих в номинативное поле концепта, осуществляется традиционными лингвистическими методами и приемами - установление значений по словарям (рекомендуется использовать несколько словарей и сформулировать обобщающую данные всех словарей дефиницию значения), а также в случае необходимости проведение компонентного анализа значений – в рамках синонимического ряда, лексико-фразеологического поля; о методике компонентного анализа подробнее см. Стернин 2003).

В результате описанных процедур исследователь получает семное описание значений единиц номинативного поля, то есть описание значений в виде семантических компонентов – сем. Это именно тот вид семантического описания, который удобен и необходим для следующего этапа когнитивного исследования – когнитивной интерпретации.

15. Верификация результатов описания концептов

Под верификацией нами понимается *проверка полученных данных путем обращения к носителям языка*.

Верификация – не обязательный, но желательный этап когнитивного исследования (а также экспериментального исследования значений), поскольку многие результаты, получаемые традиционными лингвистическими методами, нуждаются в проверке на соответствие современному состоянию языкового сознания носителей языка.

Любое описание концепта, полученное лингвистом, – одна из возможных моделей концепта. Не случайно, описания одних и тех же концептов разными лингвистами даже по сходным методикам получаются далеко не всегда совпадающими. В связи с этим полученные данные и желательно подвергать процедуре верификации; особенно это важно при исследованиях, в значительной степени базирующихся на исторических штудиях, культурологической информации, анализе паремий – актуальность этой информации для современного человека далеко не очевидна.

В процессе верификации можно, что немаловажно, получить сведения о яркости когнитивного признака в структуре концепта, а также о возрастной, социальной, профессиональной, гендерной специфике концептов.

Верификация возможна *после семного описания значений* единиц номинативного поля.

К примеру, полученный список семантических компонентов (сем) может быть предъявлен группе носителей языка с просьбой отметить, присущ этот компонент значению соответствующей лексической единицы или нет. Окончательный список семантических компонентов описываемых единиц, подтвержденных большинством испытуемых, принимается за основу для когнитивной интерпретации.

Верификация может быть осуществлена также *после этапа выявления когнитивных признаков*, образующих содержание концепта. Испытуемым может быть предъявлен для верификации набор выделенных когнитивных признаков. Экспериментальная верификация позволит и ранжировать эти признаки по яркости в структуре концепта

Аналогично можно использовать процедуру верификации для *определения смысла паремий*, понимание которых вызывает у исследователя затруднение: *как вы полагаете, что имеется в виду, когда говорят ... язык царствами ворочает?*

Верификация может понадобиться для выявления когнитивных признаков, объективируемых фразеологизмами (он смотрел на нее собачьими глазами - это как?, тоска зеленая – это какая?), а также для интерпретации метафор (душа трепещет – что делает?, гроза кувыркрается – что делает?) и т.д.

В целом верификация является дополнительной процедурой семантико-когнитивного анализа, повышающей надежность и психологическую достоверность описания содержания и структуры концептов.

16. Когнитивная интерпретация

Понятие когнитивной интерпретации

Семантико-когнитивное направление когнитивной лингвистики исследует концепты через значения номинирующих их языковых единиц.

В связи с этим важнейшим этапом семантико-когнитивного исследования является когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых единиц – именно этот этап процедуры лингвокогнитивного исследования «переводит» языковые данные в когнитивные и позволяет приступить к моделированию концепта. Другие направления когнитивной лингвистики данного этапа не предусматривают или не выделяют как отдельный этап методики, растворяя его в анализе семантики. В семантико-когнитивном направлении интерпретация

результатов лингвистического описания номинативного поля концепта – важнейший и абсолютно необходимый этап исследования.

Под *когнитивной интерпретацией* понимается *мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта.*

Все полученные до когнитивной интерпретации семантические описания – еще не описания содержания и структуры концепта, это толкования значений номинативных единиц, называющих отдельные когнитивные признаки, вербализованные теми или иными языковыми средствами.

Без этапа когнитивной интерпретации построение модели концепта невозможно – если данный этап миновать, то при моделировании концепта будут просто отождествлены с концептом значения единиц, номинирующих его, что не соответствует когнитивной реальности, существенно искажает и обедняет модель концепта.

Когнитивная интерпретация сем

Итогом предыдущего этапа семантико-когнитивного исследования – описания семантики единиц номинативного поля концепта – является максимально полное описание значений языковых единиц. В итоге получается описание значений (лексикографическое или психолингвистическое, в зависимости от примененных методов и поставленных задач) через перечисление образующих их сем: каждое значение представлено своим набором сем.

Установление сем, образующих значения разных языковых единиц, номинирующих концепт, позволяет выявить их более или менее полный набор, образующий номинативное поле и, следовательно, отражающий когнитивные признаки исследуемого концепта. К примеру, анализ синонимического ряда позволяет выявить целый ряд семантических компонентов, репрезентирующих определенные когнитивные признаки.

Так, О.Ю.Лукашкова исследовала концепт *друг*. Лексема *друг* была сопоставлена с синонимами – *приятель, товарищ*. Анализ словарных дефиниций трех исследуемых слов по Словарю синонимов под ред. А.П.Евгеньевой позволяет выявить для слова *друг* такие семантические компоненты как «избранный» («Приятели у Гаврика было много, а настоящих друзей всего один – Петя») и «интимность» (ср. *друг и товарищ*) (Лукашкова 2001). Все эти компоненты интерпретируются как когнитивные признаки концепта *друг*, а разные синонимы актуализируют разные аспекты этого концепта.

Затем совпадающие или близкие по содержанию семы, выделенные в единицах номинативного поля концепта, обобщаются (то есть сводятся к

одному признаку) и интерпретируются как единый когнитивный признак концепта. Если семы имеют показатель яркости (являющийся результатом подсчета количества текстовых реализаций или частотности соответствующего ассоциата), то семы, обобщаемые в процессе когнитивной интерпретации в единый когнитивный признак, получают суммарную частотность из сложения отдельных реализаций данного признака.

Далее происходит ранжирование когнитивных признаков по яркости.

Ранжирование позволяет распределить когнитивные признаки по зонам – ядро, ближняя, дальняя периферия и интерпретационное поле. При наличии материалов экспериментов яркость тех или иных признаков определяется в процентах, выделяются профилирующие когнитивные признаки.

Осуществляется также когнитивная интерпретация паремий, результатов ассоциативных экспериментов, метафор, когнитивная интерпретация частотности лексем, внутренней формы значения лексемно-номинанта; осуществляется выявление когнитивных классификационных признаков и т.д. (Попова, Стернин, 2007, с.198-209).

17. Моделирование концепта и значения

Моделирование концепта включает три взаимодополняющие, но выполняемые отдельно процедуры:

1. *описание макроструктуры концепта* (отнесение выявленных когнитивных признаков к образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);

2. *описание категориальной структуры концепта* (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как их иерархии по актуальности для концептуализации денотата концепта);

3. *описание полевой организации концепта* (выявление и описание когнитивных классификационных признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта и представление содержания концепта в виде полевой структуры), подробнее см. (Попова, Стернин 2007, с.210-217).

Когнитивно-семасиологическое описание языковых единиц представляет собой использование модели концепта как глобальной энциклопедической ментальной единицы для углубленного семантического описания номинирующих его единиц, выявления ядерных и периферийных семантических компонентов: когнитивные признаки концепта интерпретируются как ядерные и периферийные семы того или иного значения номинирующего концепт слова.

Глава 2.

Из опыта когнитивно – семантического описания языковых явлений

1. Когнитивно-семантический подход к описанию значений

В данной главе мы проиллюстрируем отдельные приемы использования результатов семантико-когнитивного исследования в традиционных семасиологических описаниях.

Основа подхода – использование результатов описания концепта в описании структуры значения слова. Когнитивно-семантический метод предполагает, что когнитивные методы позволяют получить описания концепта, которые могут быть в дальнейшем интерпретированы как компоненты семантики номинативных единиц, называющих концепт.

Так, Е.Н. Королёва изучала семантему глагола *играть* (Попова, Стернин 2007). Словари обычно дают толкования значения этого глагола с точки зрения игровой деятельности людей. Исследование Е.Н. Королёвой показало, что первым денотативным значением этого глагола была игровое движение в природе, наблюдаемое людьми. Именно оно представлено в нижеследующих предложениях.

Две белые бабочки играли в воздухе (М. Горький. Трое). Рыба играла и плескалась беспрестанно (Аксаков. Семейная хроника). В окнах дачи играло солнце (Чехов. Живой товар). Над перевалом, совсем близко, играли крупные звезды (Серафимович. Железный поток). Я люблю, когда в тонком стакане играет золотистое вино (Л. Андреев. Мысль).

Эту семему глагола *играть* можно определить так: двигаться легко и свободно, весело мелькая в глазах наблюдателя.

Человек, наблюдая окружающий мир и вербализуя его образы, переносил соответствующие номинации на свои, уже человеческие действия. В современном языке *играют дети, играют спортсмены, картежники, музыканты, актеры*. Для каждого вида игровой деятельности в языке разработана богатая парадигматика, синтагматика и деривация. На основе каждой семемы глагола *играть* появилась богатая фразеология, но в основе всей семантемы данного глагола лежит его первая денотативная семема, отражающая образы игры в природе. Анализ всех семем глагола *играть* позволил автору представить такой набор признаков концепта игровой деятельности.

1. Свобода, непринужденность, легкость (иногда энергичность), живость движения, в природе сопровождаемая сменой красок, бликов света.

2. Удовольствие, наслаждение, хорошее настроение, получаемые от деятельности.

3. Возможное использование орудий игры и участие другого лица, деятельность может носить соревновательный характер.

4. Иногда наличие правил, чётко определенной цели, ограничения во времени и пространстве.

5. Непредсказуемость хода событий, интрига.

6. Сопровождение звуками, а иногда сознательная деятельность по извлечению звуков.

7. Имитация, подражание, а значит доля вымысла, ирреальности.

8. Игра может стать способом заработать деньги, она становится работой.

В целом глагол *играть*, делает вывод Е.Н. Королёва, обладает положительной коннотацией, игра в сознании человека прочно связана с отдыхом, удовольствием, с процессами расслабления и релаксации организма после физического, психического, умственного напряжения. Но есть и игра, требующая напряжения ума, памяти, эмоций. Это творчество, импульс, путь к познанию жизни. Связи семем позволяют увидеть, что игра – связующая нить между миром взрослых и детей, миром реальным и вымышленным, серьёзным и несерьёзным (Королева 2005, с. 13-14).

На основе такого исследования лексикографы могут уточнить в словарной статье связи нескольких значений полисемичной лексемы.

2. Слова, концепты и лакуны

Проблема установления соотношения слова, концепта, явления в аспекте их лакунарности или безэквивалентности является одной из наиболее сложных проблем как когнитивной лингвистики, так и семасиологии.

Как уже отмечалось, концепты имеют национальные особенности содержания и структуры: возможны эндемичные концепты (встречающиеся только у одного из сопоставляемых народов), возможна лакунарность концепта (отсутствие у народа в концептосфере того или иного концепта, имеющегося у другого народа или народов).

При этом, как справедливо отмечает В.И.Карасик, «полное отсутствие концепта в той или иной лингвокультуре – явление весьма редкое, более редкое, чем отсутствие однословного выражения для определенного концепта» (Карасик, 2004, с.112).

Наиболее ярко национальная специфика концептов проявляется в наличии безэквивалентных концептов в национальных концептосферах. Выявление безэквивалентных концептов – исключительно интересная, но трудная задача.

Безэквивалентные концепты могут быть выявлены через безэквивалентные языковые единицы. Безэквивалентная единица – всегда показатель наличия некоторой уникальности, национального своеобразия концепта в сознании народа. Ср. русские безэквивалентные единицы – и, соответственно, представляемые ими концепты - *авось, духовность, интеллигенция, интеллигентность, непротивление, пошлость, смекалка, порядочность, разговор по душам, выяснение отношений, соборность*,

подвиг, на местах, недоtroга, в рабочем порядке, кампанейщина, показуха, очковтирательство, слякоть, здравый смысл, халтурищик, удаль, удалец, необъятная родина и др.

Словесная невыраженность, как мы уже не раз подчеркивали, не гарантия безэквивалентности концепта. В другом языке концепт может быть выражен фразеологизмом, устойчивым сочетанием слов, может иметь устойчивое описательное выражение. Кроме того, концепт может присутствовать в национальной концептосфере, но быть лексически не выраженным, не вербализованным: народ в силу тех или иных причин не считает необходимым *обсуждать* данный концепт. Он для данной культуры не актуален. Причины вербальной неактуальности концепта – очень интересная задача для лингвокультурологического и социального анализа.

Например, в русском языке нет специальных обозначений для таких концептов, как:

старожены - молодожены есть

староселы – новоселы есть

новожилы - старожилы есть

говорить правду - ср. многочисленные выражения со значением *говорить неправду*: врать, лгать, брехать, вешать лапшу на уши и др.

человек, который говорит правду – ср. лгун, брехун, врун, обманщик и др.

тактично сделать замечание – ср. одернуть, оборвать, наорать и др.

человек, который не любит работать (лентяй – не хочет)

накатанная ледяная дорожка на земле или асфальте, по которой катаются дети зимой – нет названия

подколенка - подмышка есть

третинка – четвертинка, половинка есть

средняя часть бутылки - горлышко, есть, донышко есть, а **животика** нет (у немцев эта часть называется *животиком*)

мать, которая родила, но не воспитывала своего ребенка (Да еще эта приезжает – нет, к сожалению, в русском языке такого слова, которое бы определило понятие – мать, которая родила, но не воспитывала своего ребенка (Мих.Роцин. Роковая ошибка).

Отсутствие готовых, системных языковых обозначений для этих концептов не свидетельствует об отсутствии этих концептов в сознании народа.

У немцев нет слов для обозначения концептов *верхняя одежда* и *добрый*, но это не значит, что у них нет этих концептов.

Таким образом, установление национальной специфики концептов требует описания концептов двух культур и сопоставления этих концептов по составу когнитивных признаков и их статусу, яркости в структуре концепта, а выявление безэквивалентных, эндемичных концептов требует тщательного когнитивного, культурологического и исторического анализа каждого случая.

Однако наиболее ярко национальная специфика концептосфер народов проявляется в *наличии или отсутствии концептов*.

О наличии национально-специфического концепта у того или иного народа, как и об отсутствии концепта в концептосфере определенного народа можно судить по имеющимся в сравниваемых языках безэквивалентным единицам и лакунам. Обнаружение национально-специфических единиц и, следовательно, национально-специфических концептов становится возможным в рамках контрастивной лингвистики.

Безэквивалентная единица – единица, имеющаяся в одном языке и отсутствующая в другом. Другой термин – *эндемичная единица* (от биол. эндемичный – «произрастающий, имеющий распространение только в данной местности»).

Лакуна – это отсутствие единицы в одном языке при ее наличии в другом. Лакуны могут быть выявлены и в рамках внутриязыковых лексических парадигм, не только в межкультурном плане.

Безэквивалентные единицы и лакуны всегда выявляются «в парах»: если в одном языке есть лакуна, то в сопоставляемом языке – безэквивалентная единица и наоборот.

Лакуны бывают нескольких типов.

- *Предметные и абстрактные* (по степени абстрактности содержания).

Предметные лакуны отражают отсутствие *материального*, физического, чувственно воспринимаемого предмета или явления, артефакта или натурфакта. *Абстрактные лакуны* отражают отсутствие абстрактного понятия, мыслительной категории, ментофакта. Например, *квас* – предметная лакуна для английского языка, *смекалка* – абстрактная.

- *Родовые и видовые* (по парадигматической характеристике, месту в языковых парадигмах).

Родовые лакуны отражают отсутствие общего наименования для класса предметов, *видовые* – отсутствие конкретных наименований, наименований отдельных разновидностей предметов или явлений.

Например, в русском языке нет общего наименования для бабушки и дедушки, а в англ. и нем. языках такие наименования есть: англ. grandparents, нем. Grosseltern. Это родовая лакуна для русского языка. С другой стороны, в рус. языке нет дифференцированных однословных обозначений для наручных и настольных часов – это видовые лакуны для русского языка (ср. англ. watch, clock). Англичане лексически не дифференцируют *мыть* и *стирать* – это видовые лакуны для английского языка, в английском языке есть лишь обобщающее слово wash.

- *Межкультурные и внутриязыковые* (по системно-языковой принадлежности).

Межкультурные лакуны выявляются при сопоставлении разных языков: если в одном из них не обнаруживается лексического эквивалента какой-либо единице другого языка, то можно говорить о существовании в нем

лакуны. *Внутриязыковые лакуны* обнаруживаются внутри парадигм одного языка – например, отсутствие слова с противоположным значением, отсутствие единицы с определенной стилистической отнесенностью, отсутствие какой-либо морфологической формы слова и др.

- *Мотивированные и немотивированные* (по внеязыковой обусловленности).

Мотивированные лакуны – это лакуны, которые объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре (*лапти, щи, матрешка, балалайка, винегрет, квас, погреб, беспризорник, тамада, форточка* в западноевропейских языках).

Немотивированные лакуны не могут быть объяснены отсутствием явления или предмета – соответствующие предметы и явления в культуре есть, а слов, их обозначающих, нет (*сутки, кипятик, поземка, сухомыткa, смекалистый, сухостой, именинник, аврал, облокотиться, однофамилец, здоровяк* в западноевропейских языках).

- *Номинативные и стилистические* (по типу номинации).

Номинативные лакуны – лакуны, отражающие отсутствие номинации денотата. Может отсутствовать номинация предмета вообще, а может отсутствовать его эмоциональная или оценочная номинация. *Стилистические лакуны* – отсутствие слова с определенной стилистической характеристикой, это чисто языковая характеристика лакуны. Например, в русском языке нет стилистически нейтрального обозначения полового акта, актов дефекации и мочеиспускания. Литературные и даже разговорные наименования данных денотатов – стилистические лакуны, что ведет к компенсации лакун различными эвфемизмами.

- *Частеречные лакуны* (по принадлежности лакуны к определенной части речи)

В языке может быть глагол, но при этом может не быть от него однокоренного существительного и т.д. Например, русско-английская частеречная лакуна – «бурно аплодировать, одобряя что-либо» – ср. англ. *acclaim*. Глагола в русском языке нет, но есть существительное с данным значением – *орация*. Таким образом, при определении того, есть ли в концептосфере русского языка соответствующий концепт, на основании только обнаружения глагольной лакуны вывод об отсутствии концепта, строго говоря, делать нельзя – концепт имеет другую частеречную вербализацию, что может быть связано с собственно языковыми, коммуникативными, но не ментальными причинами. При этом о глагольных, субстантивных, наречных, атрибутивных лакунах говорить, разумеется можно, и можно их изучать.

Основным методом выявления межъязыковых лакун является сопоставление семантически близких лексических единиц разных языковых систем и подсистем для выявления того, существует ли эквивалентный перевод этих единиц на другой язык или нет. При

отсутствии в каком-либо языке переводного эквивалента тому или иному слову другого языка в первом языке фиксируется лакуна.

Лакуны выявляются прежде всего по двуязычным переводным словарям. «Сигналами» возможной лакунарности лексической единицы (слова, устойчивого сочетания, ФЕ) являются:

- развернутая объяснительная дефиниция слова в переводном словаре (возможно примечание – «в России», «в США», «в Великобритании» и под.);

- объяснение слова в переводном словаре через перечислительный или синонимический ряд.

Межязыковые лакуны обнаруживаются также в процессе непосредственной межкультурной коммуникации – носитель того или иного языка сталкивается с тем, что в изучаемом языке нет слова для обозначения того или иного явления, обозначенного в его родном языке, возникает недоумение – как это, у немцев нет, что ли, слова *добрый*?

В иноязычной среде можно выявить и лакуны в собственном языке, познакомившись с предметами или явлениями чужой действительности, номинированными в данной культуре, но не обозначенными в нашем родном языке. Так, находясь в англоязычной стране, русский с удивлением узнает из словоупотребления носителей английского языка, что у них обозначен особым словом силуэт зданий на фоне неба (*skyline*), понимая, что в русском языке это никак не обозначено.

Методами выявления внутриязыковых лакун являются:

- системный анализ лексико-фразеологических парадигм языка (ЛСГ, лексических полей, антонимических отношений, словообразовательных парадигм;

- сопоставление литературного языка с другими формами существования языка (социальными и территориальными) – в диалектах, в жаргоне и т.д. слово может существовать, а в литературном языке отсутствовать;

- анализ стилистических парадигм языка – в синонимических рядах могут отсутствовать единицы определенных стилистических разрядов, в таком случае говорят о стилистических лакунах;

- анализ коммуникативных (номинативных) затруднений носителей языка («ну как это назвать – вот эту штуку...»);

- анализ детской речи (дети образуют слова, которых нет в нормативном литературном языке - *ножить хлеб, я *задверил пальто и др., мой папа *выключатель, он тебя выключит из детского сада и т.д.).

Обратим внимание, что за исключением анализа коммуникативных затруднений (кстати, наиболее трудоемкого метода выявления лакун), все остальные методы носят контрастивный характер, основаны на сопоставлении. Наиболее надежный способ обнаружения лакун – именно контрастивное исследование.

При описании лексических лакун встает терминологический вопрос: как описывать содержание лакуны? Лакуна – это отсутствие лексической единицы, но как описать это «пустое место» в языке с точки зрения

содержания того, что не названо (поскольку именно содержание того, что не нашло вербализации в языке, интересует когнитивную лингвистику)?

Предлагается следующая форма описания.

Лакуны выявляются через сопоставление с единицами других языков и лексических подсистем. В соответствующем фоновом языке или фоновой подсистеме языка данное слово присутствует в единстве звучания (лексемы) и значения (семемы). В описываемом языке данное слово отсутствует как единица лексической системы этого языка. Это означает, что в семантическом пространстве данного языка нет соответствующей семемы, которая, однако, представлена в конкретном семном составе в другой, фоновой лексической системе или подсистеме. Поэтому лакуну в исследуемой лексической системе можно описать следующим образом:

устанавливается лакуна в одном из языков на фоне другого,

определяется значение (семный состав) языковой единицы фонового языка (то есть той единицы, на фоне которой выявлена лакуна в исследуемом языке);

данное значение в семной формулировке (как семная дефиниция значения) используется для описания содержания лакуны в исследуемом языке.

Например, в английском языке выявлена безэквивалентная единица *afterthought*, для которой нет перевода в русском языке. Далее словесно описывается значение этой единицы: *«мысль, пришедшая позднее, после произошедшего события»*. Данное определение и используется для описания содержания лакуны в русской лексической системе: указывается содержание лакуны и обязательно приводится фоновая единица языка сопоставления, послужившая основой обнаружения лакуны. Кроме того, при описании лакуны должно указываться, на фоне какого языка она выявлена. К примеру, русско-английская лакуна – это лакуна в русском языке, выявленная на фоне английского языка, а англо-русская лакуна, соответственно, это лакуна в английском языке, обнаружившаяся на фоне русского языка. Фоновая единица приводится для сравнения на языке оригинала как доказательство существования данной языковой единицы в одной из языковых систем или подсистем.

Например:

Русско-английские лакуны

мысль, пришедшая позднее, после произошедшего события – ср. англ. *afterthought*.

подойти и заговорить - ср. англ. *accost*;

спускаться с крутизны на веревке - ср. англ. *abseil*;

отнестись благосклонно - ср. англ. *accept*;

бурно аплодировать, шумно приветствовать - ср. англ. *acclaim*;

выжженный солнцем - ср. англ. *adust*;

воздействие солнца, ветра, воды - ср. англ. *exposure*;

силуэт города на фоне неба – ср. англ. *skyline*;

Русско-немецкие лакуны

готовый помочь – ср.нем. Hilfsbereit ;
картонная подставка под пивную кружку - ср. нем. Bierdeckel;
дети одних родителей - ср. нем. Geschwister;
идти на высоких каблуках, постукивая ими - ср. нем. Stocken;
одноразовая супружеская измена - ср. нем. Seitensprung;
учебный текст, предварительно написанный учителем на классной доске - ср. нем. Tafelbild и т.д.

Англо-русские, немецко-русские лакуны

промежуток времени, включающий день и ночь - ср. рус. сутки;
только что вскипевшая или кипящая в настоящий момент вода – ср. рус. кипятток;
выделяться издали высотой – ср. рус. маячить;
человек, потерявший дом и имущество в результате пожара – ср. рус. погорелец и т.д.

Внутриязыковые лакуны описываются путем прямого описания предмета или явления. В каждом языке существует большое количество внутриязыковых лакун, то есть пустых, незаполненных мест в лексико-фразеологической системе языка, хотя близкие по значению лексемы могут в системе этого языка присутствовать.

Например, в русском языке есть слова, обозначающие сообщение о негативных фактах (*жалоба, донос*), но нет обозначения для *сообщения о положительных фактах*; есть лексические единицы со значением *заочно передаваемая негативная информация* (сплетни, слухи), но не обозначен смысл *заочно передаваемая положительная информация*. О человеке, в совершенстве владеющем искусством своего дела, мы говорим *виртуоз*, но нет слова для наименования людей, еще не освоивших свою профессию, свое дело до конца. Аналогично, не обозначены в русской лексико-фразеологической системе такие смыслы как *говорить в медленном темпе*; *говорить о важных вещах или проблемах*; *сказать к месту и своевременно*; *сообщать правдивую информацию*; *говорить умные вещи*; *выражать информацию прямо, без намеков и обиняков* и мн.др.

Даже беглый анализ любого словаря детской речи убеждает в огромном количестве слов, форм, которыми дети заполняют внутриязыковые лакуны. Например: асфальтильщик (*рабочий, занимающийся асфальтированием дорог*), ансамблист (*участник ансамбля*), базарник (*человек, торгующий на базаре*), безглазый (*лишенный глаз*), бесконный (*не имеющий окон*), бескоробный (*находящийся не в коробке*), беспашный (*живущий без отца*), бесподвальный (*не имеющий подвала*), беспорядочница (*женщина, допускающая беспорядок*), бигудиться (*завивать волосы на бигуди*), бояхина (*боязливое существо*), броненосик (*детеныш броненосца*), бухарь (*о том, кто падает, бухается*), ведушчить

(*быть ведущим*), вертелка (*валик колодца*), включатель (*прибор для включения света*), глазастеть (*тараща глаза, смотреть*), грязнеть (*становиться грязным*), заклопнуть (*закрепить кнопками*) и т.д.

Необходимо отметить, что соотношение лакун, безэквивалентных единиц и национальных концептов далеко не такое простое и однозначное, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что отсутствие в том или ином языке определенного слова (лакуна) не всегда свидетельствует об отсутствии в концептосфере этого народа соответствующего концепта: вспомним, что слова используются для номинации концептов, необходимых для обмена информацией, то есть слова – обозначение только коммуникативно релевантных, коммуникативно «активных» концептов, имеющих ценность для национальной концептосферы.

Однако, по-видимому, нельзя говорить о наличии в русской национальной концептосфере таких концептов как *вечер пятницы, суббота и воскресенье* (ср. англ. weekend), *период времени длительностью две недели* (ср. англ. fortnight), *подойти и заговорить* (ср. англ. accost), *период времени, начинающийся после окончания рабочего дня* (ср. нем. Feierabend), *часть какого-либо предмета, свисающая с чего-либо* (ср. англ. flap). Несмотря на то, что данные явления и предметы в материальной культуре есть, сознание народа это явление или предмет не концептуализировало, то есть не образовало соответствующего концепта. Это значит, что сознание народа данный предмет или явление «не замечает»; причины этого требуют особого исследования.

При анализе межъязыковых лакун выявляется довольно тонкая грань между лакуной (отсутствием единицы) и наличием неполного лексического соответствия иноязычному слову (в последнем случае возможен тот или иной приблизительный перевод, не в полном объеме передающий смысловое содержание иноязычной единицы, но в то же время передающий определенную часть ее основного смыслового содержания). Наличие подобных единиц – проявление национальной специфики семантики языков, и такие единицы должны быть отграничены от лакун, хотя это не всегда легко сделать. Примерами могут служить рус. «автомобиль» и англ. driver, нем. Fahrer (водитель) – вопрос, лакуна ли *автомобиль* для немецкого и английского языков, или в этом случае выявляются межъязыковые лексические соответствия, обнаруживающие национальную специфику семантики, нуждается в дополнительном изучении.

Другой пример – межъязыковые соответствия нем. Mädchen, англ. girl, рус. девушка, девочка. Немецкое и английское слова имеют одинаковое значение: «лицо женского пола от рождения до замужества», в то время как русские слова имеют более конкретные значения: девочка - «лицо женского пола от рождения до достижения половой зрелости»; девушка - «лицо женского пола от достижения половой зрелости до замужества». Можно ли считать, что в русском языке есть лакуна «лицо женского пола от рождения до замужества» или следует говорить о том, что русские

слова *девочка*, *девушка* имеют национальную специфику семантики относительно их немецкого и английского соответствий? Можно ли считать, что в английском и немецком языках на фоне русского языка выделяются лакуны «лицо женского пола от рождения до достижения половой зрелости», «лицо женского пола от достижения половой зрелости до замужества»? Этот вопрос также требует дополнительного изучения.

Вопрос упирается в теоретическое разграничение понятий *эквивалент* и *соответствие*. По-видимому, лакуны можно выделять в тех случаях, когда в языковой системе отсутствует *эквивалент* какой-либо единице другого языка, а наличие переводного соответствия будет свидетельствовать о наличии национальной специфики семантики у сопоставляемых единиц. Вместе с тем наличие *близких соответствий* затрудняет выделение *эквивалентов*; этот вопрос требует дополнительной разработки.

Лакуна, к примеру, может обнаружиться в литературном языке, но в групповом или индивидуальном сознании она может быть заполнена. В таком случае концепт носит групповой характер, он номинирован внутри этой группы людей, но языковая единица неизвестна широкому кругу носителей языка.

Отметим также, что в процессе размышления над межъязыковыми лакунами соответствующий концепт возникает в сознании исследователя, но его нельзя считать общенациональным.

Мы в данной работе обсуждаем проблему *общенациональных* лакун, выявляющихся в литературном языке, и проблему *общенациональных* концептов.

Таким образом, выявив в том или ином языке на фоне другого языка (или внутри языка) некоторые лакуны, мы не можем на этом основании однозначно утверждать, что у этого народа нет в концептосфере соответствующего концепта: необходимо дополнительно тщательно проанализировать предметную, мыслительную и коммуникативную сферы народа, чтобы в этом убедиться. Вместе с тем, любая лакуна – сигнал для исследователя о *возможном отсутствии концепта* у народа, и все такие «сигналы» необходимо тщательно проверять.

В случаях с предметными мотивированными лакунами, отражающими отсутствие материального, физического предмета или явления, артефакта можно с уверенностью утверждать, что в этом случае лакуна сигнализирует об отсутствии концепта в концептосфере народа, в языке которого мотивированная лакуна выявлена – у англичан нет концептов *квас*, *винегрет*, *лапти* и под. – они просто не знают, что это такое, не представляют, что такое в принципе возможно. Однако в случае с лакунами, отражающими абстрактные понятия, ментофакты, уже гораздо труднее – ср. рус. слово *духовность*, которое представлено лакунами в основных европейских языках: можно ли утверждать, что духовность как явление отсутствует у народов Запада, поэтому данная лакуна мотивированная и необходимо признать отсутствие концепта *духовность* в

сознании западноевропейцев? Или это все же немотивированная лакуна и соответствующий концепт у них есть?

Вопрос об отсутствии концептов в случае выявления немотивированных лакун не может быть решен однозначно – каждый случай требует анализа.

Отношения концепта и немотивированной лакуны внутри языка осложняются случаями наличия в семантической системе языка своеобразных семантических «заготовок семем», которые можно обозначить термином «потенциальные семемы».

Потенциальная семема – это некий структурированный в системе языка смысл, существование которого обусловлено имеющимися в языке лексическими или лексико-грамматическими парадигмами: определенная парадигма формирует данный смысл в системе языка, подготавливает его для лексической номинации, формирует достаточно четко его компонентный состав, однако самостоятельной лексемы подобная потенциальная семема в языке так и не получает, что и оставляет ее в ранге потенциальной.

О наличии потенциальной семемы можно говорить только в том случае, если в лексической парадигме того или иного языка «*подготовлено место*» для определенного слова, хотя самого слова нет (по крайней мере, в кодифицированном литературном языке). Например, уже упоминавшаяся антонимическая парадигма: есть *молодожены*, но нет антонима – *«старожены». Для слова *старожены* в семантическом пространстве языка есть потенциальная семема – «люди, давно состоящие в браке», четко по компонентному составу дифференцируемая от прогипоставленной по семантике единице «люди, только что вступивших в брак», есть даже словобразовательная модель, по которой слово может быть легко образовано без нарушения каких-либо морфологических или стилистических норм, носители языка его поймут и признают, но в литературном языке этого слова нет.

Другие парадигмы, выявляющие потенциальные семемы:

глагольная парадигма лица – есть потенциальные семемы «я одержу победу», «я произвожу уборку пылесосом», «я нахожусь в подвешенном состоянии», но нет литературных лексем *победю*, *пылесосу*, *висю*;

парадигма «наименования деятелей по выполняемому действию» («тот, кто делает X»): есть мотальщики, обмотчики, но нет будильщиков, махальщиков и т.д. Нет литературного наименования лица, занимающегося пиаром, как и действия «заниматься пиаром»;

парадигма «наименования деятелей по инструменту»: есть потенциальная семема «работать лопатой», но нет «лопатчиков».

Парадигма «действие по наименованию инструмента действия»: есть потенциальная семема «убирать при помощи грабель», «копать лопатой», но нет литературных глаголов «грабить», «лопатить» и под.

Парадигма «помещение для разведения или содержания животных» – есть телятник, обезьянник, курятник, свиноводник, птичник, овчарня, псарня,

конюшня, но нет страусятника, куропатника, рыбника и под., хотя эти семемы потенциально в системе языка есть.

Парадигма обуславливает место для семемы в системе языка и ее семный состав, что и делает возможным существование в лексико-семантической системе потенциальных семем. О том, что потенциальные семемы являются действительно семемами, свидетельствует возможность их компонентного анализа, а также нередко и наличие просторечных или шутливых номинаций этих семем, не принимаемых литературной нормой, но, тем не менее, существующих в речи: пограбить (поработать граблями), пылесосю, висю и др.

Однако возможен и такой вариант – концепт есть, а семемы и лексемы нет. В этом случае не фиксируется наличие даже потенциальной семемы, что обусловлено обычно отсутствием соответствующей четкой языковой (лексической или грамматической) парадигмы, которая бы системно поддерживала семему и обусловила ее формирование и существование. Подобные концепты не вписываются в систему имеющихся в языке лексических парадигм, являются как бы несистемными, стоят в мыслительной сфере человека *по отдельности*, индивидуально либо входят в очень большие парадигмы, которые оказываются мало приспособленными для формирования потенциальных семем. Если такой концепт надо вербализовать, носители языка используют свободные словосочетания или объяснения. Ср., например, русско-английские лакуны *подойти и заговорить*, *бурно аплодировать*, *спускаться по веревке с крутизны*, *мысль, пришедшая позднее* и др.

В целом, видимо, возможны, следующие варианты соотношения концепта, значения и лексемы:

1) Есть концепт, нет семемы, нет лексемы.

Например: «ледяная дорожка на тротуаре, по которой можно, разбежавшись, прокатиться зимой», «говорить умные вещи», «сухое вещество, собирающееся в уголке глаза», «тот, кто раньше с нею был» (В.Высоцкий) и др. В русском языке нет концептов, выражающихся немецкими словами *Spass*, англ. *fun* (оба слова примерно означают *радость, развлечение, нечто интересное, удовольствие, наслаждение и т.д., вместе взятые*).

2) Есть концепт, есть потенциальная семема, нет лексемы.

Например: «люди, давно состоящие в браке» - ср. *старожены*, «заниматься пиаром», «люди, давно живущие в данной квартире» - ср. *новоселы*; «лица, недавно проживающие в денной местности» - ср. *старожилы*; «лицо, получающее работу» - ср. *работодатель* и др.

Сюда же относятся так называемые *иллогизмы* (Быкова 2000): они обусловлены отсутствием потребности в предмете. Так, в парадигме «специалист по разведению животных» есть *кролиководы, животноводы, овцеводы* и др., но нет лексем для обозначения специалистов по разведению воробьев, носорогов, крыс и т.д., поскольку эти профессии не

востребованы. Соответствующие концепты есть, есть потенциальные семемы, но нет лексем.

3) Есть концепт, есть семема, есть лексема.

Обычные слова языка – *окно, читать, идти, хлеб* и т.д.

Концепты могут быть внесены в национальную концептосферу из другой концептосферы – национальной (*толерантность, политкорректность, приватность*) или социальной (*беспредел, крыша, авторитет, опустить* и др. – из криминальной сферы). В таком случае концепт формируется на базе значения соответствующего слова, и лишь потом, обрастая новыми смыслами и углубляясь, начинает самостоятельную ментальную жизнь.

Обычно заимствованные концепты относятся к разряду одиночных, индивидуальных – им не сразу находится место в концептосфере, не сразу формируется семный состав соответствующего номинирующего их слова, они долго выражаются описательными оборотами, сопровождаются пояснениями и т.д.

4) Нет концепта, нет семемы, нет лексемы.

Это крайний случай проявления национальной специфики языка и концептосферы, наиболее яркое проявление национальной специфики. Так, в русском сознании нет концепта «уединенное молчание на природе, сопровождаемое слушанием одного звука» (яп. *sabi*), не сформировались свойственные англоамериканской концептосфере концепты *life quality, privacy, quality time, tolerance, political correctness*, именуемые в русском языке с помощью калькированных переводов: *качество жизни, приватность, качественное проведенное личное время, толерантность, политическая корректность*. С другой стороны, *разговор по душам, выяснение отношений, авось, духовность, интеллигенция, непротивление* – русские безэквивалентные единицы, в европейских языках им соответствуют лакуны и отсутствие концепта.

Концепты могут быть внесены в национальную концептосферу из другой концептосферы – национальной (*толерантность, политкорректность, приватность*) или социальной (например, криминальной – *беспредел, крыша, авторитет, опустить* и др.). В таком случае концепт первоначально формируется на коммуникативной основе, на базе значения соответствующего слова, через объяснение значения широкому кругу носителей языка, и лишь потом, обрастая новыми смыслами и углубляясь, отрывается от значения и начинает самостоятельную ментальную жизнь в концептосфере народа.

Заимствованные концепты, особенно абстрактные, обычно относятся к разряду одиночных, несистемных – им не сразу находится парадигма, не сразу формируется семный состав называющего их слова, они долго выражаются описательными оборотами, сопровождаются пояснениями и т.д., чем и объясняется обычно их трудное вхождение в культуру заимствовавшего их народа.

Концепт может быть и чисто субъективным, личностным, тогда он в любом случае нуждается в развернутом тексте для экспликации; такие концепты часто бывает трудно понять («не понимаю, что ты имеешь в виду ...»).

Проблему соотношения слова и концепта осложняет тот факт, что кроме концептов, выявляющихся при анализе лексических единиц, существуют концепты, не выражаемые какими-либо отдельными лексическими единицами и обнаруживающиеся лишь в результате логико-семантического анализа классов и парадигм лексических единиц.

К таким концептам относятся в первую очередь классифицирующие – используемые для классификации различных предметов и явлений действительности (когнитивные классификаторы). Большинство обобщающих классифицирующих концептов в сознании носителя языка не связано с какими-либо конкретными наименованиями, ср. уже упоминавшиеся «наименования предметов природы», «наименования искусственных предметов», «психические качества человека», «индивидуальные особенности голоса», «наименования цветовых оттенков», «средства передвижения по воде», «получение информации в ответ на запрос» и мн. др. подобного типа.

Следует также различать актуальные и неактуальные концепты. *Актуальные* концепты регулярно вербализуются, они нужны и для мышления, и для коммуникации. *Неактуальные* концепты могут быть нужны для мышления, но они крайне редко вербализуются (например, концепты «верхний угол комнаты», «нижний угол комнаты», «левая боковина дивана», «правая боковина дивана» и т.д.). Неактуальные в национальной концептосфере концепты могут быть актуальными в групповой и личностной концептосферах.

Возможны ситуации, когда отдельной лексической единице одного языка соответствует устойчивое словосочетание в другом языке. Приведем такие примеры на русско-английском материале: глубокий старик – antediluvian, щеточка для ногтей – nail – brush, рекламный щит – hoarding, налог с оборота – sales tax, краткая сводка новостей – амер. wrap-up, скоростная автострада с транспортными развязками – амер. free-way, назначение на должность – designation, свободный режим рабочего дня, скользящий график – flexitime, непрофилирующий предмет (в университете, колледже) – minor, нарушитель границы – infiltree; предъявление обвинения – indictment, ведение дел по доверенности – procuration, заключение в тюрьму – incarceration, вступление во владение (вместо прежнего владельца) – takeover, предвыборная платформа политической партии – ticket, комиссия по выработке регламента или порядка дня – steering committee, встречный ветер – headwind, ледяной узор (на стекле) – frostwork, клюшка для игры в хоккей с мячом – bandy, доска с парусом для серфинга – sailboard; водные виды спорта – acuatics, совместное производство фильма, совместная постановка спектакля – coproduction, взрывная волна – blast, призыв на военную службу – амер.

induction, негодный к военной службе – rejectee, увольнение из армии – muster-out, неходовой товар – drug, предмет первой необходимости essential, чуткий сон; сон урывками – dog-sleep, судно на подводных крыльях – hydrofoil, стоянка на якорю – anchorage, стоянка судов в доках – dockage, чума рогатого скота – rinderpest, отлучение от церкви – excommunication, регистрационное свидетельство на собаку – dog-licence и др.

В этом случае о наличии лакун говорить нельзя, налицо просто разные структурные типы номинации концепта в различных языках.

Лакуны, если оказывается необходимым выразить соответствующий концепт в речи, *компенсируются*, то есть заполняются «временными» средствами языка – свободными сочетаниями, развернутыми объяснениями, описаниями и т.д. Если компенсация осуществляется достаточно регулярно, соответствующее выражение может впоследствии стать устойчивой номинацией концепта – напр. *лосьон после бритья* (ср. англ. aftershave).

То, что словами можно объяснить практически любой концепт (правда, объяснение может потребовать большого объема коммуникативных средств, вплоть до текста), говорит не о том, что в данном случае нет лакуны, а о том, что любая лакуна может быть *компенсирована*.

Практика общей переводимости любого текста на любой язык – свидетельство невербальности концептуального мышления и возможности компенсации любой лакуны.

Необходимость использования разных лексических средств для компенсации лакуны – ср. нем. Hilfsbereit «готовый помочь» – «он всегда готов помочь», «он всегда готов прийти на помощь», «он очень добрый», «он сердечный человек» и т.д. – еще одно свидетельство того, что концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства, и каждое из них раскрывает какую-то его часть; только в совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи.

Соотношение лакун и безэквивалентных единиц с концептами – сложное и благодатное поле исследования для лингвистов и когнитологов. важнейший аспект изучения национальной специфики языка и мышления.

В русском языке при сравнении с английским языком выявляется отсутствие следующих лексических единиц (Махонина, Стернина 2006):

- «всякий нависающий над краем чего-либо предмет» - flap;
- «вечер пятницы, суббота и воскресенье» - weekend;
- «двухнедельный период времени» - fortnight;
- «лишенный руководства, без главы; без первой строфы (стихотворение)» - ср. англ. acéphalous;
- «воздействие солнца, ветра, воды» – ср. англ. exposure;
- «разрешение на отлучку в университете или монастыре» - exeat;
- «крутой изгиб дороги в виде буквы S» - ess;
- «бюрократ от образования» - educrat.

В этих случаях можно, видимо, говорить об отсутствии в русском языке соответствующего слова и отсутствии в русской концептосфере соответствующего концепта – данные явления не концептуализированы, не выделены русским сознанием как отдельная единица осмысления.

Другие же примеры:

«животное, которое держат дома для забавы» - pet;

«спускаться с крутизны на веревке» - ср. англ. abseil;

«отнестись благосклонно» - ср. англ. accept;

«мысль, пришедшая позднее» – afterthought;

«спрашивающий совета, обращающийся за советом» - advisee

и под. представляют собой лексические лакуны, но соответствующие концепты в русской концептосфере есть, просто они не были сочтены «заслуживающими» отдельной номинации, поскольку редко становятся предметом обсуждения в русской лингвокультуре.

С другой стороны, в английском языке нет слов *сутки, кипяток, борщ, щи, форточка, погорелец*.

Концепты *сутки, кипяток, погорелец* в английской концептосфере наверняка присутствуют, но не названы, в то время как концепты *щи, борщ, форточка* отсутствуют.

В русском языке относительно немецкого нет слова при наличии концепта:

«готовый помочь» – ср. нем. Hilfsbereit;

«дети одних родителей» - Geschwister;

«учебный текст, предварительно написанный учителем на классной доске» - Tafelbild;

«вечер после работы» - Feierabend;

«запрет на профессию» - Berufsverbot;

«картонная подставка под пивную кружку» - Bierdeckel;

«идти на высоких каблуках, постукивая ими» - Stocken;

«одноразовая супружеская измена» - Seitensprung.

В немецком языке нет лексем и концептов: *винегрет, квас, лапти, аврал, тамада, погреб* и др.; нет только лексем при наличии концептов: *автомобиль, добрый, облокотиться, смекалистый, кипяток, однофамилец, здоровяк, беспризорник, ласковый, сладкоежка, именинник, сухостой, поземка, сутки*.

Рассмотрим соотношение некоторых безэквивалентности слов и концептов на отдельных примерах из финского и русского языков².

У финнов нет языковой единицы *белые ночи*, а белые ночи есть. Иногда финны говорят *светлые летние ночи*, но это выражение не является устойчивой, регулярной номинацией. Явление у финнов, несомненно, концептуализировано, концепт есть, но нет для него особой языковой

---

² Автор благодарит проф.А. Мустайоки за разъяснение некоторых анализируемых ниже финских концептов.

единицы. Белые ночи у финнов – это *летние ночи*, данное явление концептуализируется как *лето*, т.е. «когда светло».

Совесть – у русских этот концепт шире, чем у финнов. Включает большее число когнитивных признаков. Это проявление национальной специфики концептов и, следовательно, значений соответствующих слов.

Жалость – у финнов – только к физическим недостаткам, она не относится к любви, в русской концептосфере этот концепт гораздо шире. Это проявление национальной специфики концептов и значений.

Справедливость – у финнов в сознании она отделена от честности, у русских – нет. *Честность* и *справедливость* – эти концепты есть и у русских, и финнов, но налицо яркая национальная специфика – значительная часть концепта *справедливость* у русских входит в концепт *честность*, они образуют единый концептуальный блок, а у финнов эти концепты существуют отдельно. Начальник может *честно* уволить работника, давно работающего, и взять свою жену на эту должность, и это считается честным – имею право, по закону я начальник и могу производить кадровые изменения, я не нарушаю никаких официальных законов. А справедливость тут не при чем, это моральная категория. Налицо национальная специфика концептов и значений.

В финском языке есть слово *хуияри* – человек, который выдает себя за другого (например, выдает себя за врача, хотя вовсе не врач). У русских эквивалента этому концепту нет, а соответствия *жулик*, *самозванец* не передают основных признаков финского концепта. Налицо также национальная специфика концептов.

У финнов недавно появилось новое слово *веркосотитуа* – букв. «сетевание», то есть создание сетей (личных связей с разными людьми) для достижения с их помощью успеха в дальнейшей жизни. Для финской концептосферы это новое явление: долгое время *по связям* было негативным выражением и осуждалось финским сознанием как нечестность, это делать было не принято. Этот концепт есть в русской концептосфере (*заводить связи*), а в финской только появился.

В финском языке есть единица *липпутаа* – «флагование», то есть вывешивание флага в честь какого-либо важного события в жизни государства, организации, семьи. Это сложный национальный ритуал: флаги вывешиваются в определенное время и в определенное время их надо снять, флаг не должен касаться или коснуться земли (тогда его надо сжечь); финны плохо воспринимают спортивный ритуал, когда спортсмен-победитель набрасывает национальный флаг себе на плечи; флаги вывешивают на свадьбу, крещение, приспущенный наполовину – на похороны. В русской культуре вывешивание флагов играет гораздо меньшую роль, концепт неактуальный, в то время как в финской концептосфере концепт богатый и актуальный, он ярко национально специфичен.

В финском языке есть устойчивое выражение *вино с сыром* в значении *легкая вечеринка*, в русском языке подобного выражения нет, соответствующий концепт неактуален.

Финское слово *rivitalo* – «цепной» дом из одноэтажных квартир (ср. в англ. - row house) обозначает концепт, который в русской концептосфере отсутствует.

Большое значение для финского самосознания играет концепт *сису* - особая стойкость духа, упорство, свойственные финнам. Концепт безэквивалентен.

В финской концептосфере, с другой стороны, отсутствует концепт *человеческий фактор*, играющий большую роль в русском сознании.

Таким образом, при сравнении языков могут быть выявлены безэквивалентные языковые единицы, языковые единицы с национальной спецификой семантики и языковые эквиваленты.

При сравнении концептосфер языков выявляются безэквивалентные концепты, концепты с национальной спецификой и, возможно, эквивалентные концепты, хотя выявить полностью эквивалентные концепты гораздо труднее, чем эквивалентные языковые единицы, так как исключительно трудно установить совпадение всех когнитивных признаков концептов в силу их большого (практически неограниченного) количества.

Возможны словари безэквивалентной лексики и фразеологии и контрастивные словари лакун.

Словари безэквивалентной лексики – это тип словарей, которые могут быть созданы по результатам контрастивного описания лексики и фразеологии.

Для создания словарей безэквивалентной лексики необходима разработка понятий лексического и фразеологического *эквивалента* и лексического и фразеологического *близкого соответствия*. Единицы, для которых в результате контрастивного описания материала не выявлены эквиваленты или близкие соответствия в языке сопоставления, признаются безэквивалентными для исходного языка на фоне языка сопоставления.

Выявление безэквивалентных лексических единиц в исходном языке свидетельствует о соответствующих лакунах в языке сопоставления (ср. Махонина, Стернина 2006).

Словарь безэквивалентной фразеологии включает фразеологические единицы исходного языка, которые не имеют *фразеологического эквивалента* или *близкого фразеологического соответствия* в русской фразеологии.

Словари безэквивалентной лексики и фразеологии предназначены прежде всего для изучающих тот или иной иностранный язык, а также для переводчиков и исследователей языкового сознания и когнитивных процессов. Словарь безэквивалентной лексики и фразеологии – это контрастивный словарь лакун, поскольку лексика и фразеология, приводимая как безэквивалентная для изучаемого языка, сигнализирует

одновременно о лакунарности соответствующих единиц в контрастирующем языке.

Приведем примеры словарных статей таких словарей на имеющемся в нашем распоряжении лексическом и фразеологическом материале (см. работы Е.А.Маклаковой, Н.М.Репринцевой, Л.И.Зиминой и др.).

Русско-английский словарь безэквивалентной лексики

(безэквивалентные единицы выявляются в русском языке
на фоне английского языка, для английского языка это словарь лакун)

АТАМАН 1 – лицо, руководит казачьим войском;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

ВОЕНКОМ – лицо, руководит органом местного военного управления, официальный

тип руководства, назначаемое;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное

ВРЕМЕНИК – лицо, руководит ограниченный период времени, мужской пол;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

ВРЕМЕНИЦА – лицо, руководит ограниченный период времени, женский пол;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ 2 – лицо, руководит партией, официальный тип
руководства, выбираемый, высокий иерархический уровень руководства;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, советское, общераспространенное, употребительное.

ГЕНСЕК 2 – лицо, руководит партией, официальный тип руководства,
выбираемый, высокий иерархический уровень руководства, неоц., неэмоц., разг.,
общенародное, советское, общераспространенное, малоупотребительное.

ДОЧЕНЬКА-2 – обращение пожилого человека к молодой женщине, девочке;

одобрительное, ласковое;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

ДОЧКА-2 - обращение пожилого человека к молодой женщине или девочке;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

ДОЧЬ-2 – лицо, женского пола, олицетворяющее лучшие черты своей среды;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

высокое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

ЖЕНИХ-3 – лицо, мужского пола, достигшее или почти достигшее брачного возраста;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

КОМАНДИР 2 – лицо, обладает лидерскими качествами, неофициальный тип руководства;

неодобрительное, отриц.-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

КОМАНДИРША - лицо обладает лидерскими качествами неофициальный тип руководства,
женский пол;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

МАЛЬЧИШКА-2—лицо, мужского пола, зрелого возраста, неопытное, легкомысленное в
делах;

неодобрительное, пренебрежительное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

МАТУШКА-4 – обращение или упоминание о лице женского пола, жене священника; неоценочное, почтительное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

МНОГОЖЕНЕЦ -2 – лицо, мужского пола, неоднократно женат; неодобительное, отрицательно-эмоциональное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное;

МОЛОДКА – лицо, женского пола, молодого возраста, состоящее в браке; неоценочное, неэмоциональное; традиционно-народное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

МОЛОДУХА-1 – лицо женского пола молодого возраста, состоящее в браке; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

МУЖИК-1 – лицо мужского пола, взрослое, живет в деревне, состоит в браке, крестьянин; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, историческое до 1917, общераспространенное, малоупотребительное.

НАЧАЛЬСТВО – лицо, руководит; неоценочное, неэмоциональное, разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

НЕВЕСТА-3 – лицо, женского пола, достигшее или почти достигшее брачного возраста; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

НИЧЕГОНЕДЕЛАНЬЕ – отдых, пребывание без дела, в праздности, уклонение от работы;

ПАРТОРГ – лицо, руководит партийной группой, политическая сфера, официальный тип руководства, избираемый, низкий иерархический уровень руководства; неоценочное, неэмоциональное; межстилевое, общенародное, советское, общераспространенное, употребительное.

ПОЛЕВОЙ КОМАНДИР – лицо, руководит, военная сфера, незаконное вооруженное формирование, неофициальный тип руководства, стихийный способ обретения руководства; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

ПОЛИТРУК – лицо, руководит, военная сфера, политическое руководство, официальный тип руководства, назначаемое; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, военное, советское, общераспространенное, малоупотребительное.

МЕЖСТИЛЕВОЕ, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

УКАЗЧИК – лицо, стремится руководить, неофициальный тип руководства, мужской пол; неодобительное, отрицательно-эмоциональное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

УКАЗЧИЦА – лицо, стремится руководить, неофициальный тип руководства, женский пол; неодобительное, отрицательно-эмоциональное; разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

ХУДРУК – лицо, руководит театральным или музыкальным коллективом, высокий иерархический уровень руководства, официальный тип руководства, назначаемый; неоценочное, неэмоциональное; разговорное, театральное, современное, общераспространенное, употребительное.

Русско-французский словарь безэквивалентной лексики

(безэквивалентные единицы выявляются в русском языке
на фоне французского языка, для французского языка это словарь лакун.)

АЛЛЕЙКА – дорога или дорожка, в саду или парке, обсаженная по обеим сторонам деревьями или кустарниками, для прогулок;

неоценочное, уменьшительное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.
БАЙБАК лицо, уклоняется от работы, ленивый, неповоротливый;
неодобрительное, презрительное;
разговорное, общенародное, современное, региональное, малоупотребительное.
БАКЛУШНИЧАТЬ отсутствие стремления работать, ведение праздного образа жизни, стремление заниматься пустяками;
неодобрительное, пренебрежительное;
разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.
БАЛБЕСНИЧАТЬ стремление уклониться от работы, стремление заниматься пустяками;
неодобрительное, пренебрежительное;
просторечное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.
БАРИН лицо, ведёт праздный образ жизни, чуждается физического труда, избегает усилий, живёт за счёт других, не стремится работать;
неодобрительное, пренебрежительное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.
БАРСТВОВАТЬ отсутствие стремления работать, ведение праздного образа жизни, стремление жить чужим трудом, стремление избегать грязной работы; неодобрительное, пренебрежительное;
книжное, общенародное, устаревающее, общераспространённое, употребительное.
БАТРАЧИТЬ интенсивно работать, на другое лицо, выполнять тяжёлую работу, за небольшую плату, в сфере физического труда;
неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.
БЕЗДЕЙСТВОВАТЬ отсутствие деятельности, возможность неопятных последствий, намеренное затягивание дела;
неодобрительное, неэмоциональное;
межстилевое, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.
БЕЗДЕЛЬНИЧАНЬЕ незанятость делом, стремление уклониться от работы, стремление к праздности;
неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.
БЕЛОРУЧКА лицо, ведёт праздный образ жизни, чуждается труда, не выполняет грубую работу;
неодобрительное, пренебрежительное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.
БЕТОНКА - автомобильная бетонированная дорога;
неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.
ГРЕЙДЕР - дорога, сооруженная грейдером;
неоценочное, неэмоциональное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.
ДЕЯНИЕ деятельность, с применением личного труда, создание чего-либо общественно значимого;
одобрительное, положительно-эмоциональное;
книжное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.
ДОРОЖКА -1 - полоса земли для передвижения из одного места в другое;
неоценочное, уменьшительное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.
ЗАКОУЛОЧЕК - небольшой узкий глухой проход;
неоценочное, уменьшительно-ласкательное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.
ЗАУЛОК - глухой узкий переулок;
неоценочное, неэмоциональное;
просторечное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.
ЗАХРЕБЕТНИК лицо, живёт на чужой счёт, сознательно уклоняется от работы;
неодобрительное, пренебрежительное;

просторечное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.

ЗУБР лицо, имеет большой опыт в работе, ценный специалист;

одобрительное, шутливое;

разговорное, общенародное, устаревающее, общераспространённое, малоупотребительное.

ИЖДИВЕНЕЦ-1 лицо, живёт за счёт попечителя, по причине молодости или старческой немощи;

неоценочное, неэмоциональное;

официально-деловое, общенародное, общераспространённое, современное, употребительное.

ИЖДИВЕНЕЦ-2 лицо, уклоняется от работы, ведёт праздный образ жизни, живёт чужим трудом;

неодобрительное, пренебрежительное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

ИСКУСНИК лицо, имеет талант в определённой области знаний и умений, умеет изыскать, работает, выполняет тонкую работу, преимущественно ручная работа; одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.

КОЛЬЦО-1 - поворотный круг на трамвайных путях для следования в обратном направлении;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

КОЛЬЦО-2 - круговая дорога;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

КОЛЬЦО-3 - круговая улица (бульвар);

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

КОНКА - городская железная дорога с конной тягой, до появления трамвая;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, устаревшее, общераспространённое, неупотребительное.

ЛЕНЦА состояние вялости при выполнении работы, выполнение работы в замедленном темпе, некачественное выполнение работы;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

МАСТАК лицо, достиг большого мастерства в своём деле, имеет глубокие практические навыки, преимущественно в сфере физического труда;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.

НАВОСТРИТЬСЯ хорошо знать особенности выполняемой работы, выполнять работу ловко, выполнять работу безошибочно;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

просторечное, общенародное, современное, общераспространённое, малоупотребительное.

НАЛОВЧИТЬСЯ выполнять работу с лёгкостью, приобрести навык в каком-либо деле, выполнять работу ловко;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

НАПРАКТИКОВАТЬСЯ привыкать к какому-либо делу, усваивать практику какого-либо дела, упражняться в трудовых действиях, стремиться хорошо узнать особенности выполняемой работы, применительно к сфере умственного труда;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

НАСОБАЧИТЬСЯ выполнять работу с лёгкостью, безошибочно выполнять работу, хорошо владеть практическими, техническими навыками деятельности;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

просторечное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

НАТРЕНИРОВАТЬСЯ усваивать практику какого-либо дела, упражняться в трудовых действиях, выполнять работу с лёгкостью;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

НАХЛЕБНИК-1 лицо, живёт за счёт попечителя, на содержании, по причине молодости или старческой немощи;

неоценочное, неэмоциональное;

официально-деловое, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.

НЕЖЕЛАНИЕ уклонение от выполнения необходимого действия, отсутствие желания вмешаться в выполнение действий другими;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

НЕОХОТА уклонение от выполнения необходимого действия, отсутствие желания работать, состояние расслабленности;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, употребительное.

ОБЛОМОВ лицо, уклоняется от работы, ведёт праздный образ жизни, избегает усилий, медлительный, испытывает апатию к труду, пример человеческой лени; неодобрительное, неэмоциональное;

книжное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.

ПАРАЗИТИРОВАТЬ вести праздный образ жизни, стремиться жить чужим трудом, сознательно уклоняться от работы;

неодобрительное, презрительное;

книжное, общенародное, устаревающее, общераспространённое, малоупотребительное.

ПАХАТЬ интенсивно работать, с приложением усилий, кропотливо, тщательно, без отдыха, длительность действия, с упорством;

неоценочное, неэмоциональное;

сленг, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.

ПЕРЕГОН - участок железнодорожного пути между двумя ближайшими станциями, пунктами, остановками, проезжаемый без остановок;

неоценочное, неэмоциональное;

специальное, железнодорожное, современное, общераспространённое, употребительное.

ПОВЕСА лицо, уклоняется от работы, молодой, проводит время в легкомысленных занятиях;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, устаревающее, общераспространённое, малоупотребительное.

ПОВЕСНИЧАТЬ отсутствие стремления работать, для молодых людей, проведение времени в легкомысленных занятиях;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, устаревающее, общераспространённое, малоупотребительное.

ПОЛОСА - участок дороги, по которому осуществляется движение в определенном направлении;

неоценочное, неэмоциональное;

специальное, автотранспортное, современное, общераспространённое, малоупотребительное.

ПОНАТОРЕТЬ выполнять работу с лёгкостью, безошибочно выполнять работу, хорошо знать особенности выполняемой работы, иметь большой опыт выполнения данной работы;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.

ПРАЗДНОЛЮБИЕ стремление к праздному времяпрепровождению, отсутствие желания работать, является постоянной чертой характера;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

книжное, общенародное, устаревшее, общераспространённое, малоупотребительное.

ПРОГОН-1 - дорога, обнесённая изгородью среди засеянных полей;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространённое, малоупотребительное.

ПРОГОН-2 - боковая улица в деревне, по которой выгоняют скот на пастбище, на водопой;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

ПРОЕЗЖАЯ ЧАСТЬ - часть улицы для проезда на транспорте;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

ПРОХЛАЖДАТЬСЯ отсутствие стремления работать, уклонение от работы во время труда других;

неодобрительное, пренебрежительное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

РАЗВІЛКА - место разделения (разветвления) дороги на части, расхождение дороги в разные стороны;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

РАЗВІЗКА - дорожное сооружение для распределения потоков транспорта, для беспрепятственного движения;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

РАЗВІЛЬДІЙНІЧАТЬ работать крайне небрежно, отсутствие желания задумываться о качестве работы;

неодобрительное, пренебрежительное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

РЕМЕСЛО-2 деятельность, выполненная нетворчески, на скорую руку; неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

РЕМЕСЛЕННИК лицо, работает по шаблону, без творческой инициативы;

неодобрительное, пренебрежительное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, употребительное.

РЕМЕСЛЕННИЧАТЬ проявлять деятельность, с применением личного труда, без высокой квалификации, работать по шаблону, без творческой инициативы; неодобрительное, пренебрежительное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

САЧОК лицо, уклоняется от работы, стремится к безделью, стремится найти предлог для уклонения от работы;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

просторечное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

САЧКОВАТЬ отсутствие стремления работать, стремление найти предлог для уклонения от работы, сознательное уклонение от работы;

неодобрительное, отрицательно-эмоциональное;

просторечное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

СІБАРИТНІЧАТЬ ведение праздного образа жизни, стремление жить чужим трудом, получение удовольствия от безделья;

неодобрительное, пренебрежительное;

книжное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительно.

СІДЕТЬ интенсивно работать, без отдыха, длительность действия, в сфере умственного труда;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, малоупотребительное, общераспространенное

СПЕЦ лицо, выполняет работу качественно, достиг большого мастерства в деле, квалифицированный, имеет опыт;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

СТЕЖКА - тропинка, дорожка;

неоценочное, неэмоциональное;

народно-поэтическое, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

СЬЕЗД - место, по которому съезжают;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

ТРАССА - дорога для транспортного сообщения между крупными населенными пунктами областного и государственного значения;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

ТРУДИТЬ однообразная работа, нудная работа, на одном рабочем месте, длительность действия;

неоценочное, сочувствующее;

просторечное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

ТРУДЯГА лицо, старательный, усердный, работает без отдыха, упорно достигает конечного результата;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

ТУНЕЯДСТВОВАТЬ ведение праздного образа жизни, стремление жить чужим трудом, сознательное уклонение от работы, в силу жизненных принципов;

неодобрительное, презрительное;

книжное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное,

УЗКОКОЛЕЙКА - железная дорога с узкой колеёй;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

УМЕЛЕЦ лицо, достиг большого мастерства в своём деле, преимущественно в сфере ручного труда, выполняет работу, которую не могут делать другие, выполняет тонкую работу;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

ЧУГУНКА - железная дорога;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, историческое, общераспространенное, малоупотребительное.

ШЛЯХ - наезженная дорога;

неоценочное, неэмоциональное;

межстилевое, региональное (на Украине и юге России), устаревшее, региональное (на Украине и юге России), малоупотребительное.

Немецко-русский словарь безэквивалентной фразеологии

*(безэквивалентные единицы выявляются в немецком языке
на фоне русского языка, для русского языка это словарь фразеологических
лакун)*

Для безэквивалентности (и соответственно лакунарности) фразеологической единицы необходим учет конкретного чувственного образа, лежащего в основе фразеологизма: если единицы с аналогичным чувственным образом в языке сопоставления нет, единица признается безэквивалентной.

ARSCH MIT OHREN (букв. задница с ушами)

противный, отвратительный, безобразный человек;

неодобрительное, презрительное;

грубое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

EIN FEINES OHR FÜR ETWAS HABEN (букв. иметь чуткое ухо на что-то) чутко воспринимать, тонко чувствовать, сразу улавливать что-л.;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

OHREN WIE EIN LUCHS HABEN (букв. у кого-л. слух, как у рыси) у кого-л. слух, как у рыси (очень острый);

одобрительное, шутливое;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

DIE OHREN ANLEGEN (букв. поджать уши (например, о лошади) напрячь все силы, чтобы по возможности без ущерба пережить тяжелую, опасную ситуацию;

неоценочное, пренебрежительное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

SICH [NICHT] DIE OHREN BRECHEN (букв. [не] ломать себе уши) [не] очень напрягаться при трудной, изнурительной работе;

неодобрительное, ироническое, насмешливое;

фамильярное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

EIN SATZ HEIßE/ROTE OHREN (букв. пара горячих /красных ушей) оплеухи, затрещины;

неоценочное, ироническое;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

ES GIBT [GLEICH] ROTE OHREN! (букв. сейчас будут красные уши) угроза дать кому-л. пару затрещин;

неоценочное, угрожающее;

сниженное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

BEI JMDM. EIN GENEIGTES /OFFENES/WILLIGES OHR FINDEN (букв. найти у кого-либо благосклонное/открытое/охотное ухо) встретить сочувствие у кого-л., встретить благосклонное отношение со стороны кого-л.,

неоценочное, неэмоциональное;

высокое, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

JMDM. SEIN OHR LEIHEN (букв. одолжить кому-л. свое ухо) слушать, послушаться кого-л.;

одобрительное, сочувственное;

высокое, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

JMDM. EIN GENEIGTES OHR LEIHEN/SCHENKEN (букв. одолжить/подарить кому-либо благосклонное ухо) благосклонно внимать кому-л., выслушивать кого-л.;

неоценочное, неэмоциональное;

высокое, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

JMDM. EIN OHR/DIE OHREN ABREDEN (букв. кому-либо уши отговорить) столько наговорить партнеру, что он в конце концов не в состоянии больше слушать;

неодобрительное, фамильярное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

INS OHR GEHEN (букв. в ухо входить) легко запоминаться (о мелодии), быть понятным и приятным;

одобрительное, положительно-эмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

MIT DEN OHREN SCHLACKERN (букв. хлопать ушами) - растеряться, оторопеть; быть крайне удивленным;

неоценочное, ироническое, насмешливое;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

MIT ROTEN OHREN ABZIEHEN (букв. уйти с красными ушами) уйги, пристыженно удалиться;

неоценочное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

JMDN. ÜBERS OHR HAUE (букв. ударить кого-л. по уху) – надуть, одурачить, провести кого-л.; обманывать;

неодобрительное, презрительное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

UM EIN GENEIGTES OHR BITTEN (букв. просить о благосклонном ухе) просить выслушать себя, просить чьего-л. благосклонного внимания (к своим словам, к предмету сообщения);

неоценочное, униженное;

высокое, общенародное, устаревшее, общераспространенное, неупотребительное.

JMDM. ETW. UM DIE OHREN HAUE/SCHLÄGEN (букв. кому-либо что-либо в уши вколачивать) кого-л. упрекать, сильно критиковать за что-л.;

неодобрительное, неэмоциональное;

разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

JMDM. DIE OHREN VOM KOPF FRESSEN (букв. съесть у кого-л. уши с головы) жить за чей-л. счет, разорить кого-л.;
неодобрительное, уничижительное, насмешливое;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, неупотребительное.

DEN SCHALK HINTER DEN OHREN HABEN (букв. у кого-л. плут за ушами) кто-л. отъявленный плут; хитрый, находчивый, склонный к шуткам, к забавам;
неодобрительное, ироническое;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, малоупотребительное.

DEM TEUFEL EIN OHR ABSCHWÄTZEN (букв. выиграть на спор у черта ухо) быть очень красноречивым, быть очень словоохотливым;
неодобрительное, пренебрежительное;
разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, неупотребительное.

SICH DEN / FRISCHEN WIND UM DIE OHREN PFEIFFEN/WEHEN LASSEN (букв. позволить свежему ветру свистеть, веять вокруг ушей) набираться жизненного опыта;
одобрительное, шутовское;
разговорное, общенародное, устаревшее, общераспространенное, малоупотребительное.

Комплексное контрастивное описание лексических и фразеологических систем отдельных пар языков, создание больших двуязычных контрастивных словарей разных языков, в том числе создание больших двуязычных словарей безэквивалентной лексики и фразеологии – дело будущего, важная задача отечественной контрастивной лексикологии и лексикографии, современной лингвистики и лингводидактики. Создание таких словарей позволит наглядно представить национальную специфику семантики языковых единиц и вербализуемых ими концептов.

3. Мифологические лингвистические концепты

Концептуальный анализ выявляет *чисто мифологические концепты* – содержание которых отражает целиком некоторый миф обыденного сознания, мифологическое представление о предмете или явлении (*баба-яга, леший, русалка, кентавр* и под.).

Существуют также мифологические лингвистические концепты. Это оценочные для обыденного сознания и активно используемые в политике, СМИ, общественных дискуссиях концепты типа *порча языка, чистота языка* и им подобные. Частота, яркая оценочность и общественный резонанс обращения к этим концептам в обществе требуют проявить к ним особое научное внимание.

Подобные концепты относятся нами к категории мифологических лингвистических концептов – то есть отражающих не объективную действительность, не научно установленную данность, а некоторое вненаучное устойчивое бытовое общественное представление о языке.

Мы уже обращались к данной теме и приводили мнения известных ученых о подобных понятиях (Стернин 2010, Стернин 2014), но сейчас мы хотим сосредоточиться на конкретных признаках, позволяющих отнести некоторые лингвистические концепты к разряду мифологических.

Рассматривая подобные вненаучные концепты как мифологические, мы подразумеваем, что они включают мифологические когнитивные признаки. Эти признаки могут образовывать мифологическую зону концепта – когда их немного, например признаки *великий, могучий, свободный* в концепте русский язык (Тавдгиридзе 2005), а могут составлять все содержание концепта.

Основным признаком данных концептов является их вненаучный характер – в лингвистической науке их содержательные дефиниции отсутствуют.

К мифологическим лингвистическим концептам, про нашему мнению, можно отнести такие, как *чистота языка, порча языка, регресс (деградация) языка, прогресс языка, засорение языка, удобство языка, легкость/трудность языка, красота языка, кризис языка, защита языка, примитивный язык, развитый язык, сложность языка* и нек. др.

К сожалению, мифологические концепты и мифологические когнитивные признаки в силу общественного внимания к ним, их яркой оценочности и частого их обсуждения в СМИ достаточно часто проникают в научно-популярную литературу по лингвистике и даже в некоторые научные издания. Например, не избежал этого известный отечественный специалист по культуре русской речи Л.И. Скворцов, который в статье ЖАРГОН в «Энциклопедии Русский язык» написал в конце научной статьи: «Нарочитое или бездумное употребление жаргонной лексики и фразеологии засоряет и огрубляет разг. речь» (с.130). А что такое *нарочитое* употребление? А *бездумное* употребление? Это нарушение норм культуры речи? В чем проявляется тогда «засорение и огрубление речи»? Каковы критерии засорения речи? Огрубления речи?

Мифологические концепты отражают обыденное сознание носителей языка и не могут быть определены не только научно, но и просто вербально: *порча языка* – это что? Обычно можно услышать: «Это излишнее употребление бранных и иностранных слов». Но это не характеристика *языка*, а характеристика индивидуальной *речи* отдельных носителей языка, которых критик наблюдает.

Разграничение языка и речи – базовая аксиома научного исследования и описания языка. Если говорить о языке, его испортить просто нельзя – язык представляет собой совокупность языковых возможностей для использования их в коммуникации. Каждый берет из языка то, что считает нужным для выражения своей мысли в конкретной коммуникативной ситуации.

Речь отдельного человека может рассматриваться как «испорченная» – но тоже не в научном, а в бытовом оценочном смысле: «плохая». То есть такая, которая мне (и, возможно, еще кому-то) не нравится – однако научных критериев хорошей речи нет. Есть только некоторые критерии культуры речи индивида, основной из которых – уместность речевого словоупотребления. К культуре своей речи люди должны стремиться, в процессе обучения эту культуру речи им надо прививать. Но *культура*

речи - это характеристика именно *индивидуальной речи*, а не *языка как системы*.

Что такое «излишнее употребление иностранных слов»? Кто определит (и кто может определить), сколько можно употреблять иностранных слов, а сколько – уже нельзя? И в каких ситуациях? И каких иностранных слов – новых или уже давно вошедших в язык? Это все вкусовые критерии, причем невербализуемые: разговоры на эту тему обычно оканчиваются фразами типа «Нет, все-таки должны быть какие-то пределы». А какие? «Какие-то». Словесная невербализуемость мифологического концепта – его важная характерологическая черта.

Если кому-то не нравится, что вокруг него стало звучать много иностранных слов, пусть он борется с теми людьми, в чьей речи они звучат – пусть объяснит им (попробует!), почему иностранных слов надо употреблять меньше. Но пусть при этом не апеллирует к тому, что эти люди *портят русский язык, засоряют русский язык*, а он при этом якобы *защищает русский язык* - это все ненаучная мифология, чистые метафоры, субъективные образы, который каждый волен понимать по-своему.

М.Дебрэнн в статье «Современные работы французских лингвистов о наивной лингвистике» разбирает вышедшую в 1988 г. интересную работу французского лингвиста М. Ягелло «Каталог общепринятых представлений о языке» (Дебрэн 2009). В этой работе обсуждается та же самая проблема для французской лингвистики и французского общества.

В ней резонно отмечается, что нет научных критериев для утверждения, какой язык «бедный», а какой «богатый»: любой язык удовлетворяет потребности своих носителей, благодаря полисемии, синонимии, словообразованию и заимствованиям. Тем самым любой «действующий» язык – *богатый*.

М. Дебрэн указывает на основные мифы обывденного языкового сознания, описанные Мариной Ягелло (на примере обывденного языкового сознания французов). Среди этих мифов следующие принимаемые на веру обывденным сознанием сведения (утверждения):

французский язык портится;
английский язык – это легко;
русский – мелодичный язык;
лингвист знает все о языке и о языках;
лингвист безошибочно грамотен;
лингвист борется за чистоту языка;
изучение иностранного языка означает заучивание всех слов этого языка;

перевод невозможен из-за принципиальной несводимости одного языка к другому;

языки разнятся между собой тем, что одни «бедны», а другие «богаты»,

одни языки «просты», а другие «сложны»;

родной язык никогда не забывают;
ностальгические стереотипы о родном языке часто возникают у людей, вынужденных по политическим или экономическим причинам говорить на другом;
«в китайском языке нет грамматики» (понятие грамматика отождествляется с морфологией);
если слова нет в словаре, его нет и в языке (это представление устойчиво во Франции);
пуризм;
возведение «мертвых» языков в идеал;
поиски идеального языка;
живучесть любого языка связана с его «красотой», «логичностью», «легкостью» или каким-либо другим качеством;
французский язык – логичен;
французский язык – сложный язык;
родной язык богат нюансами и тонкостями, которых нет в более «примитивных» языках и др.

Прокомментируем некоторые из вышеуказанных суждений.

Нет научных критериев для утверждения, «бедным» является язык или «богатым»: любой язык удовлетворяет потребности своих носителей благодаря полисемии, синонимии, словообразованию либо заимствованиям. Тем самым любой «действующий» язык – богатый.

Для лингвиста не существует понятия «сложности» или даже «сложности для изучения» языка. Это тоже мифологический оценочный признак, приписываемый языку – сложно или просто изучать не язык вообще, а конкретный язык конкретному человеку с конкретной языковой подготовкой, конкретным родным языком, конкретным знанием других языков, конкретного возраста, с конкретными целями изучения языка и т.п.

Общераспространенным практически во всех развитых странах является мнение о том, что язык портится, загрязняется. *Порча, загрязнение* языка – тоже мифологические понятия. Нет научных критериев здоровья языка или его чистоты – это оценочные суждения, основанные на личных вкусах, пристрастиях или просто заблуждениях конкретного носителя языка. Для лингвиста понятно, что любой язык развивается и эволюционирует, ни то, ни другое не является его порчей или загрязнением.. С точки зрения лингвистики нельзя дать оценку тех или иных изменений с позиции «хорошо-плохо» или «прогресс-деградация», но такие оценки регулярно выдает мифологическое языковое сознание носителей языка.

Пуризм, возведение «мертвых» языков в идеал, поиски идеального языка опираются на мифологические представления о языке, даже если они порой превращаются в государственную политику. К сожалению, ненаучные, но громкие и общественно-резонансные спекуляции на теме порчи, загрязнения и гибели тех или иных языков – популярный плацдарм политиков и «национал-патриотов» во многих странах. Необходимо

помнить о мифологическом предмете подобных спекуляций и разъяснять это в обществе.

Надо бороться за чистоту языка.

Чистота языка – понятие ненаучное, нет нечистого языка, это метафора, не выработаны критерии «чистоты языка». Бороться надо за культуру речи, а не чистоту языка.

Иностранные слова засоряют язык.

Засорение – тоже не научный термин. Если это *порча*, то они язык не портят. Они «портят» речь – в определенных случаях неправильно употребляются, наносят ущерб пониманию смысла неподготовленной к такой лексике аудитории и под. Вопросы о чистоте русского языка, его порче и совершенствовании – вопросы неясные и открытые, слова «чистота», «порча», «улучшение», «прогресс», по отношению к языку не являются терминами, не определены однозначно в науке, но для метаязыкового сознания рядовых носителей русского языка их смысл предельно ясен: языком можно руководить через разного рода постановления (желательно запретительного свойства), «порча» – это, то что мне (и моему соседу) не нравится и т.п. Такое понимание находит отражение в официальных документах, которые предстают в силу этого продолжением массового обыденного, но отнюдь не научного сознания.

Во французском обществе распространено мнение, что живучесть любого языка связана с его «красотой», «логичностью», «легкостью» или каким-либо другим необъективным качеством, часто наивно приписываемым тем или иным языкам их «поборниками». Согласно широко распространенному стереотипу, восходящему к классицизму, французский язык – логичен. Это заблуждение обсуждается М.Ягелло в главе, озаглавленной «все, что не ясно – не по-французски». Автор показывает, что логика изложения относится к содержанию, и нет ничего в строе французского языка, что мешало бы строить нелогичное, неясное высказывание.

У французов существует наивное убеждение: «французский язык – сложный язык». Наивный пользователь - француз в этом находит предмет для гордости, думая обычно, что его язык богат нюансами и тонкостями, которых нет в более «примитивных» языках. С другой стороны, сложными для изучения считаются языки, типологически далекие от родного языка обучаемого. Но для лингвиста понятие «сложности» или даже «сложности для изучения» как такого не существует - для носителя языка его язык прост. Для изучающего – сложен. Степень *сложности языка* для изучения определяется степенью различия между родным и изучаемым языком или двумя изучаемыми языками.

М.Ягелло затрагивает и нерациональную оценку *красоты* того или иного иностранного языка. Он указывает, что в качестве критериев красоты языка обсуждается чередование гласных и согласных, близость диапазона частот собственного языка и иностранного, что причудливым

образом дополняется самыми разнообразными субъективными рассуждениями на эту тему.

Таким образом, мифологические лингвистические концепты – реальность национального обыденного сознания. В существовании таких концептов нет ничего необычного – такие же есть в физике, химии, медицине, астрономии, метеорологии, истории и других науках. Это реликт мифологического мышления в сознании современного человека. Не надо только придавать этим концептам научного статуса, рассматривать их как отражение объективной реальности. В бытовом сознании они существуют – преимущественно на эмоционально-оценочном уровне (разумеется, их надо изучать и описывать, см., например, некоторый опыт такого анализа в работе Языковое сознание 2010, с.38-44), но для науки, для научного сознания они чисто мифологичны, из чего и надо исходить при их общественном обсуждении и что надо разъяснять представителям обыденного сознания.

Практически все русскоязычные жители нашей страны и многие иностранцы, изучающие русский язык, хорошо знают знаменитую фразу Тургенева из стихотворения в прозе «Русский язык» (1882) о том, что *русский язык – великий и могучий*. Эта фраза часто повторяется в разных контекстах, и даже является синонимом русского языка – изучать *великий и могучий*, хорошо знать *великий и могучий* и под.

Но цитата про *великий и могучий* неполна. Приведем полную цитату: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Таким образом, русский язык, по мнению И.С.Тургенева, *великий, могучий, правдивый и свободный*.

Это, несомненно, глубоко патриотическое высказывание, в котором писатель признается в любви к русскому языку. Но какое конкретно содержание он вкладывает в эти четыре слова в данном контексте? И вкладывает ли?

Рассмотрим значения этих слов в толковом словаре С.А.Кузнецова.

ВЕЛИКИЙ

1. Очень большой, огромный. *Остров очень велик. В-ая удача. В. грех. С великим трудом мы выбрались из леса. К великой радости; к великому стыду; к великому сожалению. В-ое счастье, горе* (о чувствах, оказывающих сильное воздействие на кого-л.). // О большом количестве чего-л. *Народу на народном гулянье было в-ое множество*.(очень много).
2. Выдающийся по своему значению, влиянию, по своим достоинствам; очень важный. *В-ая цель. В-ое открытие. В. русский язык. Велика роль народных масс в истории. В. день, час чего-л. для кого-, чего-л. // Разг. Искусный, хорошо разбирающийся в каком-л. деле. В. мастер пера.*
3. Превышающий среднюю меру, обычный уровень в каком-л. отношении;

выдающийся. *Соблазн слишком велик. С великим (величайшим) интересом, трудом что-л. сделать. В. труженик. // Необыкновенно одарённый, гениальный. В. мыслитель. В. учёный.*

4. *только кратк.* Большого размера, чем нужно. *Юбка ей велика. Квартира для троих велика.*

5. *сравн. и превосх. ст. нет.* Отличающийся особыми, выдающимися свойствами. В составе различных названий и терминов. *В-ая Отечественная война. В. четверг (церк.; четвёртый день Страстной недели, когда проходят обрядовые очищения). В-ая пятница (церк.; пятый день Страстной недели, когда христиане вспоминают крестные страдания Спасителя). В-ая суббота (церк.; шестой день Страстной недели, когда христиане вспоминают о казни и смерти Спасителя). В-ие географические открытия* (обозначение крупных открытий, сделанных в 15 - 17 вв.: материков (Америки), новых торговых путей, стран). *В-ие державы* (обозначение государств, играющих ведущую роль на международной арене). *В. князь; в-ая княгиня, княжна* (в Российской империи: член императорской фамилии). *В. океан* (Тихий океан). *В. пост (церк.; пост перед праздником Пасхи, продолжающийся 7 недель). В. шёлковый путь* (в древности и в средние века: караванная дорога между Китаем и Средней и Передней Азией). *В-ое княжество Литовское* (постоянный эпитет Литвы в составе феодальной Руси). *В-ое переселение народов* (крупные племенные переселения на европейском континенте, происходившие в 4 - 7 вв. н.э.). // Постоянный эпитет некоторых выдающихся исторических личностей. *Пётр Великий.* ◇ Великий князь. 1. В Киевской Руси и в период феодальной раздробленности: глава великого княжества. -2. В Российской империи: часть полного титула российского императора. Великое противостояние. Момент, когда планета Марс (раз в 15 - 17 лет) максимально приближается к Земле. Не велик барин; Не велика барыня. *Пренебр.* Можно вести себя кому-л. попроще, поступиться некоторыми своими привычками. (Не) велика важность (беда). *Пренебр.* Не важно, не имеет значения. Не велика хитрость. Совсем несложно. От мала до велика. Все без различия возраста. < Великость (см.).

Наиболее подходят к данному контексту значения 2 и 5:

2. Выдающийся по своему значению, влиянию, по своим достоинствам; очень важный (*В-ая цель. В-ое открытие. В. русский язык. Велика роль народных масс в истории. В. день, час чего-л. для кого-, чего-л.*)

5. Отличающийся особыми, выдающимися свойствами. В составе различных названий и терминов. *В-ая Отечественная война. В. четверг (церк.; В-ая пятница (церк.; пятый день Страстной недели, когда христиане вспоминают крестные страдания Спасителя). В-ая суббота (церк.), Пётр Великий, Великое противостояние и мн. др.*

Если это *выдающийся по своим достоинствам*, то по каким достоинствам? С какими другими языками он сравнивается? Какие другие языки по каким параметрам он превосходит?

Если *отличается особыми, выдающимися свойствами* – то какими?

Эти свойства и достоинства не называются – предполагается, что они есть, для всех они должны быть очевидны. Для публицистики этого оказывается достаточно, для патриотической оценки родного языка – тоже, но конкретной информации о русском языке данное словоупотребление не несет.

Аналогично – **могучий**.

1. Обладающий большой физической силой, очень сильный (о человеке, животном). *М лев. М спортсмен. М детина.* // Свидетельствующий о физической силе; очень крепкий, жизнеспособный. *М-ие руки, плечи. М-ее здоровье. М организм.*

2. Очень большой, значительный (по силе, степени, величине); мощный. *М-ая плотина. М-ие скалы. М-ие волны. М голос. М-ие деревья* (имеющие толстый ствол, густую, раскидистую крону). // Обладающий большой силой, мощью (о воинских соединениях, укреплениях и т.п.). *М-ая армия. М-ие крейсера.*

3. Величественный, грандиозный. *М-ая панорама гор. М город.*

4. Необычайный, исключительный по значению, силе проявления, размаху и т.п. *М талант. М-ая страсть. Оказать м-ее влияние на кого-л.*

5. Обладающий властью, влиянием; могущественный. *М правитель. М-ая организация.* < Могуче, нареч. *М возвышаться над чем-л. М управлять чем-л.*

Наиболее подходят значения 3 и 4:

3. Величественный, грандиозный

4. Необычайный, исключительный по значению, силе проявления, размаху и т.п.

Но и в этом смысле «могучесть» языка нельзя понимать буквально – а какие языки слабые, не величественные, незначительные по значению, размаху, силе проявления? С чем мы сопоставляем русский язык и какие видим в нем конкретные преимущества перед другими языками по грандиозности, исключительности, силе проявления и т.д.?

СВОБОДНЫЙ

1. Не испытывающий на себе экономического и политического гнёта, давления; независимый. *С-ая личность. С-ые граждане свободной страны. С. народ.* // Свойственный такому человеку, государству. *С. дух. С-ая душа. С. образ мыслей.*

2. Никем не задерживаемый; выпущенный на свободу (после заточения, плена и т.п.). *Выходите, товарищи, вы свободны. Я свободен? - Да, можете идти.*

3. Располагающий собой по собственному усмотрению; не связанный с кем-л. какими-л. отношениями, обязательствами. *Когда освободишься? - К шести я буду совершенно свободен. С. как ветер. Свободен в своих поступках, решениях. Свободен в своём выборе. Зачем тебе женатик, разве мало свободных парней? Я женщина свободная, незамужняя. Разрешите быть свободным? (воен.); просьба разрешить удалиться; при обращении к старшему по званию).*

4. Совершаемый без принуждения, давления (по своей воле и желанию); добровольный. *С. труд на благо общества. Сделай с. выбор. С-ое волеизъявление народа.*

5. Совершаемый без помех или напряжения; ничем не затруднённый; естественный, непринуждённый. *С-ое дыхание. С-ая речь. С-ое отражение. С-ое владение иностранным языком. С-ая поза, посадка в седле.*

6. Не стеснённый запретами; не ограниченный строго определёнными нормами, правилами, формами. *С-ые выборы. С-ая торговля. С. обмен мнениями. С. доступ к архивам. С-ая мысль. С-ые цены (назначаемые производителями, торговыми организациями и т.п., не определяемые государством; рыночные). Зона свободного предпринимательства; с-ая экономическая зона (особая территория какого-л. государства, имеющая налоговые льготы для торговли и предпринимательства). С. стиль плавания (выбираемый по усмотрению самого пловца). С. Стих (обычно о белом стихе). Сочинение на свободную тему (учебное сочинение на любую тему или в произвольной форме). С-ое воспитание (теория, отрицающая какие бы то ни было меры принуждения по отношению к детям). Люди свободных профессий (о творческих работниках, не состоящих на службе и живущих на гонорары). С-ая любовь (любовные отношения вне брака).*
7. Не заполненный, не занятый кем-, чем-л.; такой, который можно использовать (о пространстве, должности, времени и т.п.). *С-ое пространство. С-ое купе. С. стул. С. номер в гостинице. Найти с. учебник. С-ая вакансия, должность, ставка. С. вечер. Увлечаться танцами в с-ое от работы время. С-ые деньги (не отведённые под определённую покупку, мероприятие и т.п.). Путь свободен. Свободных мест в вагоне нет. Река уже свободна ото льда. Телефон свободен? - Звоните, пожалуйста. С. Урок (такой, на который не пришёл учитель; не замещённый другим).*

8. Разг. Лишённый тесноты; просторный. *Квартира большая, с-ая у кого-л. Кухня с-ая, а коридора почти нет.*

9. Не облегающий плотно фигуру; широкий, расклешённый. *С. покрой. С-ая блуза. С. плащ.*

10. от чего. Такой, которому не свойственно что-л.; освобождённый от чего-л. *С. от предрассудков, от подозрений, от страха. Построить*

общество, с-ое от кризисов. С. от налогов, от податей. 11. только полн. Освобождённый от сцеплений, от нагрузки (о частях механизма). С-ое колесо. С-ая шестерня. Муфта свободного хода. С. Ход (основанный на таком принципе действия).

12. только полн. Не находящийся в химическом соединении с чем-л. С. кислород. Железо в свободном состоянии. С. Электрон (отделившийся от атома и перемещающийся в межуатомном пространстве). С. Радикал (химическая частица, образующаяся из молекул путём сцепления отдельных атомов и групп).

13. Спец. Осуществляемый без воздействия дополнительных сил, энергии и т.п.; основанный на таком принципе действия. С-ое падение (падение тела, обусловленное притяжением Земли). С. Полёт (полёт космического летательного аппарата с выключенными ракетными двигателями под действием сил притяжения Солнца и планет). С. Аэростат неуправляемый летательный аппарат легче воздуха для полёта по направлению ветра). С-ые колебания (совершаемые за счёт первоначально накопленной энергии). ♦ Свободный вектор. Матем. Вектор, не связанный с какой-л. прямой или точкой. Свободнаяковка. Спец. Способ обработки металла давлением, не препятствующий течению металла в заданном направлении. Свободный член. Матем. Член уравнения, не содержащий неизвестного. Свободный удар. Спорт. Удар по мячу (мячом) за нарушение правил игры, во время которого соперник должен находиться на определённом расстоянии от мяча.

Значение 5: Совершаемый без помех или напряжения; ничем не затруднённый; естественный, непринуждённый. Но и оно не подходит к языку - язык как таковой не может иметь помех, быть естественным и непринуждённым. Это относится к речи. Кроме того, вновь возникает вопрос – а какие языки характеризуются как напряженные, неестественные, принужденные?

ПРАВДИВЫЙ

1. Стремящийся к правде, говорящий правду (о человеке); свойственный такому человеку. *П. характер. // Выражающий склонность к правде. П. взгляд. П-ые глаза. П-ое выражение лица. // Реалистически выражающий жизненные явления в произведениях творчества. П. художник. В своих произведениях автор прост и правдив.*

2. Содержащий в себе правду, основанный на правде. *П. рассказ. П-ая речь. П-ые показания свидетелей. П-ое отображение действительности. < Правдиво, нареч. П. говорить. П. смотреть в глаза. В романе п. изображена наша действительность. Правдивость, -и; ж. Отличаться правдивостью. Образы выражены с большой правдивостью.*

Правдивость вообще не может быть применена к языку –правдив может быть человек, автор некоторого высказывания или текста, а не язык, которым он пользуется.

Таким образом, усмотреть какое-либо денотативное содержание в высказывании И.С.Тургенева не удастся. Высказывание целиком носит эмоционально-оценочный характер, общий смысл – высшая положительно-эмоциональная оценка русского языка писателем.

Данные признаки в концепте *русский язык*, несомненно, являются мифологическими. Наличие таких признаков подтверждается когнитивным анализом концепта *русский язык* в обыденном языковом сознании русских испытуемых (Тавдгиридзе 2005, с.14-15):

Ядро: богатый 15,6%; красивый 11,8%; сложный 11,2%; выразительный 7%; родной 6,9%. *Когнитивные признаки* богатый 15,6%; красивый 11,8%; могут рассматриваться как мифологические, поскольку объективных критериев богатства языка и его красоты не существует. Таким образом, наиболее яркие ядерные признаки концепта имеют мифологический характер.

Ближняя периферия концепта: *грубый* 4%; *интересный* 4%; *хороший* 3,1%; *доступный* 3%; *международный* 2,8%; *народный* 2,3%; *нужный* 2,1%; *любимый* 2; *школьный предмет* 1,9%; *старый* 1,9%; *звучный* 1,8%;

Мифологический характер имеют признаки *благородный* 2,9%; *великий* 2,7%; *умный* 1,8%; *могучий* 1,7%, остальные допускают рациональную интерпретацию и несут объективную характеристику русского языка – *международный, школьный предмет, старый, нужный*.

Дальняя периферия концепта (9,2%) образована следующими когнитивными признаками: *необычный* 1,2%; *культурный* 0,7%; *плохой* 0,6%; *свободный* 0,7%; *писатели и поэты* 0,6%; *средство общения* 0,6%; *непонятный* 0,6%; *носители языка* 0,6%; *точный* 0,6%; *понятный* 0,5%; *природа* 0,5%; *универсальный* 0,4%; *живой* 0,3%; *веселый* 0,3%; *засоренный* 0,3%; *чувственный* 0,2%; *громкий* 0,2%; *быт* 0,1%; *радость* 0,1%; *литературные произведения на русском языке* 0,1%.

Мифологический характер имеют когнитивные признаки *культурный, свободный, точный, универсальный, живой, веселый; засоренный, чувственный, плохой*.

Как видно из приведенных примеров, мифологическая зона концепта *русский язык* весьма значительна и имеет достаточную яркость в структуре концепта: признаки *великий, могучий, свободный* выделены почти двадцатью процентами испытуемых. Данные признаки отражают в структуре концепта некоторый национальный стереотип, существующий относительно автономно от других компонентов концепта, причем на реальность данного мифа-стереотипа не влияют многочисленные противоречащие ему когнитивные признаки, выделяющиеся в структуре концепта — *грубый, непонятный, засоренный, бедность, неприятный в звучании* и некоторые другие. Данные признаки не входят в ядро, оставаясь в рамках ближней и дальней периферии концепта.

Диссертационное исследование Т.А. Симановой «Развитие концептов «русский язык» и «родной язык» в языковом сознании иностранных

студентов (экспериментальное исследование)» показало, что под влиянием русской культуры и русского языкового окружения в сознании студента – иностранца в концепте *русский язык* формируется следующая мифологическая зона: *романтичный* 0,09; *сладкий* 0,03; *серьёзный* 0,03; *гибкий* 0,01; *независимый* 0,002.

В содержании концепта *родной язык* у этих же испытуемых формируется следующая мифологическая зона: *романтичный* 0,07; *быстрый* 0,04; *мягкий* 0,03; *большой* 0,03; *могучий* 0,03; *ласковый* 0,02; *серьёзный* 0,01; *радостный* 0,003; *элегантный* 0,01; *культурный* 0,01; *независимый* 0,01; *твёрдый* 0,002; *чистый* 0,02; *добрый* 0,002; *честный* 0,002; *яркий* 0,002; *умный* 0,002; *сладкий* 0,02; *хрупкий* 0,002.

Таким образом, оценки русского языка иностранцами также носят субъективно-оценочный характер – они метафоричны, эмоциональны, положительно-оценочны, но денотативно не наполнены.

Разумеется, мы не возражаем против того, что русский язык можно назвать *великий, могучий, правдивый и свободный*, можно добавить, что он *мягкий, содержательный и умный*, еще добавим – *взрослый, развитый, сильный, мускулистый, вкусный, достойный, скромный, деликатный, дружелюбный* и т.д., но это все надо понимать как метафорическую эмоциональную объективацию субъективной положительной оценки языка, нельзя это рассматривать как реальные качества, признаки, характеристики русского (и любого иного) языка.

Есть и мифологические лингвистические стереотипы: *словарь Даля – лучший словарь русского языка, жлоб – житель Воронежской области; язык, в котором больше слов, хороший и развитый, в котором мало – плохой и неразвитый; раньше в русском языке были хорошие, красивые слова, а сейчас уродливые и некрасивые; русский язык хотят испортить, уничтожить; от мата вянут цветы, изменяется структура воды и изменяется геном человека, язык – это словарь, а учить язык – это учить много слов* и т.д.

Частота и общественный резонанс обращения к этим концептам в современной социальной действительности требуют проявить к ним особое научное внимание.

Мифологические компоненты обыденного языкового сознания могут, к сожалению, иногда стать основой государственной политики в области языка. Этот вопрос исключительно точно и правильно поставил Н.Д. Голев. Приведем с незначительными сокращениями его рассуждение:

«... зададимся вопросом, почему проблемы языкового строительства переданы в ведомство Министерства образования и науки. То, что вопросы, связанные с русским языком, трактуются в первую очередь как образовательные, понятно, поскольку соответствуют базовым презумпциям обыденного сознания. «Школьноцентризм» обыденной лингвистики синонимизирует выражения «владеть языком» и «овладевать языком» (в смысле «овладевать знаниями о языке» и тем самым увязывает

русский язык со школьными знаниями, а последние – со школьным курсом орфографии.

Приказ Министерства образования и науки РФ о создании межведомственной комиссии по русскому языку от 2 декабря 2004 г. № 124, подписанный А. А. Фурсенко, начинается следующей преамбулой: *«В целях развития, распространения и сохранения чистоты русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения приказываю...»*. На наш взгляд, модус этой преамбулы несколько отличается от того, что предписывает данной Комиссии постановление Правительства РФ, подписанное М. Фрадковым. Предписано обеспечить *правовое функционирование* русского языка в качестве государственного. Комиссия понимает свое предназначение более расширительно. В преамбуле приказа Комиссии используется традиционная идеолого-политико-публицистическая риторика, призывающая бороться за чистоту и распространение русского языка во всех сферах его функционирования, а не только одной юридической. Такая идеологизация – характерная для российского общественного менталитета черта. Так, в свое время был идеологизирован Проект Федерального закона о русском языке, по поводу чего 6 июля 2002 года в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина президент ГосИРЯ им. А. С. Пушкина, акад. РАО В. Г. Костомаров сказал следующее: *«...В предлагаемом проекте есть два совершенно разных, качественно разных объекта законодательного регулирования. Первый – это функциональный, а второй – это то, что юристы называют корпусный. Что касается функциональной стороны, то здесь законодательно все очень легко сделать. Мы можем сказать: судье можно использовать только русский язык. Мы можем сказать, что нельзя получить российское гражданство, не сдав экзамены по русскому языку. И так далее, и так далее. Мы можем сказать, что государство наше, если оно хочет себя хорошо поставить на международной арене, должно заниматься, как французы это делают, сознательным экспортом своего языка и своей культуры и т. д. А вот корпусная сторона, т. е. внутреннее развитие – прогресс, регресс самого языка, – зависит не от законов общества, а от внутренних законов развития – вообще языков или данного языка. Насколько эти законы подвержены сознательному регулированию человеком или обществом? Вопрос открытый, на него есть много разных ответов»*.

Отсюда становится понятно, почему сугубо юридический феномен – государственный язык – оказался в ведении Министерства образования и науки. Что касается компонента «образование», то – отметим еще раз – увязка русского языка со школой обыкновенна для «обыденной социолингвистики», поэтому с научной, объективистской, точки зрения этому удивляться не приходится. Но и к административному руководству наукой как обязанности Министерства забота о чистоте русского языка, кажется, никак не должна относиться. Это, скорее, относится к ведению министерства культуры, поскольку речь в «корпусной части»

рассматриваемых законов идет о речевой культуре. Для реализации собственно научного подхода к проблеме нужно было бы по логике вещей организовать **исследование** объективных законов функционирования языка в разных сферах, теоретическую разработку понятий типа «чистота и порча языка» и уже на этой основе, **если будет обоснована необходимость и возможность** «чистки», разрабатывать законы, регламентирующие функционирование тех или иных участков языка. Но Министерству и Комиссии эти вещи не кажутся предметом научных изысканий. По-видимому, они представляются им само собой разумеющимися вещами, не нуждающимися в научном обосновании, комиссия априори знает, почему, зачем и как нужно улучшать язык и что означает улучшение. Не приходится удивляться в связи со сказанным, что в составе комиссии, готовившей вышеназванный проект Закона о русском языке, было очень мало профессиональных лингвистов» (Голев 2009, с. 383-385).

Полностью согласимся с предостережением Н.Д.Голева: в настоящее время «есть опасность, что ученым придется оперировать концептами естественного языка, оставшись в определенном смысле в лоне наивной науки..., пользоваться ценностями, представлениями и мифами обыденного сознания и приказами политиков. ... Именно научный подход к языковому строительству должен быть противопоставлен линии официализации и легитимизации языка, вытекающей из представлений обыденного национального метаязыкового сознания. При этом важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность функционирования фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка; в том числе воздействия представлений о языке в сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они соответствуют представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться» (Голев 2009, с.396).

Разумеется, мифологической составляющей содержание обыденного языкового сознания не исчерпывается, но мифологический компонент обыденного языкового сознания существует, он составляет важную и часто весьма яркую часть обыденного языкового сознания и нуждается в тщательном изучении, тем более что именно на этой части языковой информации в обществе строятся различные политические кампании по «защите» языка, «пропаганде» языка, строится та или иная государственная политика, вырабатывается культурно-образовательная идеология общества.

Содержание обыденного языкового сознания в целом далеко от изученности. В частности, нуждаются в описании прежде всего типы языковой информации, образующие обыденное языковое сознание.

Таким образом, основными показателями мифологичности тех или иных концептов или отдельных когнитивных признаков в составе концептов, характеризующих язык, следует считать следующие:

1. Мифологические когнитивные признаки или концепты не имеют научного определения.

2. Мифологические признаки и концепты имеют в языке только метафорическое обозначение (*красивый, могучий, свободный, великий, четкий, ясный* и под). Раскрыть содержание мифологических концептов без использования метафоры оказывается невозможным.

3. Мифологические концепты и признаки имеют оценочный характер.

4. Мифологические концепты не могут быть истолкованы как совокупность некоторых объективных содержательных признаков на естественном языке

5. Они имеют общественно-политическую аксиологию, широко используются в общественных дискуссиях как общественно-политические лозунги.

Когда мифами спекулируют, они становятся ментальными вирусами.

Ментальный вирус языкового сознания – это стойкое повторяющееся и тиражируемое заблуждение обыденного сознания о языке, некоторый миф о языке. Распространению ментальных вирусов надо противостоять научным анализом и разъяснительной работой.

Необходимо бороться с ментальными вирусами, преодолевать лингвистические мифы в сознании народа. Это позволит повысить уровень владения языком и культурой речи и не будет уводить людей в бесплодные антинаучные умствования по поводу разрушения языка, его порчи, зловердной деятельности неких коварных сил, а будет ориентировать людей на практическую работу по совершенствованию языковых навыков.

4. Личностная и национально-культурная специфика концептов разных типов

Возможность выявить специфику архитектуры семемы предоставляет лексикографические толкования слов или фрагменты текстов, в которых объективируются семантические компоненты, языковых знаков.

Как было отмечено выше, типология концептов включает мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии, все эти типы концептов находят отражение в семантике номинирующих их лексем.

Напомним читателю, что мыслительные картинки реализуются в так называемых «образных» семах. Схема отражается в семах, фиксирующих контурные, пространственные или объёмные параметры объектов. Фрейм репрезентируется архисемой, оформленной рядом лексико-семантических групп, либо представляется образными семами, индуцирующими объёмную (типа голографической) картинку. В семах, реализующих признаки развития событий, движения, динамики угадываются сценарии.

Именно поэтому несходными по природе, т.е. по своей «внутренней» организации, являются такие слова русского языка, как *ромашка, цветок, нива и жатва*.

Совокупность концептов всех типов, содержащихся в сознании отдельного человека, выстраивает его личностную концептосферу, то есть область только ему свойственных образов, в которых закрепляются приобретённые им знания и опыт.

Концептосферу языковой личности следует отличать от концептосферы национального коллектива в целом. В этом проявляется диалектика вариативного и инвариантного (субъективного и объективного) в мышлении и языке, которую в своё время обозначил ещё В. фон Гумбольдт, а затем развивал отечественный языковед А. А. Потебня.

Та же мысль высказывается и сегодня в терминах, принятых современным лингвистическим сообществом: «В естественном языке экстралингвистическая реальность представляют собой мир, взятый в интерпретации его людьми, вместе с их отношениями друг к другу, и в этом смысле «онтология» явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют внеязыковую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» (Булыгина, Шмелёв 1997, с. 7).

Размышляя об инвариантах и вариантах, следует учесть, что даже в авторитетных словарях значение одного и того же слова может быть представлено в разных формулировках: какая-то отдельная деталь в его описании присутствует в одном словаре, но отсутствует в другом. Если это так, то безусловно разным содержанием будут наполняться лексические единицы, включаемые в обиходный словарь каждого человека в отдельности (необязательно сверяющего свой лексикон по лексикографическим источникам) в зависимости от условий бытования индивида, его общего кругозора, уровня образования, профессиональных и возрастных интересов. Из этого следует неповторимость в «конфигурации» концепта одного и того же типа в сознании разных носителей языка, обеспеченная максимум или минимумом признаков в их вербальных объективациях.

Так, например, концепт-картинка *дрозд* (лесная птица отряда воробьиных) – одна в голове специалиста-орнитолога, натуралиста, просто любителя природы, совершенно другая в сознании лица, для которого зрительный образ этой пернатой особи никогда не попадал в фокус внимания.

Стали говорить о птицах, потому что из чащи раздался смешной голос птицы. Я сказал, что никогда в жизни не видел, например, дрозда, и спросил: каков он собой – дрозд?

Из чащи вылетела птица. Она пролетела над поляной и села на торчащую ветку недалеко от наших голов. Она не сидела, впрочем, а стояла на качающейся ветке. Она моргала, и я подумал, как некрасивы у птиц глаза – безбровые, но с сильно выраженными веками.

-Что это? – спросил я шёпотом. – Дрозд? Это дрозд? – Никто не отвечает мне.

-Это дрозд? – спрашиваю я. Птицы уже нет (Ю. К. Олеша. Вишнёвая косточка).

Почти «пустую» картинку дрозда можно сравнить с детальной «прорисовкой» его образа в других литературных примерах: *«Певчий дрозд – это небольшая серая птичка, величиной с обыкновенного скворца (И.С.Соколов – Микитов. На тёплой земле); «Беднее, чем у всех сородичей, окрашено простенькое, но вполне приличное для леса платье дрозда и его супруги: сверху ровный окрас сухого дубового листа, снизу – по светлому фону коричневые пестринки, как капли (Л.Л.Семаго. Сто свиданий с природой). А ведь есть ещё и чёрные дрозды!*

Х. Путнэм признавался, что он не может отличить бук от вяза (Putnam, 1989, с. 29), хотя каждому понятно, что дерево «вообще» - это ствол и отходящие от него ветви.

По-разному (причём, в определённый исторический период) репрезентируется концепт-фрейм *больница* в сознании человека, далёкого от лечебных учреждений, и того, кто посвятил себя медицинской карьере: *О больнице и говорить не приходится. В ней было хирургическое отделение, терапевтическое, заразное, акушерское. В больнице была операционная, в ней сиял автоклав, серебрились краны, столы раскрывали свои хитрые лапы, зубы, винты. В больнице был старший врач, три ординатора (кроме меня). Фельдшера, акушерки, сиделки, аптека и лаборатория. Лаборатория, подумать только! С цейсовским микроскопом, прекрасным запасом красок (М. А. Булгаков. Морфий).* Современный врач мог бы сказать о больнице по-другому.

«Сценарные» характеристики экзамена будут не совпадать у профессора и студента в процессе выполнения ими соответствующих ролевых функций.

Содержание личностных концептов определяется по их текстовой реализации или в результате психолингвистического эксперимента.

Коснувшись вопроса корреляции субъективного и объективного, необходимо решить, что в концепте национального, то есть обусловлено культурой данного общества, а что интернационально, расширив ракурсы анализа вариативного и инвариантного до уровня межъязыковых сопоставлений.

А. В. Кравченко усматривает факты несовпадений в «картинах мира» в том, что «означающая» функция языковых знаков возникает не в силу прямого соотношения их с внешним миром, а в силу соотношения их с человеческим опытом, образующим основу сознания (Кравченко 1997, с.61).

Эта идея порождает новый вопрос: если опыт народов разнится, то несут ли всеобъемлющий характер структуры, с помощью которых знания представляются?

Трактуя концепты как ментальные образования, важно задуматься над тем, как они связаны с процессом и содержанием мышления.

Проблемы организации мыслительного процесса («что» и «как» в самой форме мысли) интересуют не только физиолога, но и философа, и лингвиста.

Наряду с широко известной теорией лингвистической относительности, согласно которой «реальный мир» в головах людей в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах общества, существует гипотеза когнитивного релятивизма; она отстаивает идею существования различных моделей рациональности. По этой доктрине у разных групп людей есть свои, основанные на обычаях стандарты для суждений.

Корни когнитивного релятивизма уходят в интеллектуальные проекты XIX века. По мере развития гуманитарных наук некоторые исследователи приходили к выводу о том, что каждая эпоха и каждая культура имеет свой собственный характерный строй мышления, что человеческий взгляд на реальность зависит от наших специфических когнитивных особенностей; выводы, которые можно сделать из чувственных данных будут определяться биологическими предпосылками нашего менталитета. Один из приверженцев этой гипотезы У. Джеймс писал: «Если бы мы были омарами или пчёлами, то наша организация вела бы к использованию иных форм понимания нашего опыта, чем нынешнее. Могло бы так оказаться (мы не можем это догматически отрицать), что категории, невообразимые нами сегодня, были бы пригодны для мысленного использования в нашем опыте подобно тому, что мы используем нынче» (Цит. по: Решер 1995, с.36).

Эта мысль созвучна желанию узнать, каким образом «кто-нибудь другой» - дети, кошки или люди из отсталых культур – решают те или иные задачи (Коул, Скрибнер 1977, с.9).

Квинтэссенция гипотезы когнитивного релятивизма заключается в том, что разные культуры и разные интеллектуальные традиции описывают и объясняют «свой» опыт, «свой» мир. Этот мир и опыт постигаются в понятиях и категориях в принципе ничуть не хуже наших, но понимание которого существенно отличается от нашего (Решер, указ. соч., с.36).

Если дать дикарям карандаши, рассуждают релятивисты, то вполне возможно, что они будут использовать их в качестве палочек для еды.

По Н. Решеру, критически воспринимающего эту теорию, полагать, что носители первобытной культуры считают карандаши палочками для еды – нелепость, другое дело – осознать, что карандаши для них – нечто иное, чем для нас (они вообще не думают о карандашах как об орудиях письма). Именно в указанном примере учёный видит несостоятельность релятивистской гипотезы. Размышлять о том, что люди иной цивилизации утилизируют карандаши с непривычной для нас целью, значит навязывать им «свою» модель рациональности, обжаловать «чужой» стандарт с иной, более высокой позиции (получается, что наша «схема» рациональности – лучше их, а не одинаково приемлема, как исходно утверждают сторонники

когнитивного релятивизма), то есть оружие релятивистов оказывается повернутым против них самих.

Правы Л.С. Выготский и А.Р. Лурия, учившие, что высшие психические процессы несомненно являются исторически обусловленными, и общественная практика людей, меняющаяся на различных этапах развития, влияет на формирование понятий и решение вербальных силлогизмов (Лурия 1971, с.49-50). Однако нет никаких оснований считать, что существуют культурные различия в познавательных процессах, и экспериментальным путём «не было обнаружено данных об отсутствии у какой-либо культурной группы какого-либо важного познавательного процесса – абстракции, умозаключения, категоризации и т.п.» (Коул, Скрибнер 1977, с.261).

Ещё в начале пятидесятых годов прошлого столетия А. С. Чикобава писал, что процессы мышления представляют собой функцию мозга, они обусловлены нормальными физиологическими процессами головного мозга отдельного индивидуума (Чикобава 1952, с.25). Это значит, что мышление не зависит от национальной и классовой принадлежности, оно работает по единым законам, подобно тому, как одинаковы другие физиологические процессы, происходящие в организме человека.

Экскурс в набор доказательств универсальности мыслительных процессов необходим для того, чтобы осознать неразрывную связь когниции с мыслительным процессом и тем самым подчеркнуть её общечеловеческий характер. Собственно говоря, когнитивная деятельность человеческого разума и есть мыслительный процесс.

Процесс мышления следует отличать от содержания мышления, под которым понимается совокупность всех категорий и концептов, аккумулированных сознанием. Содержание мышления несёт на себе отпечаток психического склада, духовного облика людей, объединяемых национальной общностью. Психический склад – сгусток впечатлений, которые сложились у данного народа на протяжении столетий. Его специфику выражает «свой» круг представлений, особый подход к решению жизненных проблем. В содержание мышления входит комплекс объективных и субъективных интересов людей как членов разных национальных коллективов (Попова 1987, с.59). Именно в содержании мышления (отражаемого в «зеркале» языка) фиксируются несходства в культурном опыте тех или иных народов.

Несовпадения в концептосферах разных народов незаметны «изнутри», но они выявляются в процессе сопоставительного анализа. Полное отсутствие в одной из них какого-нибудь концепта, который включается в состав другой, встречается нечасто. Более распространённый случай заключается в том, что сопоставимые концепты оказываются неравнозначными по набору «схватываемых» ими признаков (т.е., апеллируя к понятию «лакунарность», правомерно говорить не об абсолютных, а об относительных лакунах).

Рассмотрим фрагменты концептосфер разных народов, причём в их составе нас будут интересовать концепты одного и того же типа: мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии.

С одной стороны, единство мира обеспечивает идентичность образов восприятия похожих между собой предметов, с другой, на уровне общего «срабатывает» специфика национального.

Так, например, Л. Т. Микулина говорит о значимости слова *грибы* в русской культуре (Микулина 1981, с.87). При изобилии и широком разнообразии съедобных грибов в России их сбор всегда считался национальным промыслом, а по-разному приготовленные грибы являлись традиционной принадлежностью «русского стола».

Социально значимое понятие *гриб* существует в нашем коллективном сознании в наборе ярких мыслительных картинок:

боровик – съедобный *гриб с тёмно-коричневой шляпкой на толстой и беловатой ножке;*

лисичка – съедобный *гриб жёлтого цвета;*

рыжик – съедобный *гриб с рыжей шляпкой и загнутыми краями;*

подосиновик – съедобный *гриб с красно-жёлтой, коричневой шляпкой;*

груздь – съедобный *гриб с широкой белой мохнатой немного слизистой шляпкой* (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка).

В английском языке видовые названия грибов мало известны, сбор лесных грибов не пользуется популярностью. Имеется попытка объяснить отрицательное отношение англичан к грибам религиозными представлениями древних германцев, считавших, что грибы наделены дьявольской силой.

Англичане предпочитают шампиньоны всем остальным грибам, другие же их виды объективируются в родовом имени *mushroom*, т.е. многообразие мыслительных картинок, свойственных русскому национальному сознанию, подводится под общую схему гриба – «шляпка и ножка».

Переходный образ между картинкой и схемой представляет такой простейший предмет мебели, как стол, но *стол* бывает общеевропейского, и китайского или японского стандарта. Эти столы отличаются по размеру, высоте, наличию или отсутствию выдвижных ящиков. Для того, чтобы понять это, надо знать, что в Китае и Японии традиционно пишут, скрестив ноги или стоя на коленях (Ungerer, Schmid 1996, p.14).

Имеются разночтения и на уровне схем. Некоторые из них объясняются наличием реалий, отражения которых включаются в «картину мира» одного языка, но отсутствуют в другой. Русскому *дорога* (по Толковому словарю, *полоса земли, предназначенная для передвижения*), *шоссе* и *автострада* (*дорога для автомобильного движения без поперечных наземных переездов*) можно противопоставить, по крайней мере, десять английских аналогов: **highway** – *шоссе*; **superhighway** – *многопутная магистраль для скоростного движения*; **thoroughfare** – *дорога для общественного транспорта, особенно главная дорога с оживлённым*

движением; **turnpike** – шоссе для скоростного движения со шлагбаумами (для уплаты водителями дорожных пошлин); **thruway** – шоссе с ограниченным числом примыканий; **expressway** – дорога с разделительной чертой и ограниченным числом примыканий, предназначенная для скоростного движения; **freeway** – то же, что и *expressway*, а также с пересечениями типа кленового листа; **parkway** – многопутная автострада с разделительной полосой в виде газона или аллеи деревьев; **lane** – дорога с односторонним движением; **cross-road** – дорога, пересекающаяся с другой.

Таким образом, концепт – схема дорога (шоссе, автострада) в сознании носителей английского языка является более репрезентативный, чем в головах тех, кто говорит по-русски.

Разница в схемах находит своё объяснение в чисто психологических, исторически-преходящих моментах. См., например:

1) – *Вон товарищ Сталин!*

– *Где, где?*

– *С Калининым говорит!*

– *Вожди – и маленького роста.*

– *Маленькие, они более устойчивые...*

(Ф. Искандер. *Пирсы Валтасара*).

2) – *Говорят, он (Сталин) небольшого роста.*

– *Как и мы с тобой.*

– *А на трибуне кажется высоким.*

– *Да.*

(А. Рыбаков. *Дети Арбата*)

Представления о высоком росте руководителей государства в эпоху тоталитарного режима складывались в сознании наших соотечественников в результате создания культа их личностей, а также под впечатлением огромных памятников, воздвигавшихся в честь вождей и монументальных полотнищ, на которых они изображались: вождь обязательно представлялся великим, высоким, большим.

Англичане и американцы, свободные от идеологического прессинга, не гипертрофировали признаки, характерные даже для выдающихся людей своего времени.

«Фреймы» и «сценарии» также имеют национально-культурную специфику.

Достаточно сослаться на «Английские письма» известной писательницы М. Шагинян, чтобы увидеть, как по-разному концептуализируется **улица** (в населённых пунктах: два ряда домов и пространство между ними) людьми, для которых родными языками являются русский и английский язык, соответственно.

Свой национальный колорит имеют *сценарии* русских и английских свадеб, в свою очередь, отличающиеся от индийского стандарта: в далёком штате Андхра Прадеш свадебный вечер сопровождается осыпанием жениха и невесты лепестками благоуханных цветов; мать невесты оmyвает ноги

жениха; свадьба, как правило, не сопровождается употреблением алкогольных напитков и т.п.

Своеобразным «сценарным» содержанием наполняются словарные репрезентации лексем английского языка, называющих формы массового протеста граждан (забастовки, демонстрации), с помощью которых они выражают своё несогласие с чем-то : **work-in** (букв. *работаем в*) - имеется в виду **в** помещении цеха, завода, иначе - забастовка наоборот (при закрытии предприятия рабочие остаются на своих местах и продолжают работать); **sit-in** (букв. *сидим в (помещении)*) – тип студенческой забастовки: выражается в бойкоте лекций, занятии учебных аудиторий; **sleep-in** (букв. *спим в*) – забастовка, в ходе которой рабочие не покидают заводы в ночное время; форма протеста школьников и родителей, оккупирующих на ночь школьные помещения; **die-in** (букв. *умираем в* - по-русски правильнее сказать - **на** (улице) – форма протеста против новых видов оружия: люди ложатся на тротуары, изображая жертвы возможного использования нейтронной бомбы; **live-in** (букв. *живём внутри*) – демонстративное проживание в палатках или самодельных бомбоубежищах; **sing-in** (букв. *поём в*) – демонстрация протеста, сопровождаемая пением песен.

Если вернуться к характерным особенностям концептов, которые выстраиваются в головах разных людей одной национальной общности, то нельзя не увидеть повторяемость одних и тех же принципов в объективации концепта того или иного типа на уровне национальных концептосфер. В обоих случаях отмечаются факты конверсий мыслительных картинок в схемы, происходящие либо по причине избирательности знаний, свойственных разным людям, либо из-за особой важности определённого предмета или явления в жизни носителей одного языка на фоне обратного в бытовании носителей другого.

То же самое явление можно констатировать, обращаясь к непосредственно к концептам – схемам: в сознании отдельно взятого человека или в коллективном сознании людей, говорящих на разных языках, набор гипонимических составляющих, подводимых под один гипероним, способен во много раз превосходить такой же набор в указанных выше реализациях.

На уровне фреймов и сценариев содержание ментальных репрезентаций в значительной степени определяется когнитивными потенциями и интересами конкретной личности или культурными особенностями социума, психологическим складом людей, условиями их бытования и национальными традициями. Особенности семантики слова отражают доминируемый им концепт.

Практика доказывает правомерность и плодотворность этого подхода.

5. Способы объективации лексических концептов

Концепт – это ментальное образование, скрытое от непосредственного наблюдения. Каким же образом концепт перестает быть «вещью в себе», какова методика выявления этого мыслительного конструкта и его видовых ветвлений?

Ответ – через семантику языковых средств. Существуют традиционные методики лингвистического анализа концептов, концепт может быть также определен с помощью психолингвистического эксперимента.

Мы подходим к проблеме выявления концептов с семантико-когнитивных позиций и ставим перед собой задачу обозначить способы выявления концептов разных типов, хотя ниже и последует ссылка на чрезвычайно простой, но – хочется верить – показательный эксперимент.

Итак, для того, чтобы концепт стал объектом лингвистического исследования, он должен быть «оязыковлен», то есть «схвачен» языковым знаком. Не менее важным представляется определение характера информации, подводимой под этот знак. Именно последний фактор будет определяющим в процессе выявления концептов, не совпадающих по своей «фактуре».

Эту информацию, несомую значением слова («битами» его сем), нельзя полностью приравнять к содержанию концепта (значение является частью концепта), но и значение, и концепт, стоящий за словом, представляют собой когнитивные сущности. Семема своими семемами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт.

Еще раз остановимся на технике выявления типов концептов, изложенной в книге «Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка» в лексико-семантической системе языка (Бабушкин 1996).

Признавая отношение инверсии, существующее между словом и его лексикографическим толкованием (идеальное в слове декодируется в его определении, «упаковано» в нем), можно с уверенностью сказать, что по дефинициям лексем, представляемым толковыми словарями, можно судить о характере концептов, их своеобразии и – следовательно – дифференцировать их по типам.

1. Ниже представлен пример мыслительной картинки:

Петух – самец курицы с мясистым красным гребнем на голове, со шпорами на ногах, имеющий способность время от времени производить однообразные короткие выкрики, отдаленно похожие на пение.

2. Концепт-схема выявляется в дефиниции такой лексемы, как столб:

Столб – вертикально поставленное и укрепленное (вкопанное) бревно, толстый брус.

3. Фрейм – представляемый в целостности его составных частей – многокомпонентный концепт:

Двор – отгороженный (от соседей) участок земли вместе с домом и другими постройками или прилегающий к дому.

4. Семь движения, динамики развития ответственны за формирование концепта-сценария:

Эстафета – род спортивного соревнования команд в беге, плавании и т.п., когда в начале каждого нового отрезка дистанции победитель передает условный предмет спортсмену своей команды.

(В скобках заметим, что термины «схема», «фрейм» и «сценарий», служат для выражения специфического содержания семем, хотя они и сориентированы на одноименные формы организации памяти в голове человека).

Конечно, для более объективного выявления концептуальной сущности слова необходимы данные не одного, а нескольких дополняющих друг друга словарей. Вполне понятно, что люди не сверяют значения слов по лексикографическим источникам, но резонно заметить, что и не все они ставят перед собой цель определить тип того или иного концепта.

Особое место в типологии концептов занимают когнитивные структуры, которые мы называем «калейдоскопическими концептами». Как уже отмечалось, калейдоскопические концепты вербализуются в выразительных изречениях известных мыслителей прошлого.

Понятия (приближенные к их традиционной интерпретации) - это логически-конструируемые концепты, содержание которых равно смыслу лексикографических толкований тех или иных слов. Например, *«Право» - совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей, а также наука, изучающая эти нормы.*

С платформы вышесказанного перейдем к дальнейшим размышлениям о типах концептов и способах их объективации.

Выявление типов концептов по словарным определениям не является единственным доступным методом. В голове человека формируются концепты, когда он встречается подробное описание той или иной реалии в художественной литературе. Возьмем, например, лексему «волк» и проследим ее толкование по нескольким словарям:

- 1) Волк – хищное животное семейства псовых (Ожегов, Шведова 1996).
- 2) Волк – хищное животное, родственное собаке (Черных 1994).
- 3) Волк – дикое хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски (ССРЛЯ 1948-1964).

Попытка выявить по трем словарям концепт-картинку «волк» не увенчается успехом, лишь в последнем случае находим указание на серую окраску шкуры волка.

Для сравнения см. зарисовку «с натуры», компенсирующую то, что по мнению составителей словарей, должно быть понятно «по умолчанию»:

- 1) *Нас разделяет шагов пятнадцать... Несколько сильных прыжков и волк будет возле меня. Но он стоит неподвижно. Увидев человека, он согнул и приподнял переднюю лапу. Точно так же на охоте, почуя дичь, делает стойку собака <...>.*

В объектив (фотоаппарата) я хорошо вижу два чуть прищуренных коричневых глаза, два небольших твердых уха под скуластой, почти округлой мордой, темной сверху и дымчато-серой снизу. Ни страха, ни злобы в глазах. Темная шерсть на крутом лбу слегка шевелится. Не сомневаюсь, что вижу в кадре мыслящее существо (В. Песков. В гостях и дома).

Другие авторы вносят в описание волка что-то свое, но близкое к уже сказанному:

2) *Иван Тимофеевич оглянулся – и обомлел: два тощих волка, поджав хвосты, прыгнули в сторону. Они остановились и, сонно щуря холодные бессмысленные глаза, трепетно шевеля ноздрями, вытянули морды. Иван Тимофеевич увидел даже седину на нижней челюсти волка (В. Белов. Весна).*

3) *Волки серыми комками податливо катились с горы, наперерез подводам... Впереди отмахивал крупный, грудастый с паленой мордой.*

Ивана поразило сходство волка с овчаркой. Раньше он волков так близко не видел и считал, что это что-то вроде овчарки. Сейчас он понял, что волк – это волк, зверь (В. Шукшин. Волки).

Приведенные здесь описания волка в границах каждого текста формируют самостоятельный блок с четко очерченными границами. Точно также, как в словарном определении образные семы несут дескриптивную информацию о концепте «мыслительной картинке», в рамках приведенных выше текстовых отрывков объективируется набор признаков, реализуемых в плане содержания лексемы «волк», которая выступает в качестве слова-мишени, то есть тематически главной для данного отрывка лексической единицы.

Важно и другое. Если сравнить мыслительную картинку, репрезентированную универбом «*петух*», то следует признать, что набор сем, ответственных за формирование семемы «*петух*» несет в себе констатирующую информацию (которой в принципе владеет любой носитель языка), а признаки, раскрывающие в тексте когнитивный образ лексемы «волк» - познавательную, когнитивно-релевантную информацию, считываемую посредством «*our mind's eye*» («оком нашего разума»).

С другой стороны, даже самое подробное описание объекта, «дикий», скажем, для русского национального сознания не приведет к формированию концепта как когнитивной структуры, способной храниться в долговременной памяти носителя языка: набор мыслительных картинок ограничен картиной мира, сложившейся в сознании национального коллектива и его отдельных членов.

Волк знаком для людей, говорящих по-русски, с самого раннего детства как герой народных сказок. Изображения этого животного встречаются в книгах, волка можно увидеть в зоопарке. Однако визуальные характеристики, присущие этому зверю, будучи описанными мастерами художественного слова, обогащают содержание одноименного концепта и

компенсируют скудость лексикографических дефиниций соответствующей лексемы.

К сказанному следует добавить, что не все концептуальные признаки объекта хранятся в долговременной памяти – фиксируются лишь наиболее существенные. В этой связи уместен пример американского философа Я. Вестерхоффа: в репрезентации нашему сознанию образа тигра не важно точное число полос по его бокам (Westerhoff 2005, p. 605).

Вслед за концептом – мыслительной картинкой, извлекаемой из текста, перейдем к размышлениям о способах выявления концепта-схемы, дополняющих уже известную методику определения модели этого типа.

Схемы включаются в совокупность перечисленных А. Пейвио картиноподобных репрезентаций (КСКТ 1996, с. 157), но особенность схем в этом списке заключается в генерализации и симплификации «картинности».

Каким образом можно наглядно продемонстрировать характер плана содержания слов типа «*дерево*», «*цветы*» или «*птица*», представляющих собой рубрики соответствующих категорий? Как же определить специфику концептов «*дом*» и «*гора*»? На помощь приходит элементарный эксперимент, позволяющий доказать пространственно-графическую природу этих ментальных репрезентаций. Сорока пяти студентам первого курса филологического факультета, составляющим три учебные подгруппы, было предложено в предельно сжатый отрезок времени нарисовать дорогу. Было получено сорок пять изображений дороги в виде двух параллельных, горизонтально расположенных прямых.

Опыт общения с детьми свидетельствует о том, как они рисуют человека – в единстве его головы, туловища, рук и ног. Детское творчество часто сопровождается рифмовкой: «Точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек» (Попова, Стернин 1999 с. 18). «Застывшую» метафору можно увидеть в словах «*птичка*» (или «*галочка*») – знака, которым отмечается что-то важное на полях книги или рукописи.

В связи с термином «метафора» вернемся опять к слову «дорога». Интересно, что в целом ряде поэтических произведений она (внимание!) также сравнивается с полосой или лентой.

- 1) *Тоскуя – полосою длинной,
В туманной утренней росе,
Вверяет эху сон пустынный
Осиротелое шоссе*

(Ф. Глинка)

- 2) *Иду один. Передо мною
Дороги пыльной полоса
<...> И также лентою широкой
Дорога длинная лежит*

(И. Никитин)

- 3) *Вьется лента дорог*

Серпантином вчераших надежд...

(А. Булатова)

Интуитивно возникает предположение, что за словом «полоса» мыслится прямая дорога, а за «лентой» - извилистая.

«Схему» в голове человека нельзя понимать натуралистически. Просто она «угадывается» в словах «гора», «пропасть», «река», «дерево», «дорога», поэтому стоящие за этими словами реалии легче представить как схему, а не как картинку.

Признаки концепта-фрейма также вербализуются в отрывках из художественных произведений. Составители словарей надеются на предварительные знания пользователей, когда толкуют, например, значение слова «базар», и мы мысленно соглашаемся с писателями, которые предлагают нам свое (развернутое) видение этого места торговли, узнаем образные картины, хранящиеся в нашей памяти:

1) *Базар был буен, пахуч, ряды конкурировали свежей рыбой, мандаринами и цветами (А. Веллер. А вот те шиш).*

2) *Да... базары моего детства... И самый главный, легендарный и грандиозный – Алтайский! <...>*

Издаেকে душно благоухали прессованные кубы из желтых сушеных дынь...

Россыпью полудрагоценных камней сверкали ряды сухофруктов: черный, янтарный, красноватый изюм, тусклое золото урючин, антрацитовые слитки чернослива...

А оранжево-глянцевые кулаки первой хурмы, а горы багровых, с маленькой сухой короной, гранатов, и один обязательно расколот на погляд: из-под молочной пленки капельками крови выглядывают плотно притертые друг к другу зерна ... А бледно-желтые плешивые, с островками замиш на каменных боках, плоды айвы! А тяжелые влажные кирпичи халвы – золотистой кунжутной, охристой маковой, урючной ... да и Бог еще знает какой!

(Д. Рубина. На солнечной стороне улицы)

Разница между мыслительной картинкой и фреймом в текстовых репрезентациях заключается в том, что в первом случае «око разума» (*mind's eye*) направлено на один объект, а во втором случае – на их множество, заключенное в единую «голографическую картинку».

По фрагменту художественного текста выявляется и концепт-сценарий. Этот тип концепта убедительно раскрывает известный фрагмент из романа М. Шолохова «Тихий Дон», описывающий драку между казаками.

«Через высокий плетень Григорий махнул птицей. С разбегу сзади хлопотынул Степана. Тот качнулся и, обернувшись, пошел на Гришку медведем.

Братья Мелеховы дрались отчаянно. Клевали Степана, как стервятники пададь. Несколько раз Гришка катился наземь, сбитый Степановой кулачной свинчаткой. Жидковат был против заматеревшего

Степана. Но низенький вьюн Петро гнулся под ударами, как камыш под ветром, а на ногах стоял твердо.

Степан, сверкая одним глазом (другой затек опухолью цвета недоспелой сливы) отступал к крыльцу.

Разнял их Христоня, пришедший к Петру за уздечкой.

- Разойдись! – махал он клешнятыми руками. – Разойдись, а то к атаману!»

Свой вариант сценария драки дает М.Зощенко в рассказе «Нервные люди». Драка в коммунальной квартире вырастает из ссоры на кухне – Марья Васильевна Щипцова взяла чужой ежик, которым моют бутылки:

«Все жильцы, конечно, поднаперли на кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

- Что это, говорит, - за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началась.

А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Кругом кастрюли и примуса. <...> А инвалид, чертова перечница, несмотря на это в самую гущу вперся. Иван Степанович, чей ежик, кричит ему:

- Уходи, Гаврилыч, от греха! <...> Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлей по голове.

Инвалид – брык на пол и лежит. Скучает.

Тут какой-то паразит за милицией кинулся.

Является мильтон. Кричит:

- Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался. Бросился по своим комнатам».

Два эпизода, один – трагический, другой – грубовато-комический, структурно повторяют друг друга. В них есть завязка событий, динамика их развития, апогей и следующая за ним кульминация; между участниками действия распределяются роли, как это положено в любом сценарии.

Впрочем, рубрика сценария (в данном случае – «Драка») не обязательно должна быть представлена универбом. Классическими примерами сценария являются сценарии «*Поход в театр*» или «*Посещение ресторана*», когда некая целостность ситуации обозначается не однословно. В этой связи, завершая разговор о концептах-ситуациях, рассмотрим когнитивную модель, обозначенную сочетанием слов «*Встреча Нового года*».

См. нижеследующую иллюстрацию, которая возвращает нас в недавнее прошлое и одновременно сохраняет череду эпизодов, перманентно удерживаемых в сознании носителя русского языка:

Старый год проводили чинно – вытили шампанского.

- А телевизор? Телевизор-то включить! – возволновалась Фаина Ивановна и поискала глазами телевизор. Телевизора не было.

- Как это? В наше время и без телевизора! – изумилась Фаина Ивановна.

Пришлось ей обойтись без Брежнева, без «Голубого огонька», без «Карнавальной ночи». В двенадцать бомкнули бабушкины настенные часы, - чокнулись. Пошла в ход большая Фаинина еда.

(Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик)

Сочетание слов «Встреча Нового года» репрезентирует атмосферу праздничного застолья, события состоящего из ряда стереотипных действий. Отсутствие одного из них (здесь – невозможность посмотреть программу новогодних телепередач) воспринимается как непорядок, как сбой в надлежащей церемонии.

Проверка устойчивости данного концепта-сценария происходит в процессе интроспекции, когда в памяти активизируются знания, основанные на личном опыте каждого.

Перейдем к анализу способа объективации калейдоскопических концептов на материале абстрактных существительных. Авторы коллективной монографии «Логический анализ языка. Языки этики» (2008) отмечают особую сложность определения когнитивной сущности этических номинаций. В работах А.Д. Кошелева, Л.Г. Пановой, В.О. Максимова, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, А. Зализняк и других ученых изучаются языковые выражения таких концептов, как «долг», «добро», «стыд», «совесть», «позор» и им подобных мыслительных формул.

Показано, что чаще всего смысл лексем типа «добро» и «зло» раскрывается в многочисленных контекстах их употреблений. Однако рациональное содержание этических концептов можно также познать с помощью когнитивных метафор. Метафора понимается как средство видения одного объекта через другой. «Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта)», - пишет Л.Г. Лузина, - «В процессе познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнем, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т.д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» (КСКТ 1996, с. 55).

Прекрасно описанный Л.Г. Лузиной механизм образования когнитивных метафор годится и для анализа слов абстрактной семантики. Но они бывают порой настолько сложными и многогранными, что для анализа необходима не одна, а целый ряд метафор для того, чтобы проявилась какая-то новая грань одного и того же «трудного» слова – в этом и заключается суть «калейдоскопичности» его плана содержания.

Мы уже говорили о важности афоризмов и сентенций, представляющих значение интересующих нас лексических единиц. Вот как в них, по-разному, в виде чередующихся образов репрезентируется концепт «время»: «Время – корабль, никогда не бросающий якоря» (мыслительная картинка); «Время – это ткань, из которой сделана жизнь» (схема); «Время неподвижно как берег» (фрейм); «Время скребет, роет нас, как землекоп почву, и обозначает нашу геологию» (сценарий).

«Вернисаж» образов, заданных темой «время», формирует семантическое поле, позволяющее взглянуть на концепт «время» как бы в калейдоскоп, глубже проникая в его содержание, хотя и не раскрывая это содержание полностью.

Подведем итоги сказанному. Нельзя объявить какую-то одну методiku достоверной и единственной в выявлении типов концептов и их описании. Их природу способен вскрыть психолингвистический эксперимент; тип концепта определяется по словарному толкованию лексической единицы; ту или иную когнитивную структуру может объективировать фрагмент художественного текста; содержание концепта репрезентируется набором метафор.

Следует заметить, что каждый из перечисленных здесь способов имеет свои сложности: эксперимент требует подготовки, особой организации, а иногда и специального оборудования; обращение к словарным дефинициям порой не приносит успеха, так как изложенная в них информация оказывается недостаточной для когнитивного анализа; выявление типа концепта по фрагменту художественного произведения утомительно тем, что этот процесс сопровождается излишне детализированными личными впечатлениями писателя; метафоры требуют усилий по переводу «эмоционального» в «рациональное» и для полного познания концепта их число должно быть невообразимо большим.

Тем не менее, описанные нами методы в их совокупности позволяют выявить природу концепта и дают возможность продемонстрировать «схваченные» языковыми знаками по-разному организованные образные составляющие концептуальных единиц и их отражение в семантике номинирующих их слов.

5. Язык в роли фиксатора уровня знаний

Репрезентация незнания в тексте

Знание – фундаментальное понятие когнитивной науки – охватывает широкий спектр представлений, относящихся к итогам познавательной деятельности человека и результатам его предметного опыта (Кубрякова, Демьянков и др. 1996, с. 28-29). Знания подразделяются на языковые и неязыковые (невербальные, экстралингвистические), житейские и научные, в которых, в свою очередь, выделяются эмпирические и теоретические.

Знание противопоставляют незнанию, однако нам неизвестны попытки каким-то образом классифицировать «незнание». Обращение к языковому материалу позволяет выявить, по крайней мере, шесть разновидностей незнания. Рассмотрим каждый из этих шести видов незнания и в устной речи говорящих, и в их авторских «пересказах», зафиксированных в литературных источниках.

Незнание как проявление детской наивности

Слово «наивность» определяется как простодушие, неопытность, которые свойственны ребенку.

Вот, например, как велика непосвященность младших дошкольников в области анатомии и физиологии, – пишет К.И. Чуковский. – Голый мальчик стоит перед зеркалом и говорит, размышляя:

– Глаза, чтобы смотреть... Уши, чтобы слышать... Рот, чтобы говорить... А пуп зачем? Должно быть для красоты.

Прокомментируем курьезную «догадку» малыша словами автора книги «От двух до пяти»: *Всякому, кто высказывает какую-нибудь вздорную мысль, мы нередко говорим с возмущением:*

– У тебя детская логика! Ты рассуждаешь, как маленький ребенок.

Многим это кажется вполне справедливым: ведь и вправду очень часто приходится слышать от малых ребят самые нелепые суждения и домыслы.

Но стоит только вдуматься в эти «нелепости» и мы будем вынуждены раз и навсегда отказаться от такого скороспелого мнения о них: мы поймем, что в этих нелепостях проявляется жгучая потребность малолетнего разума во что бы то ни стало осмыслить окружающий мир и установить между отдельными явлениями жизни те прочные связи, наличие которых ребенок стремится подметить с самого раннего детства (Чуковский 1957, с. 99). См., например, следующие детские «дефиниции»: страус – это жираф, только птица она; индюк – это утка с бантиком.

Бесспорно и то, что в процессе взросления дети приобретают широкий диапазон знаний обо всем, что их окружает, о чем свидетельствует специальный термин «когнитивное развитие» (cognitive development) (The Blackwell Dictionary 1994, с. 51).

Не столь оптимистичный взгляд приходится констатировать при переходе ко второму пункту рассматриваемого явления.

«Академическое» невежество

Разговор об «академическом» невежестве начнем с известного фрагмента из комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», в котором Правдин «экзаменует» Митрофанушку по грамматике.

Митрофанушка – великовозрастный неуч, имя которого стало нарицательным (однако, и фамилия у него «говорящая» – Простаков). Каждый, знакомый с этим произведением, помнит, что Митрофанушка относит *дверь* к разряду прилагательных на том основании, что *она приложена к своему месту*, а *дверь*, которая еще не навешена – к существительным, на что другой герой комедии, также с «говорящей» фамилией («от обратного») – Стародум – замечает: *Так поэтому у тебя слово дурак прилагательное, потому что оно прилагается к глупому человеку*. – *И ведомо*, – вторит ему Митрофанушка.

Еще одно проверочное испытание (на этот раз по географии) описано мастером юмористического рассказа А.П. Чеховым. Почтальону Фендрикову так хочется получить «первый классный чин»! Звучит вопрос:

– Э... Скажите мне, какое правление в Турции?

– Известно какое... Турецкое.

– Гм! Турецкое... Это понятие растяжимое... Там правление конституционное. А какие вы знаете притоки Ганга?

– Я географию Смирнова учил и, извините, не отчетливо (А.П. Чехов Экзамен на чин).

К этому пункту нашей типологии отнесем и случай «невывученных уроков» (уже в эпоху новейшего времени):

Как это ни удивительно, первым он (учитель истории) вызвал Сережу и поставил ему двойку, потому что Сережа переселил кривичей с верховьев Днепра на Оку, древлян с Припяти на Десну, а полян передвинул к дулебам (В. Киселев. Девочка и птицелет), где кривичи, древляне и дулебы – славянские племена.

Описанный вид незнания назван нами «академическим», поскольку он является индексом нерадивого отношения к учению как целенаправленному процессу обогащения знаниями.

Во всех трех случаях экзаменаторы хотят услышать ответ, соответствующий их собственному знанию предмета, однако их надежды тщетны. Незнание могло бы превратиться в знание, но потенциально возможный сдвиг остался нереализованным.

«Пробелы» в выявлении видовых отличий в родо-видовых отношениях

Разберем случай, когда при знании родового имени в словаре носителей языка отсутствует имя видового члена той или иной категории.

Проблема родо-видовых отличий в предметах и явлениях окружающей действительности стояла перед мыслителями еще со времен античности. С позиций классической логики, род является характеристикой ряда предметов, имеющих общие существенные свойства, причем несущественные свойства могут различаться. В свою очередь, вид – это понятие, называющее предметы и явления с одинаковыми признаками, которые входят в более общее для них понятие, в качестве которого и выступает род (Краткая философская энциклопедия 1994, с. 366-396).

Например, *цветок* – родовое понятие, а *роза*, *ромашка*, *василек* – его видовые ветвления. Родо-видовая дифференциация, безусловно, находит свое отражение в языке.

Известно, что в «ранних» цивилизациях («ранних» не по времени возникновения, а по уровню материальной и духовной культуры) у людей имеется, по словам К. Леви-Стросса, «обостренное наблюдательское чутье» к объектам окружающей действительности в их видовом многообразии. По свидетельству ученого-антрополога, есть племена, члены которого знают и различают 15 видов летучих мышей. Почти все мужчины племени способны перечислить специфические и описательные наименования не менее чем 50 растений, 75 птиц, различных видов змей и насекомых, среди которых – 20 видов муравьев. Даже дети способны отождествить вид дерева по мельчайшему фрагменту его древесины, коры и исходящего от него запаха. Туземцы знакомы с множеством видов ракушек и рыб по их повадкам и даже половым признакам. Вместе с тем, К. Леви-Стросс подчеркивает, что разветвленная система видовых понятий отнюдь не указывает на отсутствие в мышлении аборигенов общих идей. Слова *дуб*, *бук*, *береза* и т.д. суть не менее абстрактные выражения, чем слово *дерево*, пишет он (Леви-Стросс 1994, с. 116).

На современном этапе развития цивилизации наблюдается, скорее, обратный процесс. Знания в той или иной сфере могут быть настолько дифференцированными, что люди, владея информацией о роде того или иного предмета или явления, имеют «пробелы» в различении их видовых репрезентаций.

Объем знаний, накопленных на сегодняшний день, настолько велик, что человек не способен охватить всю их совокупность в целом. Именно поэтому А.А. Потебня в свое время сформулировал постулат о «ближайшем» и «дальнейшем» значениях слова, С.Д. Кацнельсон говорил о «формальном» и «содержательном» понятиях, а Х. Путнам – о разделении «лингвистического труда»: специалист в конкретной области знаний владеет обширной информацией, но она, отнюдь, не является релевантной для другого человека, интересы которого не фокусируются в данной предметной сфере (Кацнельсон 1965, с. 71).

Так, рассматривая на американской земле знакомые цветы на фоне совершенно «чужих», знаток русской природы, журналист В. Песков замечал: *И у себя дома далеко не всякую зелень знаешь в лицо* (В.М. Песков. Земля за океаном).

Х. Путнам признавался, что он не может отличить *бук* от *вяза* (Putnam 1989, p. 46).

Размышляя над такими лексемами как *ванты*, *рея*, *гафель*, *бизань*, носитель русского, незнакомый с устройством парусного судна, в лучшем случае, отнесет эти номинации к морскому делу. Он не сможет отличить *кориуна* от *ястреба*, хотя и понимает, что *кориун* и *ястреб* птицы (Чикобава 1967, с. 24).

В том же ключе:

Над головами носились и попискивали птицы – но не чайки, а какие-то сухопутные, черные. Вера считала, что это стрижи, а Вася утверждал, что чибисы (А.В. и С.В. Литвиновы. Осколки великой мечты).

Перед нами случаи, когда словарные дефиниции, и те не помогают в различении вида, потому что в сознании носителя языка отсутствуют соответствующие «картинки»:

а) *стриж* – *небольшая птица отряда длиннокрылых;*

б) *чибис* – *небольшая птица, родственная кулику* (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка).

Составители Толкового словаря не сочли нужным детализировать дескрипцию, очевидно, учтя ее специальную орнитологическую специфику. А между тем, практически каждый из нас, выходец из прошлого века, знает или хотя бы слышал «Песню юных натуралистов»:

У дороги чибис, у дороги чибис,

Он кричит, волнуется чудак.

– Ах, скажите, чьи вы? Ах, скажите, чьи вы?

И зачем, зачем идете вы сюда?

Зная слово, мы не видим за ним объективируемый им образ. Однако указанный «пробел» в знаниях вполне естественен, и выражение *ходячая энциклопедия* явно гипертрофированно.

Ошибочное понимание «чужого» слова

Эта позиция нашего перечня «незнаний» широко известна. Речь идет о попытке употребить слово иностранного происхождения (при полном непонимании его значения) или по-своему интерпретировать такое слово (Бабушкин 2002, с. 393-398).

В литературе зафиксировано много подобных казусов, как то: на сетование солдата Чонкина на отсутствие сухого пойка: *Я что же, выходит, должен жить за счет бабы?*, его «начитанный» собеседник подтверждает:

– Да, это не хорошо. Ты теперь называешься альфонс.

– Ну это ты брось, – не соглашается Чонкин. – Ты... жену свою, как хошь называй, хоть горшком, а меня зови по-прежнему, Ваня (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Незнакомое слово, обращенное к малограмотному Чонкину, звучит, если не оскорбительно, то весьма неуважительно.

Описан и такой случай, когда человек «играет» на плохом знании языка своего *визави*, чтобы извлечь из разговора определенную выгоду.

Вспомним, как Петруша Гринев хотел «удачно» прокомментировать выдержку из письма отца в момент, когда генерал Андрей Карлович Р. зачитывал послание от своего старого друга:

– Теперь о деле... К вам моего повесу... Гм... «держат в ежовых рукавицах»... Что такое ешовых рукавиц? Это, должно быть, русска поговорк... Что такое «дершать в ешовых рукавицах»?

– *Это значит,* – отвечал (Гринев) с видом как можно более невинным, – *обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держать в ежовых рукавицах.*

– *Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... Нет, видно «ешовы рукавицы» значит не то* (Пушкин А.С. Капитанская дочка).

Чаще всего «чужими» оказываются слова и выражения, заимствованные родным языком, но не заимствованные из языка его конкретным носителем.

Незнание как «культурные провал»

Любопытным представляется вариант «культурного диссонанса». Имеется в виду факт столкновения знания с незнанием, когда, например, выясняется, что тот или иной прецедентный текст, хорошо известный одному человеку, остается совершенно непонятным для другого, культурно ограниченного лица, в результате чего возникает юмористический эффект.

Отмеченное явление прекрасно иллюстрируется в нижеследующих примерах.

1) *Я вытатила еще 100 рублей. – Расскажи про жиличку. Припомнишь чего, сразу полтыщи получишь... Я помахала* (перед носом Сони) *купюрой.*

– *Дай проверю, может фальшивая, – жадно попросила Соня.*

– *Э, дорогая, не надо считать всех глупее себя, – засмеялась я. – Сначала стулья, потом деньги.*

– *Какие стулья? – не поняла Соня, скорее всего, не прочитавшая за всю жизнь ни одной книги* (Д. Донцова. Бенефис Мартовской кошки).

Если человек «за всю жизнь» не прочел ни одной книги, то вполне понятно, что и широко известный авантюрный роман И. Ильфа и Е. Петрова прошел мимо него.

2) *Тамара Павловна немного насторожилась, когда зять, укладывая ее в постель, понес чушь. Подсовывая под голову тещи комкастую подушку, Вадя бормотал:*

– *Аннушка масло уже пролила.*

– *Кто? – забеспокоилась капельдинерша (Тамара Павловна). – Какое масло?*

– *Ерунда, – усмехнулся Вадя, – спите спокойно* (Д. Донцова. Там же).

Наоборот, было бы удивительно, если бы недалекая Тамара Павловна (и одновременно – далекая от шедевров русской литературы) знала бы булгаковскую историю *про Аннушку и масло*, как говорится, «наизусть».

Когнитивная деятельность человека связана с формированием информации, с тем, что индивид знает, предполагает, думает или воображает об объектах действительного мира или «возможных миров» (Кубрякова, Демьянков 1996, с. 52).

В сознании непросвещенного человека содержание «возможного мира», созданного пером писателя, действительно превращается в некую заумь, чушь, поскольку говорящий и слушающий находятся в координатах «разных миров» по уровню их интеллектуального и культурного развития.

Встречаясь с аналогичными примерами, не испытываешь особого оптимизма насчет того, что существующий культурный диссонанс может быть когда-то успешно устранен.

«Воинствующая» профанация

Последний обсуждаемый вид незнания соотносится с понятием «профанация», под которым имеем в виду искажение чего-нибудь невежественным образом, в то время, как определение «воинствующая» свидетельствует о том, что профан (человек, совершенно не сведующий в какой-то сфере) видит в своем подходе к делу знак своей «большой учености».

В гротескных красках В. Войнович описывает опыты селекционера-самоучки Кузмы Матвеевича Гладышева, «автора многочисленных идей» и «обладателя различных сведений из различных областей»: *Но помимо всех этих попутных идей была у Гладышева еще и такая, которой решил он посвятить всю свою жизнь и посредством ее обессмертить свое имя в науке, а именно: вдохновленный прогрессивным учением Мичурина и Лысенко, надумал он создать гибрид картофеля с помидором, т.е. такое растение, у которого снизу росли бы клубни картофеля, а наверху одновременно вызревали бы помидоры. Гладышев... намерен был распространить свои опыты на всю территорию родного колхоза, но ему это не позволили, пришлось ограничиться пределами собственного огорода.*

Горе-селекционер искренне верит в свою «научную утопию».

– *Да ты сам посмотри*, – обращается он к любопытствующему соседу, – *стебель получается вроде картофельный, а на листе нарезь.*

А на вопрос, может ли так получиться, чтобы помидоры были внизу, а картошка наверху, он «с высоты» своих «познаний» снисходительно отвечает:

– *Это противоречило бы законам природы, потому что картофель есть часть корневой системы, а томаты – наружный плод* (В. Войнович. Указ. соч.).

Перед нами художественный вымысел, но приведенный пример сопоставим с реальными случаями ничемных научных «чуждачеств», за которыми стоят факты абсолютного невежества.

Таким образом, мышление человека движется от незнания к знанию, но осуществление этой тенденции зависит от многих человеческих факторов. С точки зрения когнитивных структур, незнание – это «пустой» макрофрейм, открытый для заполнения слотами. Остается только пояснить, почему в художественных произведениях факты незнания

обычно изображаются в комическом плане – ведь в любом проявлении юмора всегда есть когнитивный аспект (The Blackwell Dictionary 1994, с. 172). Незнание представляется в текстах с платформы имплицитного знания с той уверенностью, что это знание автор разделит со своими читателями.

*Решение задач как совокупность когнитивных операций,
зафиксированных в художественном тексте*

Решение задачи (problem solving) — это когнитивный процесс, направленный на трансформацию данной ситуации в ситуацию, предполагающую достижение поставленной цели, когда человек не владеет методикой мгновенного разрешения стоящей перед ним проблемы. Такое определение строится с учетом четырех факторов. Во-первых, решение задачи происходит интериоризированно, в голове человека. Во-вторых, действительно предполагает процесс, так как осуществляется посредством оперирования знаниями. В-третьих, это направленный процесс, он нацелен на успешное решение определенной проблемы. И, наконец, в-четвертых, указанное действие носит личностный характер и зависит от объема знаний, которыми располагает человек (The Blackwell Dictionary 1994, с. 284).

Рассматривая данные выше позиции в ключе когнитивной науки, необходимо помнить еще об одной взаимосвязи: решение - это вид мышления, а мышление, в свою очередь, - тип когниции. В принципе, любая мыслительная деятельность является когнитивно-ориентированной, но решение задач (научных, шахматных или математических) представляет собой совокупность когнитивных операций, для успешного решения которых требуется приложить определенные усилия.

Решение задач включает четыре стадии: репрезентацию, планирование, исполнение и мониторинг.

Репрезентация имеет место, когда человек переводит в ментальную сферу формулировку задачи, ее цель как конечный результат, который необходимо получить, и имеющиеся в наличии средства для достижения этого результата. Планирование предусматривает прослеживание этапов; составляющих данный процесс в целом, и очередность их рассмотрения. Исполнение осуществляется, когда план реализуется через серию необходимых действий. Мониторинг включает в себя анализ прогресса и его оценку.

Необходимым условием решения задач является знание языка (The Blackwell Dictionary 1994, с. 288).

Язык выступает в качестве одного из инструментов познания; он помогает обобщить знания, полученные не только в результате предметной деятельности человека; но и в итоге ментальных операций, т. е. размышлений, умозаключений и логических выводов (Болдырев 2000, с. 27).

Из множества проблем, с которыми имеет дело человеческий разум, остановимся на решении математических задач. Известны случаи их описания в произведениях художественной литературы (главным образом, детской литературы). С лингвистической точки зрения, вызывает интерес вербализация мыслительных процессов, задействованных в этих актах, а также фиксация языковыми средствами допускаемых в них ошибок.

Анализу мыслительной деятельности в ходе решения задач, материализованной в тексте (т. е. иначе скрытых от непосредственного наблюдения) и посвящен настоящий раздел.

Математическую задачу можно считать микротекстом, организация которого ведет к другой когнитивной проблеме — проблеме корреляции фигуры и фона.

Фигура и фон — это термины, относящиеся к гештальтпсихологии, которая в равной мере используется в когнитивной лингвистике. Они обозначают когнитивную и психическую структуры, характеризующие восприятие действительности и ее интерпретацию человеком (Кубрякова 1997, с. 185-186). В нашем случае действительность — это реальность особого рода — «как бы» реальность (Шмелев 1995, с. 115-116), поскольку она предполагает совокупность обстоятельств, искусственно создаваемых в учебных целях (*dummy situation*).

Обязательность различения фигуры и фона позволяет распознавать некоторые части текста как более заметные, значимые, релевантные, т. е. выступающие как фигура по отношению к своей основе — всему основному тексту (Кубрякова 1997, с. 185-186).

В условии задачи параметры фигуры концентрируются в номинациях исходных действий, вводящих условие, и в конкретных числовых данных, а дополнительная информация, касающаяся всевозможных деталей описываемой ситуации и иных обстоятельств, оказывается фоновой.

Лишь ребенок «от двух до пяти» не умеет отделить фигуру от фона. Со ссылкой на журнал «Вопросы психологии» исследователь детской речи К. И. Чуковский писал:

«Ребенку говорят: «Мама съела 4 конфеты, а сыну своему дала 2. Сколько они съели вместе?» Малыш не решает этой задачи, так как его волнует описанная в ней несправедливость. Он говорит:

- А почему она Мише так мало дала? Нужно, чтобы было поровну!

Воспринимая текст задачи, ребенок, прежде всего, видит в нем описание некоторых реальных событий, к которым собственно числовые данные имеют вспомогательное значение» (Чуковский 1957, с. 171).

Тезис о том, что «антураж» условия задачи не влияет на то, что в психологии известно под термином «фигура», подтверждают три нижеследующих примера, взятые из произведений художественной литературы, которые были написаны в разные исторические эпохи:

«Купец купил 138 аршин черного и синего сукна за 540 рублей. Спрашивается, сколько аршин купил он того и другого, если синее стоило 5 рублей за аршин, а черное - 3 рубля» (Чехов А. П. Репетитор).

«Из двух городов выезжают по одному направлению два путешественника, первый позади второго. Проехав число дней, равное сумме чисел верст, проезжаемых ими в день, они съезжаются и узнают, что второй проехал пятьсот двадцать пять верст. Расстояние между городами -сто семьдесят пять верст. Сколько верст в день проезжает каждый?» (Кассиль Л. А. Кондуит и Швамбрания).

«Русаков-отец спросил:

- Если обыкновенные мастера в смену выполняют сто процентов задания, скажем, пять пар обуви, то сколько пар обуви сделают стахановцы, выполняющие двести пятьдесят процентов задания?

- Это вопрос из арифметики, - смутился Трубачев.

- Это вопрос из жизни, - ответил Русаков-отец» (Осеева В. А. Васек Трубачев и его товарищи).

Хотя многие представленные здесь факты анахроничны, т. е. воспринимаются как пережитки старины, задачи в их проблемной потенции» аналогичны современным, т. е. их «фоновая» организация не является релевантной. А это значит, что условие задачи выстраивается не только в координатах фигуры и фона. Задача также имеет «поверхностный» (эксплицитный) и «глубинный» (имплицитный) смыслы, причем последний представляется в виде некой схемы, абстрагируемой от «событийности» и конкретики счетной материи.

Не случайно в арифметических задачах населенные пункты, в пределах которых осуществляется движение, не называется напрямую, а обозначаются буквами алфавита: («Из пункта А в пункт Б... «); единой логике подчиняются правила сложения и вычитания карандашей, тетрадей, яблок или любых других предметов. Бывает так, что человек, пытаясь разобраться в условии задач, «схватывает» ее глубинный смысл собственной схемой или графическим рисунком на бумаге.

Рассмотренные положения, касающиеся условий задач, иллюстрируют, как уже отмечалось, первую стадию их решения - этап репрезентации.

Для выявления языковой объективации следующего этапа - планирования - вернемся к формулировке задачи о купце, закупившем 138 аршин черного и синего сукна на сумму 540 рублей, и к главному вопросу: *«Сколько будет закуплено того и другого, если цена синего сукна 5, а черного - 3 рубля?».*

Мыслительные действия, совершаемые учеником и учителем, наряду с реализующими их физическими действиями, представляются писателем следующим образом:

«Петя..., ни слова не говоря, начинает делить 540 на 138.

-Для чего же это вы делите? Постойте! Впрочем, так... продолжайте. Остаток получается? Здесь не может быть остатка. Дайте-ка, я размелю!

Зиберов (учитель) делит, получает 3 с остатком и быстро стирает. Странно... - думает он, ероша волосы и краснея. -Как же она решается?

Гм!.. Это задача на неопределенные уравнения, а вовсе не арифметическая...

Учитель глядит в ответы и видит цифры 75 и 63.

Гм!.. Странно... Сложить цифры 5 и 4, а потом делить цифры 540 на 8? Так, что ли? Нет, не то...» (Чехов А. П. Репетитор).

На первый взгляд, кажется, что этап планирования решения задачи и этап исполнения происходит синхронно, однако, они одновременны только в том случае, если приводят к правильному ответу. Обычно писателя не привлекает корректное решение задач - сюжет интересен, когда процесс идет по заведомо ложному руслу, и его описание может принимать гротескный вид. Когда учитель - отставной сержант Цыфиркин ставит перед Митрофанушкой вопрос, как разделять триста рублей на троих человек, тот производит следующие вычисления: «Единожды три - три. Единожды ноль - ноль» (Фонвизин Д. И. Недоросль).

Тем не менее, другие отрывки, извлеченные из детской литературы, вполне правдоподобны и приближены к «правде жизни».

Вспомним две задачи и варианты их решения, предлагаемые героем книги Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома»:

«В магазине было 8 пил, а топоров в три раза больше. Одной бригаде плотников продали половину топоров и три пилы за 84 рублей. Оставшиеся топоры и пилы продали другой бригаде плотников за 100 рублей. Сколько стоит один топор и одна пила?»

«... Сначала я подумал, что если 12 топоров и 3 пилы стоят 84 рубля, то надо сложить все топоры и пилы вместе и 84 поделить на то, что получилось. Я сложил 12 топоров и 3 пилы, получилось 15. Тогда я стал делить 84 на 15, но у меня не поделилось. Потому что получился остаток. Я понял, что произошла какая-то ошибка, и стал искать другой выход. Другой выход нашелся такой: я сложил 12 топоров и 5 пил, получилось 17, и тогда я стал делить 160 на 17, но у меня опять получился остаток. Тогда я сложил все 24 топора между собой и прибавил к ним 8 пил, а рубли тоже сложил между собой и стал делить рубли на топоры с пилами, но деление все равно не вышло» и т. д.

«Мальчик и девочка рвали в лесу орехи. Они сорвали 120 штук. Девочка сорвала в два раза меньше мальчика. Сколько орехов было у мальчика и девочки?».

«... Вот так задача! - думаю. - Чего тут не понимать? Ясно, 120 надо, поделить пополам, получится 60. Значит, девочка сорвала 60 орехов. Теперь надо узнать, сколько мальчик: 120 отнять 60, тоже будет 60... Только как же это так? Получается, что они сорвали поровну, а в задаче сказано, что девочка сорвала в два раза меньше орехов. Ага! - думаю. - Значит, 60 надо поделить на 2, получится 30. Значит, мальчик сорвал 60, а девочка - 30 орехов. Посмотрел в ответ, а там: мальчик 80, а девочка 40.

- Позвольте! - говорю. - Как же это? У меня получается 30 и 60, а тут 40 и 80.

Стал проверять - всего сорвали 120 орехов. Если мальчик сорвал 60, а девочка 30, то всего получится 90. Значит неправильно! Откуда же в ответе берутся 40 и 80? Прямо заколдованный круг получается» <...> «Если бы тут были какие-нибудь другие цифры, то еще можно было бы что-нибудь придумать» (Носов Н. Н. Витя Малеев в школе и дома).

Просторные выборки из детской книги нужны для того, чтобы подвести зафиксированные в них переборы в решении задач к сложной проблеме модальной логики - реализации так называемых «возможных миров» в сознании носителей языка, на которой позже остановимся более подробно. Вслед за Я. Хинтиккой мы понимаем возможные миры как вероятностные альтернативы в положении дел или как возможные направления в развитии события (Хинтикка 1980, с. 39).

Возможные миры - необязательно предполагают мыслительный переход в сферу чистой фантазии, в некое параллельно существующее пространство. Их объективируют вполне прозаические рассуждения, например, о вероятности различных возможностей относительно завтрашней погоды. «Каждый, кто когда-либо обдумывал, что он воспринимает или не воспринимает в данной ситуации, тем самым, не явно классифицировал возможные положения дел», - пишет Я. Хинтикка (Там же).

Дж. Серль и Д. Вандервекен отмечают, что «множество всех возможных миров содержит выделенный элемент W_0 , который является действительным миром» (Серль, Вандервекен 1996, с. 244).

Наш язык призван отражать этот действительный, реальный мир, но одновременно с ним в семантическом пространстве языка существуют миры, не являющиеся копиями того, что бытует в действительном мире.

В интересующем нас аспекте реальному (хотя, и условно реальному) миру будет соответствовать совокупность мыслительных операций, спланированных так, что выполнение этих операций приведет к единственно правильному решению. Все остальные миры, формируемые в голове человека, занятого решением задачи, - заблуждения, но они существуют в сознании индивида также в статусе возможных до тех пор, пока человек не убеждается в допущенной ошибке. Возможные миры, построенные на заблуждениях, аннигилируются при нахождении верного способа решения задачи.

Завершая апелляцию к возможным мирам, необходимо еще раз подчеркнуть, что их возникновение соответствует этапу планирования в процессе решения задачи.

Когда человек находит правильный способ решения задачи, наступает этап фактического исполнения этого решения. В той же повести «Витя Малеев в школе и дома» читаем:

«И вдруг у меня в голове, будто молния, блеснула мысль: «Все 120 орехов надо делить на три части! Девочка возьмет себе одну часть, а две части останутся мальчику, вот и будет у него вдвое больше!» Я быстро поделил

120 на 3, получилось 40 орехов, а у мальчика две части. Значит, 40 помножить на 2, будет 80! Точно как в ответе».

Мониторинг - последний заключительный этап связан с ретроспективным обзором всех предпринятых попыток реализовать проблемную ситуацию, выбраковкой неверных способов ее решения и оценкой полученного единственно правильного результата. Этап мониторинга может сопровождаться словами, выражающими радость и удовлетворение («Эврика!») - по преданию воскликнул древнегреческий математик и механик Архимед, открыв основной закон гидростатики), реализоваться в иных речевых актах.

Таким образом, решение задачи предусматривает единство четырех совершаемых в уме действий: репрезентации, планирования, исполнения и мониторинга. Наиболее ответственной из них безусловно является стадия планирования, поскольку здесь возможны выборы ошибочных приемов для достижения намеченной цели. Например, «деление с остатком» - один из них. То, что разные авторы фиксируют один и тот же ход мысли, ведущий к непредусмотренному «делению с остатком» свидетельствует о типичной ошибке, имеющей место уже не в условно действительном, а фактически реальном мире, в котором возникают ситуации, сходные с описанными.

Рассуждая над вариантами решения задачи, человек, сам того не осознавая, разрабатывает своеобразные сценарии, порой не только возможные, но и вообще не имеющие право на существование.

Четыре этапа в решении задач установлены специалистами в области когнитивной психологии, но эти мыслительные действия «дешифруют» художники слова, а порожаемые ими тексты, в свою очередь, становятся предметом внимания лингвиста.

При этом не следует забывать, что писатель представляет не математический, а художественный дискурс. Главным для него является демонстрация личностных качеств и характеров его героев, которые прослеживаются в процессе решения ими математических задач.

Лингвистический же подход к этой проблеме может расцениваться как первое приближение к анализу одного из аспектов работы человеческого разума – ключевого понятия всей когнитивной науки.

7. Языковое оформление восприятия

Репрезентация звукового эффекта посредством образного сравнения

От проблем «оязыковлечения» операций, связанных с работой разума, перейдём к вопросу о том, как вербализуются чувства. С нашей точки зрения, интерес представляет передача с помощью языковых средств восприятий человеком, окружающего его мира и, прежде всего – мира звуков.

По звуку люди способны определять характер и местоположение различных объектов. Наш житейский опыт позволяет производить классификацию звуков: шаги человека, кашель, сигнал автомобиля, раскаты грома, т.е. в нашем сознании существует огромная фонотека «аудио-эталонов» - своеобразных «единиц» звуковой памяти (auditory memory, echoic memory) (The Blackwell Dictionary 1994, с. 35, 126).

С помощью этих эталонов можно сравнивать «окказиональные» звучания - то, что непосредственно воспринимается органами слуха человека в ситуации «здесь и сейчас».

Принцип аналогии (когда одно постигается через другое), реализуемый в «материи» образных сравнений, даёт возможность **почти физически** ощутить конкретный звук, который трудно (а иногда и практически невозможно) описать без обращения к образным средствам языка, настолько данный звук «лично-индивидуален». См. пример из «Машеньки» В. Набокова:

Он пробыл полчаса и, несколько раз издав сосущий звук, как будто у него была дырка в зубе, ушёл.

Каким ещё способом можно было описать этот фонетический нюанс, если не переложить его на рельсы образного сравнения? Упомянутое выше «почти физическое» восприятие наблюдается и в том случае, когда мы читаем или говорим, что нечто звучит так, как **если бы кто-нибудь острым ногтем проводит по оконному стеклу**.

Подобные сравнения (возможные на материале разных языков вызывают к нашей речевой памяти.

Нижеследующие примеры звуковых эффектов в их речевой репрезентации группируются нами по источнику звукопроизводства.

Голоса людей и птиц

Стоны твои никого не разжалолят... Это всё звуки как скрип надломленного дерева (И. Тургенев. Попался под колесо // Стихотворение в прозе).

Когда её что-нибудь волнует, - подумал он, - то слова у неё вылетают так стремительно, звонко и отчётливо, точно сыпется дробь на серебряный поднос. (А. Куприн. Поединок).

Вдруг слышу: за окном птичка какая-то возится в кустах. Потом голосок, да такой приятный, будто две хрустелки ударились друг о друга. (Н. Сладков. Весна).

Звуки, производимые животными

Издали доносилось какое-то громыхание, дробное и ровное, **как будто пересыпали горох из мешка в мешок** – не спеша возвращалась конница (Ю. Тынянов. Кюхля.)

Сравните:

С улицы доносилось цокание копыт извозчичьей лошади нарочито громкое и отчётливое, как будто бы считали на счётах (И. Ильф, Е. Петров. 12 стульев).

Явления природы

Грянул трескучий удар (молнии), как от массы брошенных с кровли железных полос (Н. Лесков. Соборяне).

Звуки, издаваемые механизмами, орудиями, транспортными средствами

Потом по зданию прокатился пронзительный звонок, будто рассыпался поднос со стеклянной посудой (К. Паустовский. Рассказы).

Снаряды неслись в темноту, будто распарывали над головой кусок натянутого холста (Там же).

Терпко шибало в нос бензином. «Победа» дребезжала, точно ящик с гайками (Н. Леонов, Г. Содовников. Мастер).

Заметим, что один и тот же звуковой эффект может быть представлен посредством разных образных сравнений (см. в наших примерах несовпадающие описания цокота копыт). Однако образы **в слове** всегда будут дублировать реальные прототипы **в звуке**. Каждый прототип следует рассматривать как инвариант (по Толковому словарю русского языка, цокать – *издавать отрывистые, редкие звуки*), а его различные интерпретации – как варианты, множество которых, тем не менее, ограничено подобием своему прототипу.

Затронутая нами проблема интересна тем, что с помощью образных сравнений можно вербализовать (при том, в формате, близком к «оригиналу») другие виды чувственных восприятий, трансформируя их в «языковую материю» и таким способом закрепляя их в тексте.

Эффект «испорченного телефона» в понимании и интерпретации речевого высказывания

Понимание – это разновидность речевой деятельности, результатом которой является установление смысла некоторого объекта (обычно текста или дискурса). По А. В. Бондарко, речевой смысл может быть охарактеризован как та информация, которую хочет передать и передаёт говорящий, и та информация, которую воспринимает адресат (Бондарко 1996, с. 319). Таким образом, в качестве важного модуля этого процесса выступает «освоение» сказанного – в сознании человека, воспринимающего информацию, выстраивается модельный мир, создаваемый его внутренними ресурсами. При этом важно, чтобы внутренние ресурсы интерпретатора предполагали физическую способность воспринимать то, что он слышит, в надлежащем виде, а ещё важнее – чтобы выдерживалось предельное соответствие «своего» модельного мира «чужому» (Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996, с. 124).

Нарушение первого из этих условий в той или иной степени безусловно затрагивает второе, то есть влечёт за собой противоречие между

модельными мирами и ведёт к полному или частичному непониманию сказанного. Подобный случай может быть приравнен к эффекту «испорченного телефона». Под шутливым выражением «испорченный телефон» понимаются сведения, до неузнаваемости искажаемые при передаче от одного лица к другому (Ожегов, Шведова 1996, с. 781). Любопытно, что игра, давшая название этому выражению, практикуется и в других странах – в Великобритании она известна как *Chinese whispers* – (букв.) «китайские перешептывания» (Longman Dictionary 2000, p. 1386), или *Russian gossips* – «русские сплетни» (Crystal 1995, с. 399). Из этого следует, что интересующий нас эффект понятен не только русскому народу, но и ряду других.

В русском языке казусы «испорченного телефона» фиксируются в текстах разных жанров:

1) Народная байка

Ребёнок видит, что в кринку с простоквашей случайно попала мышка.

- Баба, кися! (Баба, крыса!) – говорит он.

- Кисло, сыночек, кисло, - отвечает та.

- С газами! (С глазами!)

- Из Казани, милый, из Казани!

2) Сказка

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты моя защита и оборона!» - «Как, я оципана ворона? Ах ты, такая-сякая!» и отколотил жену.

«Что ты, глупый чёрт! – закричала баба. – Разбойник, обидчик такой!» - «Вот давно бы так!» - сказал муж.

(Народные русские сказки А. Н. Афанасьева)

3) Анекдот

На игре слов строится «исторический анекдот из русской жизни».

Фразу Менишкова, находившегося под впечатлением действий московского генерал-губернатора: «Бедная Москва на осадном положении», некий граф Киселёв довёл до императора Николая. Менишкову пришлось оправдываться перед царём: «Киселёв глуп и вечно недослышит. Я сказал, что Москва находится не в осадном, а в досадном положении». Сбитый с толку царь махнул рукой и ушёл.

(Исторические анекдоты)

4) Миниатюра из Толкового словаря

У В. Даля в статье «Глухой» приводится следующий диалог

«Здорово, братан!» «Горох покупал!» «Глухой черт!» «Не кой черт, у меня семья!» (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.)

«Недослышанная», но принятая за подлинную информация по-своему интерпретируется, приводя в действие механизм апперцепции.

Термин «апперцепция» (от лат. «ab» + «perception») в переводе на русский язык понимается как «обусловленность и соотносимость с

восприятием». Приоритет его введения в научный оборот принадлежит Г.В. Лейбницу, назвавшему словом «апперцепция» акт перехода бессознательных психических состояний (перцепций) в ясно и отчётливо осознаваемые. Проблема апперцепции занимала также И. Канта, который усматривал в так называемой трансцендентальной апперцепции – единство опыта и познания (однако этот феномен вписывался в доктрину, утверждающую, будто разум управляет законами природы).

Свой вклад в учение апперцепции внёс И. А. Герbart, объяснявший посредством данного понятия зависимость содержания новых представлений от запаса уже имеющихся.

К изучению апперцепции как простейшей и вместе с тем фундаментальной психической закономерности обращались М. Вундт и его ученики. Дальнейшее развитие физиологии и психологии в указанном направлении доказали, что отражение предмета в голове человека – это не зеркальный, а сложный диалектический процесс, и характер восприятия, его содержательность и глубина в результате овладения новыми знаниями меняются, поэтому на одну и ту же вещь разные люди смотрят «как бы разными глазами», т.е. имеют различную апперцепцию (Философская энциклопедия 1973, с. 84-85).

Первым лингвистом, обратившимся к слову как средству апперцепции, был классик отечественного языкознания А. Потебня. На примерах из русской литературы он показал действие этого механизма в сознании разных людей, воспринимающих нечто по-своему, так как это нечто осознаётся на базе полученных ранее впечатлений. «Когда инспектору врачебной управы, по поводу Чичикова и мёртвых душ, приходят на мысль больные, умершие в значительном количестве в лазаретах, председателю казённой палаты – неправильно совершённая купчая и каждому из служащих лиц города N свои служебные грехи... всё это образцы различной апперцепции» (Потебня 1993, с. 79).

«Апперцепция – везде, где данное восприятие дополняется и *объясняется* наличным, хотя бы самым незначительным запасом других», - писал А. А. Потебня (Потебня 1993, с. 82).

Трактуя «апперцепцию в слове» учёный опирался на понимание этого феномена западными психологами.

В современной трактовке апперцепция представляется как активное состояние психики при столкновении с новым содержанием сознания, включения новых знаний и нового опыта в систему уже сложившихся знаний, отбор, обогащение и классификация наличного материала сообразно со структурой сознания.

Именно сквозь призму апперцепции мы будем трактовать случаи интерпретации высказываний, по ряду причин не понятых реципиентами.

Сгруппируем эти случаи по характеру примеров «неудачной коммуникации» по цепочке: «произнесённое» - «аномально воспринятое» - «ошибочно толкуемое». Приводимые ниже примеры взяты из

произведения русской художественной литературы. Каждый из них открывает новую позицию нашей классификации.

Звуковая игра в составе слова

- Алло! Ну что же вы молчите? С вами ужасно трудно разговаривать по телефону. Расскажите, что вы **подделываете**?

- <...> Что я **подделываю**? Преимущественно кредитные бумажки.

- Алло? Я вас не слышу!

- Кредитные бумажки!!!

- Что – кредитные бумажки?

- Я. **Подделываю**.

- К чему вы это говорите?

- А вы спрашиваете, что я **подделываю**?

Я не разобрал – два «д» у вас или одно. Вот и ответил.

(А. Аверченко. Алло)

В данной комедийной ситуации у человека, занятого изготовлением фальшивых купюр, нет сомнений, что на другом конце провода его спрашивают именно об этом. Весть гротеск ситуации по воле писателя-юмориста заключается в глупой готовности незадачливого фальшивомонетчика сообщить о своём криминальном действии по принципу: «что на уме, то и на языке».

Некорректное восприятие слов на основе их омонимичного звучания

- Ну что же. – Заложив руки за спину он (Лужин) прошёлся по кабинету <...>. Мы вам помочь. А вы не хотите. А между прочим, **Курта**, случайно не знаете, а?

- **Кур-то**? – удивилась Нюра.

- Ну да, **Курта**.

- Да кто же **кур-то** не знает? – Нюра пожала плечами. – Да как же это можно в деревне без **кур-то**?

- Нельзя? – быстро переспросил Лужин. – Да. Конечно. В деревне без **Курта**. Никак. Нельзя. Невозможно. – Он придвинул к себе настольный календарь и взял ручку. – Как фамилия?

- Беляшова, - сообщила Нюра охотно.

- Беля... Нет. Не это. Мне нужна фамилия не ваша, а **Курта**...

Нюра посмотрела на Лужина, не понимая. Губы её задрожали, на глазах опять появились слёзы.

- Не понимаю, - сказала она медленно. – Какие же могут быть у **кур** фамилии?

- У **кур**? – переспросил Лужин. – Что? У кур? – А? – Он вдруг всё понял и, прыгнув на пол, затопал ногами. – Вон! Вон отсюда!

(В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

В не менее смешном отрывке Нюра судит о вопросах сотрудника НКВД с позиций деревенской жительницы, про **кур-то** подружка Чонкина знает практически всё, а имя **Курт** так и остаётся для неё фонетической загадкой.

Ошибочный синтез словосочетания

*Однажды Оська прибежал из школы в полном смятении. На улице среди бела дня к нему подошёл какой-то солдат и спросил Оську, не знает ли он, как пройти в **Швамбранию**. Оська растерялся и убежал.*

(Л. Кассиль. Конduit и Швамбрания)

В известной повести Л. Кассиля двое ребят придумывают игру в страну **Швамбранию**, названную ими так в честь автора любимой книги «Греческие мифы» Шваба.

Дети настолько увлекаются этой игрой, что уличное обращение к ним молодых крестьян в обмотках: «Где тут в **штабармию** (т.е. **штаб армии**) пройти? В красные добровольцы записаться...» заставляет их поверить в реальность нереального.

Неправильная расшифровка целого высказывания

Мальчишки стали подсказывать мне стихи: «Весело сияет месяц над селом». А в это время у меня был хронический насморк и я плохо слышал одним ухом и поэтому с трудом разбирал то, что они мне подсказывали.

*Ещё первые строки я кое-как произнёс. Но когда дело дошло до фразы: «**Крест под облаками** как свеча **горит**». Я сказал: «**Треск под сапогами** как свеча **болит**».*

(М. Зощенко. Не надо врать).

Можно только предположить, что первые три слова стихотворения были произнесены учеником, облаченные в боле понятную и близкую для него форму, но глагол «болит» не мог появиться в стихотворной версии совершенно случайно. Мальчик плохо слышал из-за своего недомогания.

Наделение высказывания новым смыслом

Героиня одного из рассказов известного шоумена Л. Якубовича, девочка, не достигшая ещё возраста трёх лет, держа в руках потухшую свечку из торта, говорит своей доброй няне, пожилой, доброй и верующей женщине: «**Молись и кайся!**» Этим «**Молись и кайся!**» она буквально преследует старушку и к ужасу последней произносит «**Молись и кайся!**» как заклятье бесчисленное количество раз.

У ребёнка началась истерика. Девочка визжала и топала ногами. Голос её метался по комнате, отражался от стен и колоколом, бил по ушам перепуганной до смерти няньки.

(Л. Якубович Молись и кайся!)

Только пришедшие домой родители поняли, что ребенок таким образом просил поставить на видео её любимый мультфильм «**Малыш и Карлсон**».

Следует остановиться ещё на одном сопряжённом с изложенным выше явлении, которое также управляется апперцепцией. Это явление народной этимологии.

Народной этимологией принято называть переосмысление неизвестного или малопонятного слова по случайному сходству с более известным и понятным (Реформатский 1995, с. 75).

В принципе на народную этимологию распространяется тот же эффект «испорченного телефона» с той лишь разницей, что человек не просто искажает смысл чего-то услышанного и по-своему интерпретируемого – в «переоформленном» звуковом рисунке слова содержится попытка узнать логику именования стоящего за этим словом объекта.

Народная этимология свойственна речи неграмотных людей, которым хочется употребить «дикий» слово».

Так, в рассказе А. П. Чехова «Кухарка женится» представлен следующий монолог:

*Тебе бы всё с почтальонами, да **лепетиторами** перемигиваться! К Гришеньке **лепетитор** ходит, барыня, так она об него все глазницы обмазала. У, бесстыжая!*

По мнению необразованной женщины, молодой учитель, приходящий в дом с частными уроками – **лепетитор**, потому что он **лепечет** что-то непонятное, совершенно далёкое от её сознания.

К народной этимологии часто прибегают дети в их стремлении познать мир «слов и вещей».

Перечень таких «новообразований» приводит в книге «От двух до пяти» К. И. Чуковский:

вертилятор (вентилятор) – потому что **вертится**;

кружинка (пружинка) – потому что **круглая**;

прицент (а не рецепт) – т.к. он **прицепляется** к аптекарской бутылочке;

гульвар (а не бульвар) – т.к. это специальное место для **гуляния**.

Мать говорит дочери, чтобы успокоить её: «*Терпи, **казак**, **атаманом** будешь*». Дочка, в свою очередь, вторит матери, обращаясь к кукле: «*Терпи **коза**, а **то** **мамой** будешь!*» и т.п. (Чуковский 1957, с. 32). Список подобных иллюстраций можно было бы продолжить.

Таким образом, все перечисленные выше примеры убедительно демонстрируют, что человек интерпретирует поступающие к нему сообщения с позиций своего «Я», основываясь на наличии в его сознании *внутренней установки на информацию, которую он не столько слышит, сколько хочет услышать в создавшихся обстоятельствах*. Понимание информации осуществляется исходя из возрастных особенностей, уровня интеллектуального развития и жизненного опыта человека, его психического настроя, политических и религиозных убеждений, устоявшихся привычек, условий бытования и прочих факторов.

В описываемых нами случаях отдалённый фонетически от истинного облик отдельного слова или целого высказывания ассоциируется с чем-то уже известным, знакомым, либо в данный момент внутренне переживаемым, и порождает реакцию, вызывающую (при взгляде «со стороны») комический эффект. Однако у этого смешного есть свои корни, уходящие в научное толкование явления апперцепции.

8. Именование объектов и переосмысление имен

Поиск «тела» знака для наименования концепта

Цель данного подраздела заключается в том, чтобы рассмотреть процесс выбора наиболее оптимального варианта для вербального обозначения концепта, который во временном пространстве обыденного сознания отмечается как возникший относительно недавно. Концепт, «схваченный знаком» (КСКТ 1996, с. 92), может приобрести категориальный статус. Разработка идеи категорий в мышлении и языке, инициированная еще древнегреческим философом Аристотелем, не утратила своей актуальности и на пороге третьего тысячелетия новой эры, особенно в связи со становлением науки, занимающейся изучением приобретения, переработки и использования информации человеком — когнитологии, в целом, и когнитивной лингвистики — одной из главных составляющих этой науки, в частности.

С одной стороны, каждый носитель языка с ростом его знаний о мире и накоплением жизненного опыта увеличивает набор категориальных рубрик в своём сознании. С другой, концептосфера общенационального языка непрерывно обогащается новыми единицами, которые ищут способа вербальной, а в идеале – универбальной фиксации.

За подобными фактами стоит творческая функция категоризации: создание категории – это сотворение новой ментальной сущности, утверждение её бытийности. Внешним объективирующим фактором этих процессов выступает имя категории (Берестнев 1998, с. 40).

Существует несколько способов формирования лексических единиц, за которыми стоят новые концепты и категории: слово образуется из описательного выражения, старое слово приобретает новое значение, слово заимствуется из другого языка, расширяя тем самым концептосферу языка родного.

Первый путь заключается в ономаσιологическом процессе, в результате которого из свободного словосочетания, равного «синтаксической объективации», выкристаллизовывается «лексическая объективация»: на базе описательной конструкции выделяется новое обобщенное содержание, знание, а затем по воле носителя языка наступает особый мыслительный этап выделения из синтаксически объективированного содержания части, пригодной для лексического объективирования (эта часть осознаётся как нечто целое), в результате чего

имеет место «семантическая стяжка», а также подбирается и конструируется соответствующая звуковая оболочка (Торопцев 1981, с.22).

25 июня 1751 г. крестьянин Нижегородской губернии талантливый изобретатель-самоучка направил в Сенатскую комиссию прошение о выдаче ему разрешения и оказания финансовой помощи для изготовления «коляски самобытной, что может ехать без лошади».

Такую коляску, было написано далее, он «сделать может подлинно, изобретенными им машинами, на четырех колесах, с инструментами так, что она будет бегать и без лошади, токмо правима будет через инструменты двумя человеками, стоящими на той же коляске, кроме сидящих в ней праздных людей, и бегать будет хотя через какие дальние расстояния и не только по ровному местоположению, но и горе, будет где не весьма крутое место» (Юный техник 1990, № 1).

В этом описательном выражении без труда усматривается прообраз автомобиля. Можно было бы ожидать формирования в русском языке нового слова (типа «самокат»), однако это не произошло – Сенат отклонил прошение изобретателя, и идея «безлошадного экипажа» так и не «вызрела» до становления новой категории. В русском языке слово «автомобиль» проявилось лишь в начале XX века как искусственное образование (на французской почве) из греческого *autos* «сам» и латинского *mobilis* «подвижный». Тем не менее, обыденному сознанию носителей русского ближе оказалась лексема «машина».

Другой способ словообразования — результат переноса имени с одного предмета на другой (сказанное о слове относится и к составному термину).

В первые годы существования телевизора — аппарата для приема телевизионных передач и их звукового сопровождения — его называли «волшебным фонарем» (по аналогии с бытовавшим до того времени одноименным проектором). По Фразеологическому словарю русского литературного языка под редакцией А.И. Федорова, «волшебный фонарь» — приспособление, служащее для демонстрации на экране в увеличенном виде изображений, сделанных на стене.

По своей функциональной предназначенности прибор, позднее названный телевизором, не являлся фонарем. Под этим термином мыслилось уже нечто другое, хотя он до некоторого времени и устраивал носителей языка, пока на смену ему не пришло новое слово.

С изобретением звукового кино вышла из употребления известная метафора — «великий немой». Составные номинации часто были предтечей нового понятия: фотографический позитив некогда назывался калотипом, что по-гречески значит «прекрасный образ»; научная лаборатория в период первоустройства была известна как «фабрика изобретений» (История открытий 1998, с. 32, 34),

Факт нового смысла, несомого словосочетанием, «волшебный фонарь» (и ему подобными выражениями), можно интерпретировать, опираясь на такие понятия, как семантическая референция и референция говорящего, которые иногда не совпадают. В таких случаях, используя старую

терминологию, люди предполагают, что указание осуществляется на референты, удовлетворяющие их намерениям, а не используемым ими выражениям (Петров 1986, с. 70-71).

Имя «волшебный фонарь», обозначающее новый объект, было сопряжено в сознании уже с иной «мыслительной картинкой», нежели «картинка» аппарата для проекции изображений. За старым именем оказался застроенным новый гештальт.

В триаде «фонарь» — «волшебный фонарь» (проектор) — «волшебный фонарь» (телевизор) наблюдаем рост идиоматичности термина. С появлением нового слова «телевизор» абсолютно утрачивается аллюзия к фонарю. Идея «фонаря» не попала даже в план содержания жаргонизма «ящик» (в значении «телевизор»).

Явление, близкое к описанному выше, прослеживается в поиске категориального имени для осмысления недостаточно изученных явлений.

В 1947 году американский пилот Кеннет Арнольд во время полета заметил ряд необычных летательных аппаратов. Они напоминали тарелки, скользящие по воде. Газетчики, подхватившие эту информацию, ввели в оборот выражение «летающие тарелки».

Сравним с нижеследующим примером: «Уфологи опрашивали местных жителей, вели наблюдения и панорамные фотосъёмки, использовали биолокацию: «тарелки» летают, шары, нареченные апельсинами, кружатся (Комсомольская правда, 18.08.1989).

Невольные свидетели приземления «инопланетян» в качестве космических атрибутов перечисляют «красные квадраты», «палки», «деревяшки, похожие на кусок фанеры». Задумываясь над природой гигантского круга, обнаруженного на Марсе, учёные спорят о том, что это такое: космодром, полигон, центральная площадь «города»? (Комсомольская правда, 8.12.1998).

Таким образом, «земляне» категоризируют незнакомые им предметы и явления по признакам предметов и явлений, относящихся к хорошо известным им категориям («как если бы это было...»).

С расширением наших знаний о «загадочных явлениях» возможно появление новых терминов, их фиксирующих.

Нас интересует не процесс образования самих номинаций (он достаточно изучен в литературе), а когнитивная обусловленность в чередовании имён, обозначающих новоявленные концепты и категории. В основе отмеченного выше чередования - во-первых, расширение знаний носителей языка о функциональной предназначенности и его устройстве, а во-вторых, массовое внедрение предмета в повседневный быт — вещи входят в нашу жизнь «весомо, грубо, зримо».

Проблема вербального обозначения новых категорий неразрывно связана с прогрессом науки и техники, расширением кругозора человеческого общества, а также критическим, более «зрелым» подходом к соответствию «внутренней формы» слова (словосочетания) и выражаемой им идеи.

Тем не менее, рождение имён новых категорий протекает в «муках», выпадающих на долю вербально обозначенных категорий, уже известных человеческому разуму. «Снятие» имени происходит на уровне той картины мира, тех научных и обыденных представлений, которые соответствуют менталитету данной генерации носителей языка.

Греко-латинская основа придаёт номинациям новых реалий «научнообразное» звучание, облегчает перевод терминов с одного языка на другой, образуя в концептосферах неродственных языков позиции сходных по конфигурации когнитивных структур.

Русское имя в англоязычном художественном тексте

Проблема выбора писателем имён для героев своих произведений давно привлекает внимание специалистов в области ономастики. Г.Ф. Ковалёв пишет: «Если в жизни имя неспособно определить характер человека (хотя бы из-за случайности выбора имени), то в литературных произведениях имя персонажа как раз отражает или характер героя, или его место в системе персонажей, или ономастические вкусы писателя. Поэтому авторы по-разному трактовали имя. В частности, Ф. Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле» с едкой иронией писал о роли придуманных им же имён полководцев Колбасореца и Сосискокрорма» (Ковалёв 2007, с. 283).

Однако в этой связи ещё более интересным оказываются случаи употребления писателями фамилий действующих лиц иностранного происхождения. Данный подраздел посвящен анализу имён русских людей на страницах книг англоязычных авторов. Так, Я. Флеминг в одном из многочисленных романов о Джеймсе Бонде рисует на фоне российского ландшафта фигуру противостоящего ему генерала Грубозабойщикова и выводит на сцену событий влюблённую в супершпиона нашу соотечественницу Татьяну Романову (iz bivshih).

Изображённое автором (или подсказанное ему) имя бондовского антипода безусловно вписано преднамеренно, пополняя собой номенклатуру «говорящих фамилий». Впрочем, будет ли «говорящая фамилия» «говорящей» для читателя, не владеющего русским языком, оценит ли тот, насколько писатель владеет «искусством давать имена» (так с греческого переводится слово «ономастика»), попадающие «в точку» творимого ими образа, и в то же время привычные для корпуса имён чужой культуры?

Попутно возникает вопрос, «чувствует» ли сам англоязычный автор в полной мере имя своего русского персонажа и способен ли он при необходимости «играть» с ним? Думается, что это удаётся лишь немногим литераторам. Но именно таким писателем, безусловно, является Владимир Набоков. Он выводит в «Лолите» образ эмигранта, белогвардейского полковника, ставшего любовником первой жены Гумберта Гумберта – Валерии.

«I do not remember his ridiculous name», - говорит Гумберт («Не могу вспомнить его смехотворную фамилию»), показывая тем самым необычность её звучания для выходца из западно-европейской среды. Русский по рождению В. Набоков ставит себя на место Гумберта – уроженца Парижа, отец которого отличался «целым винегретом из генов: был швейцарский гражданин, полуфранцуз, полуавстриец, с Дунайской прижилкой (Набоков 1992; Nabokov 1986).

Пока память «не выдаёт» имя соперника, Гумберт называет этого русского эмигранта, занимавшегося в Париже частным извозом «таксомоторным полковником» (в английском тексте – «tax-colonel»), в его подсознании уже выстраивается ассоциативная цепочка «по суффиксу»: «Taxovich» - «Maximovich».

Не знавший русского языка человек ограничился бы именем «Valeria», однако несколько раз В. Набоков устами Гумберта не без иронии называет экс-супругу своего персонажа «Valechka». Ирония заключается в том, что русский суффикс «ечка» («очка») «передает нечто большее, чем просто хорошие чувства» (Вежицкая 1997, с. 118), а «Valechka» - «a large, puffy, short-legged, big-breasted and particularly brainless baba» (р. 26) – «большая, дебелая, коротконогая, грудастая и совершенно безмозглая баба» (Вежицкая 1997, с.165).

Вместе с тем, в писательском мире Владимир Набоков – не правило, а исключение.

Чтение английских и американских романов с участием русских героев приводит к выводу о своеобразном подборе некоторых имён, тем более если от классики перейти к романам совершенно другого жанра.

В интересующем нас ключе рассмотрим произведение английского писателя Ф. Форсита (F. Forsyth) и его американского коллеги С. Берри (S. Berry).

Книга первого автора, (после кончины Флеминга подхватившего начатую им тему), под названием «The Devil's Alternative» («Выбор дьявола») написана в стиле шпионской хроники с неизменным Джеймсом Бондом в главной роли. Одним из действующих лиц повествования является мифический «Maxim Rudin» - «President of the USSR, Secretary - General of the Communist Party of the USSR, Chairman of the Central Committee of the Politburo» - «Максим Рудин – Президент СССР, Генеральный секретарь коммунистической партии Советского Союза, **Председатель Центрального Комитета Политбюро** (выходит, что Политбюро – это массовая организация, имеющая в своём составе Центральный комитет)».

Если на груди у генерала Грубозабойщикова красовались в ряд все известные Флемингу советские ордена: Ленина, Красного знамени, Красной звезды и Знак Почёта, то продолжатель рассказов о приключениях Бонда проецирует на одного человека все высшие посты ушедшего в историю Советского Союза. Форсит пишет, что Рудин не был

бы тем, кем он стал, если бы в своё время не поддерживал Сталина, Маленкова, Хрущёва и Брежнева (тоже любопытный перечень!).

Можно высказать предположение о том, что автор счёл «не чужую» для русской литературы фамилию **Рудин** за весьма репрезентативную. В окружении Рудина – министр иностранных дел Дмитрий **Рыков** и министр обороны маршал Николай **Керенский**. Посол СССР в Соединенных штатах Америки носит имя Константина **Кирова**; на страницах романа мелькает фамилия **Руденко** (в советскую эпоху Руденко – наш Генеральный прокурор), а за штурвалом самолёта «Туполев» сидит военный лётчик капитан **Ватутин**.

Особенно комично для нашего соотечественника, читающего «бондиаду» по-английски, предстают имена классиков нашей литературы в статусе фамилий советских чекистов. В книжках «The Spy Who Loved Me» («Шпион, который меня любил»), «Moon Raker» («Лунный гонщик»), «For Your Eyes Only» («только для Ваших глаз»), «Octopus» («Осьминожка»), «A View To a Kill» («Взгляд на убийство»), экранизированных в период с 1977 по 1980 гг., действует некий Анатолий **Гоголь**, а в романе «The Living Day Lights» («Живые огни») – ещё и Леонид **Пушкин**.

Фамилии в своё время известных русских политиков, приближенных к вершинам власти, и писателей показались английским сочинителям весьма пригодными для того, чтобы обозначить ими своих героев.

Приведённые выше имена очевидно используются ещё и потому, что они «застражили» в сознании носителей английского языка в поле их ограниченных сведений о нашей стране, и писатель делает на это ставку: для его читателей перечисленные имена – «узнаваемо русские». Именно в данном ключе следует интерпретировать и «Татьяну Романову», упомянутую в самом начале статьи.

Тем самым ономологические проблемы конвертируются в рамках нашего исследования в проблемы когнитивные. По Е.С. Кубряковой, деятельность специалиста в области когнитивной науки связана с постановкой и решением широкого круга разнообразных вопросов, касающихся работы человеческого мозга и формирования множества ментальных и психических процессов, обеспечивающих разнообразные мыслительные акты (Кубрякова 2004, с. 40). Нет сомнений, что выявленный нами авторский приём «встраивания» в текст известных русских имён направлен на подсознание реципиентов с целью сделать своих героев подлинно русскими (на фоне других русских фамилий, ничего не значащих для носителей английского языка).

А вот в сфере последних номинаций отмечаются многочисленные ошибки. Они вызываются языковым барьером в виде «своей» системы образования собственных имён, которая интерферируется с русской системой и часто деформирует её.

В этом плане не менее любопытна и книга С. Берри «The Romanov Prophecy» («Пророчество Романовых»). В этом произведении речь идёт о

связанных со всевозможными опасностями поиска наследника российского престола в постперестроечной России. Мы видим вновь знакомые имена, теперь уже в качестве псевдонимов, которые присвоили себе члены группы заговорщиков: «**Stalin**», «**Lenin**», «**Khrushchev**» и «**Brezhnev**».

На этот раз обратим особое внимание на то, что якобы русские имена некоторых героев романа воспринимаются в английском спеллинге как очень странные, например, «**Vassily Maks**». Этот Василий Макс, представляя себя полным именем, говорит об имени своего отца в уменьшительной форме и называет его «Коля», а не «Николай» (гораздо правильнее было бы сделать это наоборот), но для автора данный нюанс остаётся в «полосе нечувствительности»: «*I am Vassily Maks. **Kolya** was my Father*». - «Я - Василий Макс, **Коля** был моим отцом».

Ещё один вопрос вызывает номинация «**Orleg**». Думается, что это искажённая форма от «Орлик», хотя не исключено, что имя «Олег» здесь принято за фамилию, как в нижеследующих предложениях:

1). «*The ... regiment included six Latvians and five Russians, plus Yurovsky. Hundred men with the names of Nikulin, Ermakov, two Medvedevs, and **Pavel***». – «В составе полка было шесть латышей, пять русских и Юровский. Сотня других с фамилиями Никитин, Ермаков, два Медведевых и **Павел**».

Возникает вопрос, почему перечисленным фамилиям не предшествуют личные имена? Или «Павел» мыслится здесь действительно как фамилия?

2). См. также «*You're the daughter of one **Zaneta Ludmilla***». – «Вы дочь Жаннетты Людмилы».

В этом странном сочетании вновь не ясно, где указано имя, а где фамилия.

Особый разговор – о главной героине романа (в английском написании **Akilina Petrovna**).

Безусловно, речь идёт об имени «Акулина». Автору невдомёк, что имя «Акулина» давно стало крайне редким в списке современных женских имён. В романе девушка с этим именем («Акулина» значит «орлица») должна сыграть особую роль в поиске правопреемника российского престола.

Вместе с тем, оставив в стороне имя, обратимся к фамилии (?) человека – «**Петровна**».

В «Слово о словах. Ты и твоё имя» Л. В. Успенского читаем: «Все помнят превосходный довоенный фильм «Цирк». Там есть трогательная сцена: молодой циркач разбился во время смелого, но неудачного упражнения; его подруга, американская артистка в отчаянии ломает руки над неподвижным человеком. «Петрович! Петрович! Что с тобой?» - лепечет она.

Мы, русские зрители, смахнув слезу умиления, не можем всё же удержаться от улыбки: вот ведь чудачка иностранка! Но можно ли юношу звать «Петровичем»?

«В одном из самых солидных французских энциклопедических словарей, - продолжает Успенский, - до недавнего времени можно было прочесть: «Ivan IV – tsar de la Russie, nomme «Bazilewitch» pour sa cruauté..., то есть «Иван IV – русский царь, прозванный «Васильевич» за свою жестокость...»

Дело в том, что французу (как и англичанину) нелегко понять, зачем нам нужны наши «отчества» и что они обозначают: ведь на Западе ничего подобного нет» (Успенский 1962, с. 472-473).

Выдержка из книги Л. В. Успенского убедительно показывает особенность восприятия отчества людьми, для которых русский язык не является родным.

В романе «The Romanov Prophecy» второй компонент номинативного сочетания «Akilina Petrovna» явно понимается героями произведения Берри как фамилия. Неоднократно к девушке, носящей имя «Akilina», официально обращаются как «**Miss Petrovna**».

Считаю, что и американка в «Цирке» думала точно также: «Петрович» – фамилия, потому что человека, которому она симпатизировала, все кругом называли Петровичем.

Точно таким же образом можно утверждать, что отчества отпрысков царской крови, претендующих на корону Российской империи, о которых идёт речь в книге Берри – «the Mikhailovichi» (Михайловичи) и «the Vladimirovichi» (Владимировичи) будут поняты англоязычным читателем как фамилии (тем более, что перед ними стоят определённые артикли):

«<*The few Romanovs*> who survived after the Revolution divided themselves into five distinct clans, only two of which – the **Mikhailovichi** and the **Vladimirovichi** possessed enough strong genetic ties to vie for the throne». – «Немногие из Романовых, выживших после революции, разделились на пять отдельных кланов, только два из которых – Михайловичи и Владимировичи имели достаточные генетические основания для того, чтобы соперничать в борьбе за царский трон».

Итак, приведенные примеры показывают, каким образом английские и американские писатели пытаются создать национальную «аутентичность» русских в качестве действующих лиц своих произведений.

Вместе с тем, в произвольно выбранных русских именах, вкрапленных в канву того или иного романа, порой путаются имена и фамилии (одно начинает подменять другое), а отчества переосмысливаются в виде семейных наименований, прикрепляемых к личным именам (так трактуется слово «фамилия» в Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой).

Хочется верить, что сближение народов в условиях «открытых границ» приведёт к тому, что из «вещи в себе» русские имена станут и «вещью для других», точно таким же образом, как реалии русской жизни перестают быть «дикивинными» для носителей «чужих культур», а с падением «железного занавеса» постепенно утратит свою актуальность и жанр «шпионского романа».

Имена известных лиц в роли псевдоидентификаторов

Отнесенность имени собственного к своему денотату – это один из аспектов теории референции. В его разработке принимают участие не только логики, но и лингвисты, в том числе, сторонники нового направления науки о языке: референция рассматривается как когнитивная операция, в которой используются отношения между языком и объектами в мире (КСКТ 1996, с. 160).

Существует несколько подходов к интерпретации данного феномена. Остановимся на понимании референции как жёсткой десигнации (от английского *designate* – определять, обозначать, указывать).

Американский учёный Соул Крипке ввёл в научный обиход понятие жёсткого и нежёсткого десигнаторов, увязывая проблему соотнесённости актуализированных (т.е. включённых в речь) имён к объектам действительности, с одной стороны, а с другой – тождеством объектов, обозначенных этими именами, в так называемых «возможных мирах».

Под жёстким десигнатором понимается термин (имя), называющий один и тот же объект при всех возможных обстоятельствах его бытования. Так, *квадратный корень из 25* всегда означает определённое число «5» и, следовательно, является жёстким десигнатором. В свою очередь, термин «изобретатель бифокальных очков» (им по факту был Бенджамин Фрэнклин) – нежёсткий десигнатор, так как нельзя наложить запрет на чью-то мысль о существовании другого мира, не такого, каков он есть, и тогда, в иных условиях, изобрести очки мог бы какой-нибудь другой человек по имени Бенджамин Фрэнклин.

Вместе с тем, С. Крипке полагал, что возможные миры – это лишь гипотетические допущения, поэтому интуитивно, или, основываясь на личном опыте, мы идентифицируем имя «президент Никсон» с конкретной личностью бывшего хозяина Белого дома во всех возможных упоминаниях этого имени (Крипке 1982, с. 350-352). С этой поправкой С. Крипке признаёт за именами собственными статус жёстких десигнаторов (Крипке 1982, с. 199).

Американскому лингвисту принадлежит также термин «кодесигнативы». За ним стоят разные по своей вербальной объективации имена собственные, имеющие одну и ту же референцию (Там же, с. 199).

Однако интересен и обратный процесс, когда одинаковые имена называют разные денотаты. См. нижеследующий пример:

На приёме в брянском Дворце изящных искусств Александр Сергеевич Пушкин дождался, пока его представят Путину, и пил шампанское. Этот 64-летний Пушкин – единственный прямой потомок по мужской линии великого русского поэта («Комсомольская правда», 5.10.05).

Фамилия «Пушкин» для русского человека имеет особый культурный и языковой «вес» (Рылов 2003, с. 132). Несмотря на фамильное родство

двух Пушкиных, под этим именем мы, прежде всего, имеем в виду человека, которому суждено было стать «солнцем русской поэзии».

В книге «Ни дня без строчки» Ю.К. Олеши читаем: *Когда я был гимназистом, фамилия Маяковский была мне уже знакома, но не как фамилия поэта, а как страшное слово – это была фамилия очень строгого преподавателя. Он преподавал историю.*

О той же ситуации в её гротескном варианте свидетельствует фрагмент допроса сапожника Моисея Соломоновича Сталина, описанный В. Войновичем в романе «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»:

- *Моя фамилия Сталин.*

<...> *Капитан отодвинул стул и, приняв стойку «смирно» произнёс во весь голос, словно командовал:*

- *Здравствуйте, товарищ Сталин!*

Имена людей, случайно совпадающие с именами широко известных личностей, можно назвать **локально жёсткими десигнаторами**, потому что они опознаются не во всех возможных мирах, а в тех и только тех, которые ограничены кругом общения носителей этих имён (в отличие от **универсально жёстких десигнаторов**, непосредственно ассоциируемых с популярными фигурами «в любое время и в любом пространстве»).

Конечно, полное совпадение имён людей, не имеющих никакого отношения друг к другу, – явление достаточно редкое. Более частыми оказываются случаи, когда устанавливается ассоциативная связь между разными людьми: имя одного из них, широко известного человека, начинает употребляться метафорически по тем или иным основаниям сходства между этим человеком и другим лицом, оно становится своего рода «ярлыком» и может быть прикреплено к любому, если этого потребуют обстоятельства.

Когда героиня А. П. Чехова говорит: *Мой муж Отелло*, она никоим образом не утверждает, что состоит в браке с «венецианским мавром» и лишь сообщает о том, насколько ревнив её муж, т.е. указывает на качества, сближающие её супруга со страстью, которую испытывал персонаж шекспировской пьесы.

В свою очередь, фраза, принадлежащая Э. Рязанову: *Если бы Хазанов был Сальери...* должна читаться, как: *Если бы Хазанов был завистлив...*, т.к. носители русского языка хорошо знакомы с сюжетом одной из маленьких трагедий А. С. Пушкина (Булыгина, Шмелёв 1997, с. 503).

Т.В.Булыгина и А. Д. Шмелёв называют переносное употребление имён знаменитых людей псевдоидентификаторами. Суть псевдоидентификации заключается в проекции жёстких десигнаторов («жёстких во всех возможных мирах») на референты, для которых данные десигнаторы являются окказиональными.

Ассоциативная нить связывает два объекта на основе «мысленного досье» на ту или иную знаменитость в памяти ординарных носителей языка – из этого «досье» и отбираются признаки для установления

псевдотожества (Булыгина, Шмелев 1997, с. 497). Настоящая статья посвящена именно такому явлению.

Сразу оговорим источники примеров. Они почерпнуты из произведений детективного жанра, принадлежащих перу современных отечественных писателей. «Криминальная литература» - книжки (чаще всего – «однодневки») с интригующими названиями, заполняющие сегодня рынок печатной продукции, как это не парадоксально, фиксируют нюансы, мимо которых проходит «большая литература» - и с предельной точностью и юмором воспроизводят «живой» язык народа. Поэтому отбор иллюстративного материала из русских «бестселлеров» - не случаен.

Как показывают изученные примеры, псевдоидентификаторы дифференцируются в зависимости от того, какой признак универсально жёсткого десигнатора ложится в основу метафорического использования (портретные данные носителя этого имени, фигура, габариты тела, т.е. то, что хранит зрительная память) или поведенческие характеристики прототипа, сценарные эпизоды, связанные с его жизнью и деятельностью. На конкретных примерах рассмотрим эти две выделяемые нами группы:

Портретные (картиночные) признаки псевдоидентификаторов

«Человек живёт не просто среди людей, но и среди имён, которые образуют вокруг каждого человека определённый континуум, особое национально-культурное пространство, единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена», - пишет Ю. А. Рылов (Рылов 2003, с. 129). В этом пространстве важное место занимают имена известных людей. Точно так же, как фамилия близкого человека (родственника, хорошего знакомого) неразрывно связана с его обликом, в сознании носителей языка существует «галерея образов» знаменитостей: политиков, деятелей науки и особенно культуры, всех тех, кто в ореоле славы попал в фокус внимания своих сограждан. Описывая внешность совершенно незнакомого человека другому лицу, мы нередко прибегаем к этим образам, вербализованным в имени, как к неким «эталонам», для того, чтобы наш собеседник (а в случае литературного труда – читатель) мог зрительно представить этого незнакомца или нового героя на авансцене событий.

1) *Старик шёл легко, опираясь на палку. Был он высокого роста, чуть сутулился, борода аккуратно подстрижена, и Даша поняла, кого он ей напоминает: артиста Николая Черкасова в фильме «Депутат Балтики».*

(Александрова Н. «Гарнитур из электрических стульев»)

2) *Должно быть, в этой шляпе она (Марина) выглядит просто сногшибательно – Фаина Раневская, кинофильм «Подкидыш».*

(Устинова Т. «Мой генерал»)

«Портретные» характеристики Николая Черкасова и Фаины Раневской могут представить лишь любители «старого кино».

Вполне понятно, что «видеотека» памяти служит указанным целям, если соответствующий образ входит в её состав:

3) *Героиня должна быть как минимум сексапильной. Как максимум – Катрин Денёв в период «Шербургских зонтиков».*

(Платонова В. «Смерть на кончике хвоста»)

Обратим внимание на то, что объективируемые именем собственным портретные характеристики, сближающие «оригинал» и его «дубликат», либо эксплицируются (*Был он высокого роста, чуть сутулился, борода аккуратно подстрижена...*), либо автор всецело полагается на предварительные знания читателя (*как максимум – Катрин Денёв в период «Шербургских зонтиков»*).

Последний пример свидетельствует о том, что круг известных людей не замыкается в рамках одного культурного сообщества. Благодаря кино, телевидению, газетным и журнальным снимкам «внешне» знакомыми становятся многие западные «звёзды», а их имена выступают в роли готовых образцов для «портретных» сравнений:

4) *Ну что же, приступим, господа. – Саня подмигнул присутствующим. Фоторобот – вещь серьёзная, так что попрошу вас быть предельно внимательными.*

Через двадцать пять минут общими усилиями был собран портрет манекенщицы Линды Эвангелисты. Ещё через полчаса, когда метрдотель вспомнил о маленькой родинке на губе неизвестной блондинки – пришла очередь Синди Кроуфорд. Затем последовали Клаудия Шиффер, Марла Хансон и безымянная моделька, рекламирующая по телевизору мужскую туалетную воду «Эгоист».

- Послушайте, друзья мои, - взмолился, наконец, Саня Гусалов. – Она случайно не была негритянкой?

- А почему она должна быть негритянкой? – насторожился метрдотель.

- Ну, это обстоятельство резко сузило бы круг поисков. Развесили бы на каждом стенде Наоми Кэмпбелл – и дело с концом!

(Платова В. «Смерть на кончине хвоста»)

Описываемый не без юмора эпизод интересен тем, что каждому элементу фоторобота разыскиваемой девушки соответствует свой вербальный знак – фамилия кинодивы или «звезды» шоу-бизнеса, внешние характеристики которых хорошо известны молодым людям – героям детективных приключений.

Рассматривая проблему антропонимов как псевдоидентификаторов, необходимо учитывать и хронологический фактор – связь образа и имени – вещь проходящая. См. нижеследующий пример:

5).- Ты кто?- спросил я. - Ну напугала, прямо Франкенштейн какой-то!

- Франкенштейн нынче почти забыт, теперь на пике моды Фредди Крюгер.

(Донцова Д. «Хеппи –энд для Дездемоны»)

Любопытно, что «картиноподобные» представления, активизируемые именами собственными, подразделяются на визуальные и аудио-визуальные:

5) *Полагаю, что дело было так... Я закатил глаза и заговорил голосом **Василия Ливанова** в роли Шерлока Холмса (Зайцев М. «Козырная масть»)*

7) *Динамики голосом **Аллы Пугачёвой** запели про то, что в «Петербурге сегодня дожди» (Там же).*

8) *Я вжился в роль супермена. Чего мне стоило говорить надменным голосом **Брюса Уиллиса**, особый вопрос (Там же).*

К «проявлению» внешних данных в именах собственных, используемых в качестве образцов, следует отнести конфигурационные характеристики известных лиц, соизмеряемых, например, по росту или весу:

9) *Пара выглядела замечательно. **Пат** и **Паташон**. **Торопунька** и **Штепсель**, гора и мышь. Одна старушка весила более центнера, вторая показалась чуть больше болонки.*

(Донцова Д. Монстры из хорошей семьи)

Метафора «гора и мышь», а также поясняющие ремарки лишь дополняют информацию, несомую именами – Пат и Паташон, Торопунька и Штепсель.

«Сценарные» признаки псевдоидентификаторов

Сценарий – это хорошо известная в когнитивной лингвистике ментальная модель, вырабатываемая в процессе интерпретации текста, и представляющая собой тематические («сценарные») структуры, одна из разновидностей которых связана с репрезентациями ролевых функций участников, стратегиями их действий, целями, следствиями и попутными эффектами (КСКТ 1996, с. 181).

Псевдоидентификаторы второй рассматриваемой нами группы актуализируют сценарные эпизоды и поведенческие характеристики своих прототипов:

10) *Развлекается человек, оттягивается... Разбогатевший **Чикатило** веселится от нечего делать. (Зайцев М. «Козырная масть»)*

11) *Ты меня уверял, что на двух машинах мы будем только внимание привлекать. Тоже мне, крутой разведчик, **Штирлиц**, блин! (Маринина А. Соавторы)*

В приведённых выше случаях за фамилиями употреблёнными в переносном смысле стоят уже не совпадения портретных характеристик героев и их прототипов. Сходство улавливается в манерах поведения тех и других, в их стереотипных действиях.

12). Я уже говорила, что не являюсь **Макаренко**, к тому же я не собираюсь делать карьеру педагога. (Донцова Д. Хэппи-энд для Дездемоны)

В данном предложении имя собственное Макаренко предполагает его **деятельность** как воспитателя (что подтверждается словами: <...> я не собираюсь делать карьеру **педагога**, т.е., как Макаренко, заниматься **процессом** воспитания детей).

13). Ты в налоговой подрабатываешь, - скривилась Ника. – Твой папа, случаем, не **Морозовым** звался? (Там же).

Современному читателю следует пояснить, что в тридцатые годы прошлого столетия пионер Павлик Морозов изобличил в преступлениях отца, за что был убит своими родственниками.

В заключение следует особо отметить, что, если кто-то не представляет себе «портретные» данные известной личности, а также не знает в какой сфере деятельности тот или иной человек знаменит, причина метафорического переноса «громкого» имени на другое лицо остаётся не установленной. Более того – само понимание метафорического переноса имени может оказаться под вопросом.

Приведенные выше примеры позволяют прийти к следующему выводам:

- жёсткие десигнаторы целесообразно подразделить на универсально и локально жёсткие. универсально жёсткие десигнаторы обозначают имена широко известных людей;
- универсальные десигнаторы валидны во всех возможных мирах, локальные – лишь в тех гипотетических пространствах, в которых десигнаторы ограничены своей референтной соотнесённостью.
- проведённый анализ позволил выявить ценностные ориентиры в выборе универсально жёстких десигнаторов для их метафорического осмысления;
- признаки универсально жёстких десигнаторов лежат в основе псевдоидентификации, т.е. в установлении окказионального тождества имён в их прямом и переносном значениях;
- псевдоидентификация представляет собой когнитивный процесс – в качестве важнейшего условия псевдоидентификации выступает presupпозиция, т.е. знания, изначально разделяемые носителями языка;
- важным оказывается временной фактор – каждая эпоха порождает своих знаменитостей, имена которых при их метафорическом использовании способны выступать в качестве псевдоидентификаторов.

Табуированная лексика и эвфемизмы в языковой практике

Слово «табу» [от фр. *tabou* < полинез. *tapu* – священный, запретный] у первобытных народов означало религиозный запрет, налагаемый на какие-нибудь действия, предметы и их обозначения в языке (Крысин 2010, с. 689). По религиозно-мистическим представлениям, явление «табу» в своём историческом зачатке было тесно связано с магией, процедурами, якобы обладающими чудодейственными свойствами и способными подчинять сверхъестественные силы. Примитивные представления о причинно-следственных связях заставляли дикаря избегать того, что, по его представлениям, могло ему навредить (Фрэзер 1986, с. 26-27).

Исходя из упомянутых выше предпосылок, запрет распространялся не только на предметы и явления, но и на факты языка. Табу налагалось на слова, обозначающие смерть, болезни, имена богов и духов, названия животных – объектов охоты и т.д. Всё это было основано на ошибочном отождествлении этих вещей и слов, их называющих (Там же). Для замены табу и нужны были другие слова – эвфемизмы.

В неоднократно издаваемой книги «Введение в языкознание» А.А. Реформатский приводит многочисленные примеры подобных замен, начиная с названий змей и медведей в лексиконе многих индо-европейских народов (русское слово «змея» - того же корня, что и «земля»; хрестоматийно известно, что имя «медведь» - искусственно составленное сложное слово со значением «тот, кто ест мёд») (Реформатский 1955, с. 71). В свою очередь, «snake» (англ. «змея») соотносится с русским словом «нагой» (др.-англ. *nasod* – «голый») – змея способна сбрасывать кожу, а в древности нагота считалась символом святости; английское «медведь» - «bear» - слово-замена, таящее в себе идею духа растительности (глагол «bear» - рождать, порождать) (Маковский 1999, с. 54, 340).

С течением времени, сакральные моменты были преданы забвению, и на первый план в поисках эвфемизмов выдвигались попытки заменить определённое слово или словосочетание, несущее на себе печать грубости, непристойности, «разрешённым» словом, выражением, лишёнными негативных коннотаций.

Вместо «Вы врётё» в благопристойном обществе следовало говорить «Вы ошибаетесь», «Вы не совсем правы»; вместо «его вырвало» подобает говорить «он поехал в Ригу» (по каламбурному созвучию); вместо «вошь» годится слово «насекомое». «У Вас не чахотка, а ТВС», - успокаивает врач обеспокоенного пациента. В стационарных условиях ведут речь о «хирургическом вмешательстве» (вместо «операции») и о «ментальном исходе» (Реформатский 1955, с. 71).

Тот же семантический процесс наблюдается в английском языке: за словом «casket» (ящик, контейнер) мыслится гроб; «fall asleep» (букв.: «уснуть») значит «умереть»; «to be ultimate sacrifice» (стать последней жертвой) – «быть убитым»; «after a long illness» (букв.: после долгой болезни) – «умереть от рака»; «little girls' room» (комната для девочек – «туалет») - место, произносить которое считается неприличным в его прямом значении; «to be economical with the truth» (быть экономичным в

изложении истины) - «лгать»; «industrial action» - «забастовка»; «to be tired and emotional» (оказаться в состоянии усталости и эмоционального напряжения) – «опьянеть» и т.п. (Crystal 1995, p. 175).

См. также: «She has met with an accident» (у неё неожиданное происшествие) - то есть родился ребёнок до замужества; «an innocent» (невинный человек) – «глупец»; «beldam» (букв.: ведьма) – «некрасивая женщина» (Brewer 1998, p. 1324).

Таким образом, эвфемизмы были настроены на избежание конфуза, связанного со звучанием и смыслом вербальных единиц, упомянуть которые в приличном обществе считалось непригодным. В эпоху социальной стратификации общества такое условие воспринималось в виде нормы. А.А. Реформатский вспоминает эпизод из «Воительницы» Н.С. Лескова, пример, характерный для речевых стандартов, присущих людям определённого класса: «Обращение у Домны Платоновны было такое. Ни за что, бывало, она в гостиной, не скажет, что «была, дескать, я во всенародной бане», а выразится, что «имела я, государь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде», а о беременной женщине ни за что не брякнет, как другие, что «она, дескать, беременна», а скажет: «она в своём марьяжном интересе» и тому подобное» (ср. «в интересном положении») (Реформатский 1955, с.71).

О том же факте красноречиво говорит и наш пример, почерпнутый из рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника». Иван Дмитриевич Червяков (человек с «говорящей фамилией». - А.Б.), сидя в театре во втором ряду, нечаянно чихнул на статского генерала, а потом до самой своей смерти, пресмыкаясь, ходил и извинялся за содеянное. Сказать: «Я на Вас чихнул» он не мог (по В. Далю: «А чихать мне на него!» суть выражения пренебрежения) (Даль 1994, с. 1351), поэтому, извиняясь, бедный эзекютор твердил одно и то же:

- Извините, ваше –ство, я Вас обрызгал... я нечаянно.

С этим подобострастным эвфемизмом мелкий канцелярский служащий Червяков закончил свой жизненный путь.

Социальная иерархия общественных отношений не играет ведущей роли в современной жизни, но, тем не менее, что касается табуированной лексики (в конкретном случае речь идёт о грубых словах и выражениях), то они чаще встречаются в высказываниях менее образованных людей, хотя и в разговоре более «продвинутых» членов общества как носителей русского, так и английского языка, их появление не редкость (в причинах этого явления следует разбираться отдельно).

И ещё один момент: эвфемизмы принято отличать от так называемого «эзоповского языка» (хотя А.А. Реформатский и причисляет последние к эвфемизмам). «Когда в 1916 году – пишет автор «Введения в языкознание, - был убит Григорий Распутин и цензура запрещала называть его именем и фамилией и даже прозвищем («Старец»), журналисты употребили эвфемизм, а правильное сказать – выразились «эзоповским языком»

(вставка моя – А.Б.), именуя одиозную фигуру Распутина словосочетанием «одно значительное лицо» (Реформатский 1955, с.71).

Именно в России под влиянием подцензурной прессы «эзоповский язык» - особый стиль изложения, призванный замаскировать выражение идей, противоречащих официальной политике и идеологии, - получил своё развитие. Им пользовались передовые люди русской истории. Например, в своё время декабристы говорили о «временщике», имея в виду А.А. Аракчеева; революционеры-демократы называли реформу «невестой», а Сибирь – «Вестминстерским Аббатством» (БЭС 1998, с. 590). В странах с более демократическим строем это явление оказалось менее развитым.

Если считать, что художественная литература представляет собой мир, наиболее приближенный к реальной действительности, то табуированная лексика в устах героев англоязычных произведений по-прежнему является «печатным словом». В лучшем случае в качестве субститута выступает начальная буква, позволяющая обозначить всю пейоративную структуру.

До последнего времени этот способ применялся и в русской литературе, что определённым образом служило созданию социолингвистического портрета того или иного лица. Однако сегодня бранное слово в тексте уже не находится «за запретной чертой». Более того, «употребление сниженного становится модным стилистическим приёмом не только в художественной литературе, но и в средствах массовой информации». По наблюдению О.Б. Сиротининой, «через газеты и через телевидение, в меньшей степени – радио этот эталон «хорошей» речи распространяется среди населения, навязывается ему» (Сиротинина 2003, с. 550). Учёный иллюстрирует подобные факты несколькими цитатами из выступлений некогда популярного тележурналиста Е.А. Киселёва, в том числе, предпосланным им укором в адрес людей, которые «ни фигу не понимают в передаче «Глас народа». Не менее показательной оказывается зафиксированный автором отзыв пожилого доцента-лингвиста о юбилее коллеги: «Ваш юбилей был настоящий отпад». «Ещё несколько лет назад такое слово в речи было абсолютно невозможно», - отмечает О.Б. Сиротинина.

Вместе с тем, выявляется ещё одна любопытная тенденция, которую мы назовём «выветриванием» негатива из плана содержания табуированной лексики русского языка. На это же явление на примере английского языка указывает составитель Кембриджской энциклопедии английского языка Д. Кристал (Crystal 1995).

С другой стороны, в русском языке имеет место феномен, получивший в лексикологии термин «дисфемизм», под которым мыслится замена эмоционально и стилистически нейтрального слова более грубым, пренебрежительным: «загребеть» вместо «упасть», «рассопливиться» вместо «заплакать» и т.п. (БЭС 1998, с. 590). Данное явление хорошо подметили авторы плутовского романа «Двенадцать стульев» И. Ильф и Е. Петров, вложив в уста гробовых дел мастера Безенчука набор «видовых»

дифференциаций слов и словосочетаний, обозначающих понятие «умереть», среди которых видное место занимают такие колоритные выражения, как «сыграть в ящик», «дать дуба» и «гикнуть».

Случаев дисфемизмов достаточно много и в англоязычном сленге: «to kick the bucket» (букв.: пнуть ведро) – умереть, «chew the rag» (букв.: жевать тряпку) – спорить, «to crack a book» (букв.: расколоть книгу) – «учиться».

Было бы заманчиво выявить механизмы, лежащие в основе формирования как русских, так и английских эвфемизмов и дисфемизмов, хотя эта тема должна быть объектом самостоятельного исследования.

Обратимся сначала к соотношению понятий «табу» и «эвфемизм» в формате их аксиологической интерпретации. Понятно, что на воображаемой прямой они займут противоположные позиции – от полюса негативной до полюса позитивной оценки. Однако вместе с тем, эти полярные сущности – табуированные слова и словосочетания, с одной стороны, и их субституты, с другой, должны иметь некую точку соприкосновения, поскольку как табу, так и эвфемизм соотносятся с одним мыслительным объектом.

Думается, что этот же процесс выдерживается и при анализе дисфемизмов, но только на этот раз полюса со знаком «минус» и со знаком «плюс» меняются местами. Следовательно, как это ни странно звучит, они призваны стоять в одном синонимическом ряду.

Инонаименования объектов как результаты их ассоциативной связи и альтернативных интерпретаций

Ассоциация и интерпретация – термины, стоящие в одном ряду с другими рабочими понятиями когнитивной науки.

Ассоциацию понимают как связь, возникающую при определенных условиях между двумя явлениями, двумя представлениями, двумя предметами, обычно между стимулом и сопровождающей его реакцией (КСКТ 1987, с. 13). В свою очередь, интерпретация – это когнитивный процесс и одновременно результат этого процесса в установлении смысла речевых и не речевых действий (Там же, с. 31).

Существует мнение, что ассоциации приходят на ум автоматически. «Маленький толчок извне – и в сознании возникают целые исторические картины, характеры, явления», - пишет Ю. Бондарев (*Ю. Бондарев. Моим читателям*). Однако думается, что реализация ассоциативных связей, тем не менее, всегда сопряжена с процессом интерпретации. Связующим звеном (*в нашем понимании – между двумя явлениями, двумя представлениями, двумя предметами: А.Б.*) может выступать слово (КФЭ 1994, с. 30).

Под инонаименованием понимается реноминация, существующая параллельно с «официальным» обозначением того или иного предмета.

Широко известен случай, описанный А.А. Потебней, когда ребенок при предъявлении ему круглого, матового колпака светильника называет его «арбузиком». «Тут произошло познание посредством наименования», - пишет А.А. Потебня (Потебня 1958, с. 16). Хотя данный пример нужен ученому не для рассуждений по поводу ассоциаций (об ассоциациях он говорит отдельно в книге «Мысль и язык» (Потебня 1993, с. 91), автор, тем не менее, подчеркивает возникшую в голове малыша ассоциативную связь между двумя предметами (по их общему свойству – шаровидности), когда тот называет колпак лампы не свойственным ему именем.

Связывая идею инонаименований с результатом ассоциаций по сходству, особенно важно осознавать факт изоморфизма, существующий между двумя представлениями. Изоморфизм, с позиции точных наук, это наличие взаимнооднозначного отображения двух совокупностей, сохраняющих их структурное свойство (Крысин 2010, с. 275).

Раскрывая понятие сходства (анalogии), этому определению вторят специалисты в области когнитивной психологии, которые также указывают на принцип структурного тождества между двумя соотносимыми предметами мысли (The Blackwell Dictionary 1994, с. 14).

Примеры инонаименований, связанных с установлением ассоциативных отношений, проиллюстрируем выдержками из произведений художественной литературы. Вот одна из них:

Географические карты для нее (Любки) всегда были непонятной мазней в несколько красок, но отдельные фигуры она запоминала точно и быстро. «Где Италия?», - спрашивал ее Лихонин. «Вот он. Сапог.», - говорила Любка и торжествующе тыкала в Апеннинский полуостров. «Швеция и Норвегия?» - «Это собака, которая прыгает с крыши». «Балтийское море?» - «Башимак». «Испания?» - «Толстяк в фуражке. Вот он...» и так далее (А.И. Куприн. Яма).

Как видно из этого примера, географические объекты ассоциируются в голове у героини «Ямы» с тем, что ей хорошо знакомо. Так, «Италия» и «сапог» связываются в ее сознании общей идеей «схемы» - рельефом полуострова и очертанием сапога.

Заметим, что некоторые ассоциации, «улавливаемые» словом, порождены личностной фантазией, они - индивидуальные, но есть и те, которые носят коллективный характер. Этот момент подтверждает Русский ассоциативный словарь (РАС 2002). Для многих наших соотечественников и, прежде всего, школьников Италия действительно ассоциируется со словом «сапог». К этому подобию часто апеллируют учителя географии.

Не трудно предположить, что в интерпретациях визуальных образов двух объектов активизируются не только ассоциативные связи, но знания и память об объектах окружающего нас мира.

Любопытно, что А.И. Куприн вложил в вопросно-ответный диалог Лихонина и Любки свой собственный опыт, описанный в воспоминаниях о нем К.И. Чуковским. Подобно эксперименту, который Великий

комбинатор проводил над головой бедного Ипполита Матвеевича, писатель взялся однажды перекрасить голландской краской волосы знакомого ему подвыпившего старичка. В результате «клиента» пришлось обрить наголо:

Когда его голова стала голой, оказалось, что вся она в пятнах. Сколько ни грели ее керосином, пятна не хотели смываться.

- Ну, что же! – сказал Куприн. – Поздравляю! Настоящий глобус. Австралия! Новая Гвинея! Италия! (К.И. Чуковский. Куприн).

В представленных реноминациях наблюдается обратный (от первого примера) процесс – на этот раз ассоциативная связь утверждается между «островками» со странной для человеческой кожи окраской и атрибутами физической карты мира.

В «Легендах Старого Арбата» представлена вербальная ассоциация, вызванная проектом перестройки архитектурного ансамбля одной из главных улиц Москвы:

«Челюсть», - произнес кто-то первым и, как табличку привинтил. Когда дело дошло до готового Калининского проспекта – его в народе тут же окрестили «челюстью». Торчат зубы через один из десен. Но радостно торчат! (М. Веллер. Пятикнижие).

И в этой иллюстрации за двумя представлениями также стоит когнитивная структура «схемы».

Впрочем, структурное сходство ассоциируемых объектов может принимать и формат «фрейма»:

- С «Веселыми ребятами» тебя!

Так называли орден «Знак почета» - на нем изображены молодые рабочий и работница, но одно дело шутить абстрактно, и другое дело приносить поздравления: звучит унижительно, припомним при случае. (А. Рыбаков. Дети Арбата)

Указанная выше аллюзия может быть оправдана следующей гипотезой. В 30-ые годы прошлого столетия был широко популярен фильм «Веселые ребята». Однако, с нашей точки зрения, здесь наблюдается намек не на это произведение большого экрана. Английский термин «фрейм» часто связывают с понятием «кадр». И действительно – фигуры молодых людей на фоне развивающегося красного знамени очень напоминают кадр из другого кинофильма 30-х годов – «Цирк».

Оба фильма были сняты режиссером Г. Александровым, с особым почерком мастера, что позволило перенести название первого кинофильма на «картиночный» сюжет, якобы заимствованный из второго.

Сравните:

«Веселой козой» называли нижегородский герб: красный олень с закинутыми на спину рогами и как-то весело приподнятой ногой. (В.А. Гиляровский. Под «веселой козой»).

С других позиций подойдем к механизму инонаименования объекта в режиме его альтернативной интерпретации. Альтернативной, потому что она существует параллельно с общепринятой, вполне ожидаемой. В

последнем случае исходят из способности объекта быть определенным образом истолкованным, при этом внутренний мир интерпретатора должен находиться в состоянии гармонии с тем, что тот или иной объект имплицитно (КСКТ 1987, с. 31-32). Однако в интересующем нас ракурсе какому-то отдельному интерпретатору отводится особая роль – он нарушает эту гармонию, выводя соответствующий предмет мысли в координаты «возможных миров».

Взгляд на проблему «иномирия» позволяет прийти к выводу о том, что одна и та же ситуация в «реальном» и «возможных мирах» способна интерпретироваться по-разному, получая при этом разное языковое выражение.

Интерпретатор (назовем его острословом), переименовывая имя объекта, подвергает его переосмыслению, при неизменной форме наделяет этот объект новым содержанием и предлагает «посвященным» в тайну инонаименования последовать его примеру.

Инонаименования в процессе альтернативной интерпретации еще не становились предметом научного анализа, хотя сам факт подобных иноназваний в окружающем нас мире довольно распространен, о чем свидетельствует нижеследующий пример:

В центре города (Ташкента) установили бронзовый памятник: мускулистый мужчина в тубетейке, а за его спиной – женщина с ребенком. Он протягивает руку жестом, как бы ограждающим от беды, но слишком уж похожим на отталкивающий. Сей монумент тут же прозвали: «памятник отцу – алиментщику». (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы.)

Читатель не имеет возможности лицезреть ташкентскую достопримечательность, но отсутствие визуального образа компенсируется описанием объекта, позволяющим выявить замысел произведения, материализованный в скульптурной композиции. Ниже приведем еще один пример подобного рода со ссылкой на воспоминания российского политика Сергея Миронова, студента-геолога в 70-ые годы прошлого столетия:

На улице Ленина (города Алдана) – памятник первооткрывателям золота. Стоят якут и русский в буденовках. В руках – олени рога, а в них, как в чаше, лежит золотая жемчужина. В народе памятник называют «Рогоносцы» («Справедливая Россия», июнь 2015 г.).

Памятник золотодобытчикам назван совершенно точно по действиям, совершаемым их прототипами, если бы слово «рогоносец» не обозначало бы, как это диктует Толковый словарь современного русского языка, мужа, которому изменяет жена.

В том же ключе:

С четырехлетним Волей мы гуляем по старинному кладбищу. Среди памятников – мраморный ангел с поднятой кверху рукой. Воля смотрит и объясняет сам себе: - Это он «будь готов» делает. (К. И. Чуковский. От двух до пяти)

Ребенок, «идущий в ногу со временем», не произносит слово «пионер», но мысленно связывает с ним увиденное.

Вспомним, что «мужиком в пальто» называет памятник Лермонтову герой известной кинокомедии «Джентльмены удачи».

Вместе с тем, последние две интерпретации можно назвать альтернативными лишь при «взгляде со стороны».

Описанные примеры позволяют прийти к следующим выводам:

- инонаименования, возникающие в результате вербализации ассоциаций и альтернативных интерпретаций, пополняют список реиноминаций в формате ироний, метафор, фразеологических выражений и эвфемизмов;

- в подоснове ассоциативных связей и альтернативных интерпретаций лежат когнитивные процессы, выявляемые посредством анализа механизмов иноназваний;

- ассоциации и альтернативные интерпретации могут носить не только сиюминутный характер, иногда они закрепляются на определенное время в коллективном сознании носителей языка;

- инонаименования, «осевшие» в сознании языкового коллектива, не редко бросающие вызов «законному» ожиданию их восприятия, сродни прозвищам, которыми наделяют людей;

- ассоциации и альтернативные интерпретации, объективируемые в инонаименованиях, зависят от жизненного опыта носителей языка и уровня их образования.

Имена артефактов в образных проекциях на человека

Артефактами называют вещи, выступающие в качестве продуктов целенаправленной человеческой деятельности, в отличие от природных объектов (Крысин 2010, с. 79). Изготовленные руками человека они одновременно идеальны и материальны (Коул 1997, с. 141) Артефакт идеален в том смысле, что изначально «конструируется» в голове своего создателя, а затем, приобретая физическую форму по ходу участия в «целенаправленной человеческой деятельности», он в виде соответствующего образа фиксируется в культурной памяти не только отдельных людей, но и всего человечества в целом. В этой своей ипостаси артефакты являются ментальными сущностями, «снятыми» практически со всех рукотворных изделий, сопутствующих жизни человека и обеспечивающих его бытование.

Среди этих реалий особое место занимают артефакты, в той или иной степени представляющие собой репликации тела человека – их творца. Только на первый взгляд кажется, что таких вещей немного, но если представить подобный артефакт в виде куклы, игрушки, напоминающей фигуру человека, то окажется, что им владеет добрая половина населения земного шара. В свое время А. Вежбицкая писала, что игрушка является не

таксонимическим, а чисто функциональным понятием, соотносимым с объектами любого типа, изготовленного для детских игр, и, следовательно, куклу нельзя поставить в центр данной совокупности: категория «игрушка» представляется «размытой» (Вежбицкая 1997, с. 211).

Тем не менее, нам удалось доказать, что *кукла* все же является центром категории, но только – особой, которую мы назвали «категорией антропоморфных артефактов» (Бабушкин 2009, с. 187).

Было также показано, что антропоморфные артефакты, объективируемые языковыми знаками³, формируют широкий ряд переносных значений, выступая в роли метафор или слов, служащих в качестве оснований для образных сравнений, которые репрезентируются союзами *как, будто, словно* и т.п. Усвоив предшествующий опыт, на этот раз займемся вопросом градации «человекоподобия» интересующих нас артефактов, т.е. проследим процесс утраты их антропоморфных характеристик. Такую градацию можно выявить по Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Ю.Н. Шведовой. Рассмотрим значения четырех нижеследующих слов:

1) *манекен* – фигура в форме человеческого корпуса, употребляемая при шитье или отделке (а также, добавим – демонстрации) одежды с целью ее продажи;

2) *кукла* – детская игрушка в виде фигурки человека;

3) *чучело* – в саду, в огороде: фигура, наподобие человеческой, для отпугивания птиц;

4) *робот* – автомат, осуществляющий действия, схожие с действиями человека. Робот подобен человеку по своей внешней конфигурации (об этом, в частности, свидетельствует детская игрушка – «робот»), его *голова* и *тело* сложены из блоков разных размеров, а *корпусу* приданы *руки* и *ноги*, как у Самоделкина из детского журнала «Веселые картинки».

Не трудно заметить, что если *манекен*, выставленный в витрине магазина, – это искусственная копия мужчины или женщины в полный рост, то *кукла* – это воспроизведение тела человека в миниатюре (то же, что и манекен, но в уменьшенном масштабе); *чучело* представляет собой экипированную отжившей свой срок одеждой крестовину, которая кажется человеком лишь издалека; *робот* сразу воспринимается как «инженерная конструкция», если он не *андроид* (робот в облике человека).

Как отмечалось выше, все четыре слова, называющие перечисленные нами реалии, употребляются не только в своих прямых, но и в переносных значениях. Могут ли они в переносных значениях быть определенным образом упорядоченными?

В широко известной книге «Метафоры, с которыми мы живем» американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон вводят в научный оборот термин «метафорические концепты» (Lakoff, Johson 1990, с. 6). Из

---

³ Хотя русское слово «кукла» заимствовано из греческого языка (Цыганенко 1989, с. 202), ее иноземное происхождение давно предано забвению.

логики, продиктованной этим термином, следует, что наличие метафорических концептов предполагает их систематизацию также в виде категории, но категории особой – метафорической.

По Е.С. Кубряковой, категоризация – это подведение под соответствующую рубрику опыта и знаний не только вещей, явлений, процессов, но и любой анализируемой сущности (Кубрякова 2004, с. 307).

Далее рассуждаем так: объединенные «фамильным сходством» члены рассматриваемого нами множества должны формировать полевую структуру, в которой различают центр и периферию. Будем считать, что центр метафорической категории уделено достаточно много внимания. Наша цель – рассмотреть периферию антропоморфной категории, в состав которой входят номинации на правах ее окказиональных членов, т.е. подбираемых «на случай» и в обычном смысле не входящих в данную совокупность. Речь пойдет об артефактах, которые никак не напоминают образ человека, но их словарные обозначения, употребляемые в переносном плане, используются для того, чтобы назвать человека и выразить свое отношение к нему. Более того, неодушевленные по своей природе существительные, называющие артефакты, выстраиваются по гендерному и возрастному принципам.

Такие номинации, как говорится «на слуху». Для образных обозначений мужчин используются лексемы типа: *шкаф, утюг, валенок, сундук* (обычно – армейский завскладом), *трактор, паровоз* и многие другие; женщин: *картинка, конфетка, кубышка, опара, тумба, пышка, пила, кочерга*; для переносных наименования детей обоих полов: *пуговка, юла, шило, звоночек* и т.д.

Рассмотрим такие метафоры, а также метафорические сравнения более подробно на примерах художественных произведений:

1) О болтливом, никчемном человеке говорят: *балалайка*.

Балалайка ты, Лопахин! Пустой человек. Не дай Бог под твоим командованием служить! (М. Шолохов. Они сражались за родину).

2) Человека, играющего в чем-то совершенно неприметную роль, называют *винтиком*:

Но не подчинит ли он меня себе, своей творческой личности? Не стану ли я незаметным винтиком на службе у него? (Т. Бек. Талант).

3) *Тряпка* – это бесхарактерный, слабовольный человек:

И стало вдруг Валентина злой, раздражительной. Начальников отцовских хвалила, а крепкого и высокого отца моего называла рохлей и тряпкой (А. Гайдар. Судьба барабанщика).

Если метафоры *балалайка, винтик, тряпка* являются словарно-зафиксированными, на страницах современной литературы можно встретить совершенно неожиданные образные репрезентации человека. Оценочные характеристики этих слов, как правило, маркированы отрицательными коннотациями.

Имена «окказиональных антропоморфов» «пестрят» в книжках, жанра детективных «однодневок» (удивительно, что именно в них наиболее ярко

оживает речь современного носителя русского языка). Одна из ведущих ролей в создании «иронических детективов» безусловно принадлежит Д. Донцовой. Можно по-разному относиться к творчеству писательницы, но в данном случае нас интересует лишь представляемый ею языковой материал, хотя «артефактные метафоры», созданные другими авторами, будут также использованы.

4) *Единственное, что меня раздражает до колик – это солдаты, которыми я вынужден командовать. Откуда их только взяли? Тупые, словно **лыжные ботинки*** (Д. Донцова. Бенефис для мартовской кошки).

5) *Зойка по-хозяйски уселась за руль, завела мотор. Резко отвалила от тротуара, подрезав сразу несколько машин. Ей отчаянно засигналили. «Вот **чайники!** – в сердцах бросила наглая Зойка (А. и С. Литвиновы. Осколки великой мечты).*

Обычно лейбл *чайник* – атрибут мужчины, совершенно не сведущего в каком-либо деле, неумелого, «наивного пользователя».

6) *Тут же раздался резкий свист и перед капотом возник огромный, толстый, похожий на **пончик** постовой (Д. Донцова. Гарпия с пропеллером).*

7) ***Фантиками** я называю всякую чепуху. Водителя, например, или охранника. Что я, машину водить не смогу? Да, я не умею, но не потому что я бестолковая, а потому, что муж мне учиться не разрешает. Зачем, говорит, учиться, если я тебе водителя дам? Для него важно, чтобы у него жена на машине с шофером и охранником разъезжала: Алишер – большой человек. Вот я и говорю: **фантики. Обертка блестящая** для дешевой карамели (А. Маринина. Соавторы).*

К «женскому» разряду отнесем следующие примеры:

1. *Внезапно меня охватила злость. Да эта Дарья просто **переваренная макаронина**, никакой силы воли и решительности. Не зря она призналась, что обожает любовные романы (Д. Донцова. Бенефис для мартовской кошки).*

2. – *Я не очень люблю классическую музыку, лучше пригласите вон ту даму, в зеленом платье, ей очень хочется попасть на концерт, у всех лишний билетик спрашивает*

– *Уж извините, но я не намерен провести два часа возле **крашеной мочалки**, закрывающей глаза от экстаза (Там же).*

3. – *Дашка, ну что тебе стоит? Одень брюликов побольше...*

– *И тебя не скрючит пойти на тусовку с такой **старой кошелкой**, как я? (Д. Донцова. Улыбка 45-го калибра).*

Такие неделикатные эпитеты возможны только в отношении женщин «бальзаковского возраста».

4. У той же Донцовой в книжке «Букет для прекрасных дам» читаем: *Она (мать) могла надавать мне ни за что пощечин, потом кинуться со слезами меня обнимать, купить новый футбольный мяч и тут же вышвырнуть в окно, а потом опять нестись в магазин за другим мячиком. **Контрастный душ**, а не женщина.*

5. Я понял, что тетка ненамного старше меня... Просто она не слишком заботиться о внешности. Ест сколько хочет, в основном макароны и хлеб с маслом, вот и превратилась в **доменную печь**, растеряв всякое сходство с прекрасной дамой.

6. Ее (Люси) маменька промурыжила меня почти час, выясняя всякие детали.

– Сколько раз был женат? Имею ли детей? Много ли у меня родственников? Слыша каждый раз «нет», она становилась все любезней и, в конце концов, превратилась в **халву, глазированную шоколадом**.

7. Это я тебе говорю, – рывкнул на нее мужик, – сиди и молчи, не тарыхти, не баба, а **позремушка**. (Д. Донцова. Гартия с пропеллером).

«Детскую тему» представляют следующие примеры:

1) *Вася рос замечательным, беспроблемным малышом. Не ребенок, а **коробка шоколадных конфет***. (Д. Донцова. Вынос дела).

2) *Внешне (парнишка) хорош, как **обертка туалетного мыла***. (Там же).

Переходя к интерпретации представленного здесь языкового материала, вспомним, что еще четверть века назад об образах как единицах тезауруса говорил Ю.Н. Караулов. По его словам, корни языковой образности лежат не в семантике, а в системе знаний. «На вербально-ассоциативном уровне доступную наблюдению образность (например, «змея!» – о коварной, холодной, безжалостной женщине или «пешка» – о безынициативном, слабом, несамостоятельном человеке) мы воспринимаем своеобразную семантическую конкрецию, переплавившую в себе в течение гносеологических эпох существования языка само движение мысли, сам акт познания. Снимая с образности слой за слоем, мы констатируем в ней застывшие гносеологические усилия, моментальную фиксацию перехода от одного поля в тезаурусе (например, «дикие животные, опасные») к другому – «свойства человека». Но для того, чтобы такой переход был возможен и совершался, надо обладать знаниями о том, что змея коварна, заяц, скажем, труслив, пуглив, имеет обыкновение спасаться бегством от опасности, медведь неуклюж и силен, в голубка нежна и безобидна. Этот переход не есть принадлежность вербально-ассоциативного уровня, он есть порождение знаний (Караулов 1985, с. 4).

В нашем случае эти знания выливаются в знание признаков, которыми обладают артефакты. Признаки, принадлежащие вещам, их свойства оказываются пригодными для характеристики человека. Парадокс заключается в том, что человек создает вещи, и они «возвращаются» к нему в метафорических репрезентациях, становясь в отдельных случаях употребления – «очеловеченными».

Важно остановиться еще на одном пункте. Практически все антропоморфные артефакты, спроецированные на человека, несут в себе отрицательные коннотации. Однако негативная оценочность тропов, локализованных в центре метафорической категории, сопряжены с

«картинностью» их «прототипов». Особенно ярко эта «картинность» прослеживается на употребленной метафорически лексеме *кукла*:

Лицо красавицы напоминало физиономию куклы – широко раскрытые голубые глаза, в которых не мелькало ни тени мысли, крупный рот и абсолютно гладкий без всяких признаков морщин лоб (Д. Донцова. Вынос дела).

Что же касается окказиональных метафор, образованных от имен-артефактов, то они приобретают отрицательную оценочность только в том случае, когда начинают использоваться для иносказательных обозначений людей (часто с их пороками и недостатками).

Типизированные сценарии профессиональных действий в составе сравнительных оборотов

Как известно, структуры ментальных репрезентаций не являются однородными сущностями, поскольку «кусочки действительности», которые они отражают, не одинаковы по своей природе. Они представляются сознанию в виде *мыслительных картинок, схем, фреймов, сценариев* и других единиц представления мира в голове человека.

Различают два типа сценарных знаний – декларативные (declarative knowledge) и процедурные (procedural knowledge). Первые – это знания, к которым человек имеет осознанный доступ и которые могут быть выражены непосредственно, например, вербально. Наоборот, к процедурным знаниям нет осознанного подхода, их наличие может быть продемонстрировано косвенным образом через определенные действия или совокупность действия (Cognitive Psychology 1994, с. 93). Так, пользователь ЭВМ обладает декларативными знаниями об устройстве компьютера, его функциях и принципах работы, а потом, приобретя достаточный опыт, он стучит по клавишам быстро и уверенно, не задумываясь о том, как именно эти действия совершаются. Различие между декларативным и процедурным видами знаний сводится к философским понятиям «знать **что**» и «знать **как**».

Профессиональные действия людей разной «цеховой принадлежности», которые мы называем **«типизированными сценариями»**, как раз и определяются процедурными знаниями, получающими статус неких стандартных схем.

Думается, что стандартные схемы не сводятся к совокупности всех действий, совершаемых человеком в процессе его каждодневной производственной деятельности. Например, водитель автомобиля выполняет целый ряд операций, связанных с уходом за машиной, перевозкой грузов или пассажиров, но, прежде всего, работа шофера ассоциируется с тем, что он, вращая руль, направляет ход легкового или грузового транспорта (*сидит за баранкой, крутит баранку*).

Сравните:

В двадцать девятом году завлекли меня машины. Изучил автодело, сел за баранку, на грузовой (М. Шолохов. Судьба человека); У меня шофер очень сообразительный. Я ему говорю: - Зачем ты, Шмельков, вертишь эту баранку? Тебе в университет надо ... - Да так, говорит, смолоду засосало шоферская жизнь (А.Н. Толстой. Родина); Скоро сорок пять лет будет, как я баранку кручу, - сказал дядя Вася (В. Липатов. Игорь Савович).

Процедурные знания как часть общечеловеческих сведений о мире из «вещи в себе» становятся достоянием людей, более широкого, чем профессиональный круг. В этом плане можно говорить о множестве поведенческих моделей, осознаваемых со «сторон» в качестве типичных.

В книге «Почти серьезно» Юрий Никулин описывает, как его собрату по неудачному поступлению во ВГИК – некому Тимченко – член экзаменационной комиссии определил следующее задание:

— *Актёр должен быть внимательным и наблюдательным. Вы согласны с этим? Вот представьте себе, что вы глухонемой. Как вы попросите у меня молоток?*

*Тимченко честно включился в роль глухонемого: что-то мычал, тыкал себе пальцем в грудь, а затем **рукой, сжатой в кулак делал движение, будто забивает гвоздь.***

— *Прекрасно! – ободрил его экзаменатор. А теперь представьте, что вы слепой и попросите у меня ножницы.*

*Для большей достоверности Тимченко закрыл глаза, **двумя пальцами начал производить движение ножниц** и услышал:*

— *Артист должен быть внимательным. Зачем вы **двигаете пальцами** и молчите? Вы же слепой, вы можете говорить. Вам проще сказать: «Дайте, пожалуйста, мне ножницы».*

В этом, конечно, заключается вся комичность ситуации, но для нас интересно, что в нелепом этюде человек имитирует известные ему «сценарные действия». Вспомним ребенка, который, стуча кулачком по кулачку, показывает, как папа «заколачивает денежки»; «чиканье» в воздухе указательным и средним пальцами правой руки можно экстраполировать на работу портного или парикмахера (а не только продемонстрировать желание получить конкретный инструмент) – все эти действия узнаваемы, потому что они прототипичны.

Представляя, **что и как** делают профессионалы в производственных ситуациях, мы способны проецировать их действия на поведение **других лиц**, находя в тех и других случаях «фамильное сходство» в двигательной активности органов человеческого тела. О «фамильном сходстве» – (Витгенштейн 1985, с. 109).

Однако объективировать описываемое нами явление можно только с помощью языковых средств. Язык – это механизм, позволяющий выявлять когнитивные процессы, иначе скрытые от непосредственного наблюдения. Нельзя не согласиться с Н.Н. Болдыревым в том, что «если суммировать все, что к сегодняшнему дню сделала когнитивная лингвистика, то самое

основное касается нового понимания и нового определения самого языка – его определения как особый когнитивной способности» (Болдырев 2004, с. 31).

В нашем случае речь идет о языковых сравнениях, как правило, представленных оборотами, которые вводятся союзами: *как, как если бы, как будто, словно, точно, подобно* и другими служебными словами.

По поводу сравнительных отношений А.М. Ломов пишет: «В рамках этих отношений содержание действия или признака раскрывается путем отсылки к действию или признаку, устойчиво ассоциируемому с тем или иным упоминаемым предметом» (Ломов 2004, с. 356).

Рассмотрим случаи, когда «устойчивые ассоциации», о которых говорит ученый, оказываются воплощенными в материю языка, то есть интересующие нас действия получают вербальную «развертку».

Типизированные сценарии профессиональной тематики, почерпнутые нами их произведений художественной литературы, можно сгруппировать по «цеховому» признаку.

Достаточно частотно иллюстрируется артистическая сфера, как это показывают нижеследующие примеры:

Он (Кордовин) натянул перчатку, шевеля пальцами, как пианист перед бравурным пассажем (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Герой романа не имеет никакого отношения к концертмейстерству, но в бытовой сценке, с позиции интерпретатора, угадывается соответствующий аналог.

То же наблюдаем и в других примерах:

Берэлз играл вдохновенно, упоенно. Как настоящий артист. Глаза его были закрыты. Он шевелил бровями и губами, как это делают знаменитые скрипачи (Э. Савела. Почему нет рая на земле).

Сравните со следующим:

Бронька была и впрямь существом особенным, нездешним – с какой-то балетной летучей походкой, натянутым, как тетива, позвоночником и запрокинутой головой (Л. Улицкая. Бронька).

Он так семенил ногами, когда нес на коромысле полные ведра, так выгибался длинной своей фигурой, чтобы не плескаться из ведер, смех смотреть. Бабы у колодца всегда <...> переговаривались. Ты глянь, глянь, как пружинит, чисто акробат (В. Шукшин. Беседы при ясной луне).

Репрезентативны аллюзии и к работе врачей, о чем свидетельствуют приводимые ниже иллюстрации:

Вошла деловито, как участковый врач во время эпидемии гриппа (Л. Улицкая. Люди нашего города).

Пишу своим профессиональным неразборчивым почерком врача, каким пишутся рецепты, справки, направления. Кто бы ни занимался моими бумагами – не прочтает (Л. Улицкая. На испытаниях).

И еще пример:

Ипполит Матвеевич сел на пол, обхватил стул своими жилистыми руками и с холодокровием дантиста стал выдергивать из стула медные звезды, не пропуская ни одного (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Заметим, что также, как и в области художественного творчества, типичные действия врачей, моделируемые в сравнениях, дифференцируются по их узкой специализации: в «сценариях», представляемых сознанию, работа терапевта отличается от действий, производимых дантистом.

В свою очередь, сравнительные обороты, описывающие стереотипные действия военнослужащих, разнятся, в соответствие с иерархическими отношениями, сложившимися в армейской системе:

1. *Повар стоял, плотно прижавшись к стене <...> и, если б не выражение глаз, он был бы похож на призывника, которому меряют рост (Ф. Искандер. Пыры Валтасара).*

2. *При виде Ипполита Матвеевича гробовщики вытянулись, как солдаты (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).*

3. *(Местные сердцееды) хозяйственно оглядывали пляж, они изучали его, как полководцы рельеф местности, где вскоре предстоят великие битвы (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура).*

То, что многие писатели пользуются одним и тем же приемом сравнения, служит доказательством бытующей в нашем мыслительном пространстве процедуры поиска понятного всем аналога.

В процессе анализа были зафиксированы «сюжетные картинки» похожих поисков, основанные на ассоциативной связи с действиями людей других профессий:

(Ипполит Матвеевич) вышел на Солнечный рынок и долго расхаживал там взад и вперед, разбрасывая баранки, как сеятель бросает семена (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).

Когда же рыча и отплеываясь, Шуленин начал подниматься с пола, Чистяков размахнулся, точно молотобоец с первого советского серебряного рубля, и «ахнул» неприятеля по загривку сложенными вместе кулаками (Ю. Поляков. Апофигей).

Можно вытирать салфеткой пальцы рук *медленно и значительно, как механик, закончивший работу*; осматривать помещение с целью выбора удачной диспозиции для проведения опасного эксперимента, *как фотограф перед началом съемки старается найти лучший эффект освещения* (Ф. Искандер. Пыры Валтасара); демонстрируя обстановку в новой квартире, с чувством выполнения особой миссии переходить от одного предмета мебели к другому, *словно экскурсовод в Музее Революции* (Ю. Поляков. Апофигей).

Подобные «сценарии» достаточно многочисленны.

Нельзя пройти мимо случаев «гибридного» толка, когда в качестве эталонов сравнения в одном эпизоде выступают и профессиональные действия и действия, связанные с бытовыми ситуациями, в которых в своем роде профессиональные навыки также демонстрируются.

Дважды в неделю Рахмил тщательно брился. Это был спектакль! Бритвенный прибор – жестяную кружку, тощий помазок и опасную бритву – прятал где-то под стропилами низкой крыши сарая. Просто протягивал вверх руку и – как фокусник голубя – извлекал. Затем пристегивал брючный ремень к железной перекладине изголовья кровати, одним движением кисти – движением картежника, сдающего карты, выбрасывал лезвие из сутулого тела бритвы и принимался править ее о ремень длинными равномерными движениями, перекладывая с боку на бок, как хозяйки перебрасывают на сковороде оладьи, чтобы хорошенько прожарились (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Сказанное выше справедливо при анализе примеров из других языков, в частности, английского:

Peter searched the woman's face for clues, like a nervous airline passenger watching the flight attendant during turbulence ... if she was still smiling and handling gin – and – tonics, no one was going to die, right? But Nurse Mathew would have made the first class poker player, her doughnut features gave nothing away (S.Sheldon. Mistress of the Game). Это же в русском переводе: *Питер искал ответ на лице эсенины, как нервный пассажир самолета, попав в зону турбулентности, всматривается в движения стюардессы... Она все еще улыбается и разносит джин с тоником, значит никто не погибнет, не так ли? Но из медсестры Мэтью получился бы прекрасный игрок в покер – ее бесстрастное выражение лица ни о чем не говорило (С. Шелдон. Интриганка).*

Тот или иной человек абсолютно не осознает, что своими действиями он кого-то напоминает. Но свидетели переноса на совершаемые им движения конкретных, профессионально ориентированных поведенческих стереотипов – некие третьи лица (именно их мы называем интерпретаторами) – безошибочно в «копии» узнают соответствующий «оригинал».

Между тем, если лицу определенной профессии вдруг приписываются не свойственные ему функции, имеет место эффект «обманутого ожидания». Так, Клавдии Ивановне, теще Ипполита Матвеевича Воробьянинова, *снились дворники, играющие на арфах*. Типизированные действия дворника: работа с метлой или лопатой – такой «сценарий» не обладает «проекционной силой», т.е. не может быть использован для характеристики человека, в движениях которого угадывалось бы что-то от «рядового коммунальной службы» – того, кто поддерживает чистоту и порядок во дворе и на улице.

«Проекционной силой» не наделяются «сценарии» многоплановых по своему сюжету производственных действий (например, работа инженера), а также скрипты, отображение которых в сравнительных оборотах маловероятно (например, работа доярки, хотя представления о совершаемых ею действиях, безусловно, существуют).

Завершая анализ «типизированных сценариев» профессиональных действий в составе сравнительных оборотов отметим, что рассмотрение

этой темы сопряжено с целым рядом вопросов, решаемых когнитивной наукой, а именно: с проблемами памяти и знаний, типами ментальных репрезентаций и их оязыковлением, а также с таким разделом специального изучения, как ассоциативные связи.

Обратимся к выводам, которые позволяет сделать материал исследования:

- в человеческой памяти, как часть знаний об окружающем мире, содержатся типизированные сценарии действий, производимых людьми разных профессий; эти знания хранятся в виде ментальных репрезентаций динамического характера и соотносятся лишь с теми движениям, которые однозначно характеризуют человека в его производственной роли;
- наличие подобных моделей создает предпосылку для их проецирования на действия других, весьма далеких от данной профессии лиц;
- мыслительный процесс, обеспечивающий сравнения, заключается в нахождении сходства между образом действия – совокупностью сиюминутных телодвижений какого-то человека – и содержанием ментального «сценария», одного из репертуара «сценариев» профессиональных действий (при этом то, что сравнивается, имеет окказиональный характер, а то, с чем сравнивается, по своей сущности – инвариантно);
- высказывания, описывающие уподобления двух действий, могут быть стилистически нейтральными, но они также используются для выражения едва заметной иронии или для создания более сильного по своему воздействию юмористического эффекта.

9. Когнитивная семиотика

Типы языковых знаков в семиотическом аспекте

Знак определяется как материальный чувственно воспринимаемый предмет (явление, событие, действие), выступающий в познании и общении людей в качестве представителя другого предмета или предметов, свойства или отношения предметов и используемый в целях приобретения, хранения и передачи сообщений (информации, знаний), а также компонентов сообщений какого-либо рода (Философская энциклопедия 1962, с. 117).

Имеется специальная наука - семиотика, изучающая знаки и знаковые системы. Фундамент семиотики как самостоятельной дисциплины заложил американский философ, логик и математик Ч.С. Пирс. Идеи Пирса перенял и развил Ч.У. Моррис, его также по праву считают одним из основоположников семиотики. Свой вклад в развитие семиотики внесли Р. Карнап, логики львовско-варшавской школы (особенно А. Тарский), родоначальник структурализма в языкознании Ф. де Соссюр, который был

первым лингвистом, независимо от Пирса применившим понятие знака к системному описанию языка (хотя единицу языка слово — назвал знаком еще В. фон Гумбольдт: «Слово, действительно есть знак, до той степени, до какой оно используется вместо вещи или понятия» (Гумбольдт 1984, с. 304).

Семиотика находит свои объекты в различных сферах: в общении животных, жизни растений, изобразительном искусстве, музыке, архитектуре и т.д., но непосредственным предметом ее изучения являются организованные в систему знаки (Степанов 1983, с. 5). Танцы пчел, дорожные указатели, азбука Морзе, химическая символика, лыжки и звезды на погонах военных, язык жестов, народные обряды - все это примеры семиотических систем.

Ч.С. Пирс разделил знаки на три категории: знаки-иконы, знаки-индексы и знаки-символы. Икона — это знак, отсылающий к обозначаемому объекту в силу своих свойств. Иконы, по терминологии Ч. Пирса, - 'квалисайны' (где 'квали' - усечение от английского 'quality' - качество, 'сайн' —английское 'sign' —знак). Икона похожа на вещь, которую она обозначает. Примерами икон могут быть фотографии, так как они в точности подобны представляемым с их помощью объектам, различные чертежи, географические карты. Алгебраические формулы также являются иконическими знаками - они показывают отношения между некими затрагиваемыми величинами (Пирс 2000, с. 205). Пирс относит к иконам идеографам) все примитивные виды письменности, например, египетские иероглифы.

Индекс - это знак, отсылающий к объекту, который он обозначает, по той причине, что находится с этим объектом в непосредственной связи, но, как правило, не требует сходства с ним. Походка человека, идущего вразвалку, указывает на то, что он моряк; кривые ноги другого человека и атрибуты его одежды - гетры и бриджи - свидетельствуют о его принадлежности к профессии жокея; часы, висящие на стене, указывают время дня; буквы, используемые для обозначения элементов конструкций, изображенных на диаграммах, Полярная звезда, указательный палец — все это примеры индексов (Пирс 2000, с. 212).

Символ, по Пирсу, — это 'легисайн' (в корне данного слова заключено латинское 'lex' ('legis') —закон). Пирс считает символ подлинным знаком, так как он осуществляет свою функцию, не имея сходства или аналогии с чем-то другим и независим от какой-либо связи с ним. Символ становится знаком в силу привычки или правил, принятых языковым сообществом.

Следует особо подчеркнуть идею Пирса об отсутствии резко очерченной границы между типами знаков: составной элемент символа может быть индексом и может быть иконой; существует лишь преобладание одного знака над другим (Пирс 2000, с. 213).

В языковом знаке, представляющем собой единицу особой семиотической системы, различают означаемое и означающее (оба термина были введены Ф. де Соссюром в 1911 г.). Означаемое — это

содержательная сторона языкового знака, означающее — его формальная сторона.

Ч.С. Пирс разграничивает «материальные качества» означающего любого знака и его «интерпретацию», под которой понимается означаемое. Для Пирса знак — это «репрезентамен», и само слово, образованное от английского глагола 'represent' — представлять, подсказывает репрезентативную функцию знака: «репрезентамен» суть нечто, обозначающее что-либо для кого-нибудь в определенном отношении или объеме (Пирс 2000, с. 177), тогда как «интерпретанта» - мысль, вызываемая знаком.

Идея материальности знака придает отличительный характер пирсовскому пониманию знака в отличие от соссюрковского, хотя некоторые исследователи указывают на определенную непоследовательность Пирса в трактовке материальности знака (Пирс 2000, с. 47-48). Как известно, по Ф. де Соссюру, знак — это двусторонняя психическая сущность, а связь, соединяющая означаемое с означающим, является произвольной (Соссюр 1977, с. 59). В своем учении Пирс говорит не только о знаках естественных, природных, но и о знаках языковых. Однако первым ученым, увидевшим, что типология Пирса может быть полностью использована для анализа знаковой системы языка, был Р.О. Якобсон, который считал: будь работы Пирса в свое время широко известны научному сообществу, «они несомненно оказали бы ни с чем не сравнимое влияние на развитие лингвистической теории в мировом масштабе» (Якобсон 1983, с. 103).

Творчески развивая теорию Пирса, Якобсон уделяет особое внимание иконическим знакам на фонологическом, морфемном, лексическом и синтаксическом уровнях языка, а также индексальным знакам (Якобсон 1972, с. 95).

Тем не менее, считаем, что с семиотической точки зрения, языковые знаки изучены недостаточно полно. В этой связи новая перспектива открывается исследованиями, сопряженными с когнитивным подходом к семиотическим феноменам, который был инициирован Е.С. Кубряковой, перенимавшей эстафету от своих предшественников — Пирса и, главным образом, Якобсона.

Е.С. Кубрякова указывает, что на пути простейшей типологии (икон, индексов, символов), проводимой по субстанции, которая является закононосителем, можно понять не только особенности языковых знаков, но также их интенциональную природу — языковые знаки специально используются для передачи значения, в то время как естественные знаки (например, следы на песке) такого назначения не имеют.

Признавая идею телесности знака в качестве одного из важнейших положений семиотической теории, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что именно Якобсон четко отделил в знаке его материальную сторону от идеальной. Материальность, субстанциональный характер знака, наличие у него собственного «тела» - это такое же неотъемлемое свойство знака, как

передаваемое им содержание, и этой стороне знака надо уделять не меньше внимания, чем его значению (Кубрякова 2004, с. 436).

Переходя к анализу второй стороны знака, его означаемого, Е.С. Кубрякова пишет: «Думается, что, с современной точки зрения, вопрос о значении знака должен быть сформулирован как вопрос о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под «крышку» знака, какой квант информации выделен телом знака из общего потока сведений о мире. Ведь в самом общем виде значение знака может быть, по всей видимости, определено как «концепт, связанный знаком» (Кубрякова 2004, с. 498). В этом высказывании под метафорическим выражением «крыша знака» имеется в виду не что иное, как его материальная сущность.

Нижеследующий материал посвящён выявлению типологической фактуры языковых знаков, по-разному организованной информации, содержащейся в знаковой материи, в самом «теле» знака, если эта информация каким-то образом интерпретируется, изучению потенции разных типов знаков в той или иной мере отражать (или не отражать) означаемое, а также возможности трансформаций одного типа знаков в другой.

I

В литературе вопроса неоднократно отмечается иконический характер звукоподражательных слов. См., например, (Соломоник 1995, с. 264-73; Языкознание. Большой академический словарь 1998, с. 165).

Звукоподражание (иначе - ониматопея) - отражение в слове некоторых звуковых качеств означаемого — это часть известной проблемы соотношения предмета и его имени, которая уходит своими корнями в глубокую древность, в эпоху спора между «натуралистами» и «конвенционалистами». Если «конвенционалисты» настаивали на отсутствии связи между именем предмета и его сущностью, а значит — на условном характере языка (теория «тесей» — «по положению», «по установлению»), то «натуралисты», наоборот, видели в названии вещи отражение несомного ею смысла (теория «фюсей» - «по природе»).

Некоторые авторитетные лингвисты не отрицают факт возможного участия звукоподражаний в процессе становления человеческой речи, хотя известно резкое неприятие данного тезиса советской языковедческой наукой (Реформатский 1955, с. 349).

По мнению К. Бюлера, критические насмешки, направленные против определенной роли звукоподражания в происхождении языка, спокойно можно парировать вопросом, в состоянии ли тот или иной критик сказать в противовес что-нибудь более разумное (Бюлер 2000, с. 190).

По Бюлеру, язык изначально делал шаги в направлении «живописания», а затем остановился на перепутье и пошел развиваться в другом направлении. Он не был бы языком, если бы в нем присутствовало когерентное, эффективное поле живописания (а это значит, что роль звукоподражания нельзя преувеличивать). Однако в структуре языка

имеются определенные зоны и определенный простор, в пределах которых живописание возможно (Бюлер 2000, с. 179). В языке содержатся не только непосредственные подражания гамме природных звуков, но имеются также «звуковые картинки», запечатленные в корневых основах именных и глагольных лексем. В предлагаемую классификацию ономотопей можно включить: подражания звукам, производимым человеком (бурчать, верещать, кряхтеть, пыхтеть, храпеть, цыкать, чихать, шмыгать); подражания звукам и шумам внешнего для человека мира, включая явления природы (бухать, греметь, журчать, хрустеть, шуршать и т.д.); уподобления работе механизмов и машин (например, тикать, бибикать), подражания звукам, которые издают насекомые, птицы и животные (ворковать, каркать, мычать, мяукать, хрюкать) и т.д., хотя данная группировка звукоподражаний весьма условна.

Необходимо помнить, что отражение голосом не просто «фотографирует» звуки - их проявления озарены человеческим сознанием. «Они в той же степени подлинны создания человеческого ума, взлеты человеческого воображения, как и все прочее в языке. Они непосредственно не порождены природой, а только внушены ею и как бы играют с ней» (Сепир 1993, с. 31). См. также (Торопцев 1985, с. 104).

Однако все ли звукоподражательные слова проявляют иконические признаки, во всех ли случаях ономотопей означающее совершенно прозрачно «вторит» звуком означаемому? Если в глаголах ‘шипеть’ и ‘кудахтать’ ясно проявляется эффект звукоподражания, то «звуковую картинку» в существительном ‘бык’ может распознать только специалист в области этимологии. Возьмем, к примеру, лексему ‘топор’. На славянской почве слово ‘топор’ объясняется как производное от древнерусского ‘тети’ (1 лицо ед. числа – ‘тепу’ — бить, колотить (ср. с русским ‘топать’) и суффикса – ‘ор’, который в некоторых родственных славянских языках используется для обозначения признака орудийности (как в чешском ‘sochor’ — лом) (Черных 1994).

По историко-этимологическому словарю современного русского языка слово ‘клякса’ восходит к немецкому ‘klecks’ — пятно, клякса; по-немецки ‘klecken’ - пачкать (в то время как средневерхненемецкое ‘klac’ - треск). Очевидно, треск пера сопровождал образование клякс. П.Я. Черных иллюстрирует этот феномен цитатой из рассказа А.П. Чехова «Канитель»: Перо на букве «Д» взвизгивает и дает большую кляксу (Черных 1994, с. 405). Предполагается, что в слове ‘бубен’ также заложен индоевропейский корень от звуков, производимых ударным инструментом.

В.И. Даль объясняет слово ‘сверчок’ имитацией звуков, издаваемых этим насекомым. Сверчок способен ‘свирист’, ‘свирищать’; он ‘сверчит’, ‘свиристит’ и ‘цирюкает’, отсюда и варианты его названий: ‘циркун’, ‘цвиркун’, ‘цирюкан’.

К звукоподражательным относят слова ‘грач’, ‘пчела’ и некоторые другие, «имитационный» характер которых уже не прослеживается.

Приведенный фактический материал, с одной стороны, иллюстрирует иконические характеристики ониматопей, заключающиеся в фонетически мотивированной связи между фонемами, формирующими план выражения слова, и заложенным в основу номинации акустическим признаком денотата, а с другой, представляет абсолютное забвение (на синхронном срезе языка) иконической природы слов, их конвертизацию в знаки-символы.

II

Вспомним, что индекс в трактовке Пирса — это знак, отсылающий к своему объекту не вследствие какого-то ему подобия, общих с ним ассоциаций, а на основе динамической (пространственной) связи с конкретным объектом, а также с чувством и памятью человека, для которого он служит знаком (Пирс 2000, с. 219).

В качестве индекса может быть использован указательный жест (Вон там огонь) или индексальный языковой знак, сообщающий об огне на расстоянии тысячи ярдов отсюда. Слово ‘отсюда’ будет служить в качестве индекса, так как обладает той же силой, какой наделен указательный палец, когда огонь находится где-то вблизи (Пирс 2000, с. 219).

К индексам относятся указательные местоимения ‘этот’, ‘тот’, ‘те’, устанавливающие реальную связь между разумом и объектом, на котором разум сосредоточен, относительные местоимения ‘кто’ и ‘который’, также (как и в случае с указательными местоимениями) требующие наблюдательной деятельности человека и направления его внимания на предшествующие слова в речи говорящего. К этой категории относятся притяжательные местоимения, указывающие на принадлежность чего-то кому-то, неопределенные местоимения ‘каждый’, ‘все’, ‘никакой’, ‘ни один’ и т.д. (Пирс 2000, с. 208-210). Безусловно, что индексальной природой обладают и личные местоимения.

Местоимение 1-го лица ед. числа обозначает лицо, говорящее про себя ‘я’. Русское ‘я’, английское ‘I’, немецкое ‘ich’ соотносятся со своими объектами по установленному правилу, проявляя при этом символические качества. Вместе с тем личные местоимения связаны со своими объектами индексально, указывая на того, кто говорит сейчас. На этом основании местоимение ‘я’ относится к индексальному символу. Jakobson цитирует Б. Рассела, писавшего, что такие знаки никогда не относятся сразу более чем к одному предмету. Каждый человек называет себя ‘я’, а обращаясь к собеседнику, он именует его местоимением 2-го лица ед. числа: ‘ты’ (хотя указанный таким образом субъект также «эгоцентричен»). В отношении личных местоимений Р.О. Jakobson, вслед за О. Есперсоном, предложил употреблять термин «шифтеры» (от англ. ‘shift’ — перемещать, передвигать, переносить). «Шифтеры» отличаются от всех других компонентов языкового кода только своей обязательной ссылкой на данное сообщение (Jakobson 1972, с. 98).

К индексальным знакам относятся также определенные и неопределенные артикли. С нашей точки зрения, к индексам можно причислить и слова-междометия. Междометия определяются как речевые знаки, слова-сигналы, употребляемые для кратчайшего выражения реакции человека на различные события реальной действительности или для выражения требования, желания, повеления (Ой! Ах! Ну! Чу! Марш! Стой! и т.п.). Различают произвольные выкрики человека, естественные проявления эмоций (смех, слезы, стон) и междометия как таковые. Кашель может означать простуду, но значением ни кашель, ни стон не обладают, так как в этих случаях сложный процесс коммуникативного кондиционирования не имеет места (Стивенсон 1985, с. 129-130). Только междометия являются лингвистическими сущностями, а естественные проявления эмоций должны изучаться другими науками.

Очевидно, эту зыбкую границу между естественными проявлениями эмоций и междометиями не смог провести А.А. Потебня, уделявший междометиям достаточно пристальное внимание. Ученый называл междометия «рефлексами волнения души», полагая, что они полностью свободны от значений. Несостоятельным оказался и тезис Потебни о невозпроизводимости междометий в речи. По его мнению, они каждый раз создаются заново. По этому поводу И.С. Торопцев пишет: «Всякий русский, произнося междометие ‘увы’ выражает чувство сожаления и без всякого сомнения воспроизводит это слово» (Торопцев 1985, с. 101). Нельзя считать междометия единицами, не способными передавать значения. Совершенно освободиться от сознания и воли невозможно. Неучастие воли и сознания в актах речи — иллюзорно в виду ее автоматизма.

Одновременно «работу» мысли в междометиях не надо гипертрофировать. Ч. Стивенсон ввел в научный обиход понятие «эмотивное значение», проявляемое в оппозиции «стимул — реакция». Эмотивным считается такое значение, при котором реакцией (с позиции слушающего) или стимулом (со стороны говорящего) является определенная гамма эмоций. Классификация эмотивных значений осуществляется в зависимости от видов эмоций. По убеждению Стивенсона, эмотивное значение - это видовое ветвление родового понятия «значение» (Стивенсон 1985, с. 132).

Таким образом, сегодня не отрицается тот факт, что междометия наделены значениями, следовательно, они имеют знаковый статус (так как семантика - главная составляющая часть семиотики).

Известно, что междометия не называют эмоций, а только указывают на них. Индексальную природу междометий прекрасно подметил А.А. Потебня. Он сравнил междометия с показаниями часовой и минутной стрелки на циферблате часов, когда их позиция на цифре «12» не значит 12 часов, а только указывает на конкретное время, или когда жар, скорость и медленность пульса не означают болезнь, а только служат ее признаками

для врача (Потебня 1993, с. 70). Именно к дейктическому полю языка относил междометия К. Бюлер (Бюлер 2000, с. 271).

Отмеченная психологами-когнитивистами прототипичность эмоций отражается на определенной типизации междометий как индексов эмоций, при этом один сигнал невозможно заменить на другой. Прав Ч. Стивенсон, говоря: «Когда актриса к месту произносит слово ‘увы’, это усиливает переживания зрителей. Большое впечатление производят на зрителей ее жесты, интонация, а также представленная в пьесе ситуация... Нельзя пренебрегать и привычной реакцией зрителя на слово ‘увы’. Представим себе, что актриса приучила себя, каких бы трудов ей это ни стоило, сохраняя все те же трагические жесты и интонации, вместо ‘увы’ говорить ‘ура’ Тогда сцена превратится в грубый бурлеск - настолько нелепым и насильственным будет столкновение между привычной реакцией на слово ‘ура’ и тем, как оно произносится» (Стивенсон 1985, с. 131).

Междометия наряду с другими языковыми единицами входят в словари, и, поскольку «каждое слово уже обобщает», они выступают как знаки-индексы «усредненных», нивелированных чувств и эмоций, которые носители языка проявляют в привычных жизненных ситуациях, продиктованных общностью социальной жизни. По Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой:

Ах! - выражает удивление, восхищение или испуг;

Ой! - знак испуга, удивления, боли;

Ба! - выражает удивление;

Эге и Э-ге-ге! - употребляется при обнаружении чего-нибудь важного или неожиданного, в значениях: ‘вот оно что!’, ‘вот оно так!’;

Караул!- крик о помощи при опасности;

Ура! - боевой клич войск при атаке, и также восклицание, выражающее восторженное одобрение.

Справедливости ради, отметим, что графическая презентация одного и того же восклицания на деле может соответствовать выражению разных состояний и настроению индивида. Например, ‘Ой!’ в одном случае соотносимо с чувством удивления, в другом - растерянности, в третьем - боли, и, наконец, в четвертом - с чувством восторга. Поэтому при объективации междометий в устной речи особую роль играет интонация, индуцированная конкретными обстоятельствами, что в определенной мере отличает междометия от других знаков языка. Заслуживает внимания тот факт, что, кроме однословных выраженных (Ах!, Ох!, Ау!), имеются междометия, состоящие из двух и более компонентов. Не утрачивая индексальных характеристик, но подвергаясь переосмыслению, такие конструкции сближаются с идиомами: Ясное море! (индикатор удивления); Японский городской! (эвфемистический индекс чувства досады, раздражения, реакция на что-то неожиданное или странное). См. другие примеры:

1) - Купил!.. Лошадь-то... Мать честная! (Зощенко М.М. «Беда»);

2) Ох ты, мать твою курица! - захохотал Евграф Подпрятков, человек богомольный, со словами осторожный, восхитясь Савельевым рассказом (Леонов Л.М. «Барсуки»);

3) Матвей Костиевич с ужасным хриплым непонятным возгласом: «Ах ты, Сибирь нашего царя!» - одним ударом отправил унтера Фенбонга головой в дальний угол кабинета и, склонив широкое темя, как разъяренный вол, кинулся на солдат (Фадеев А.А. «Молодая гвардия»).

Образность многокомпонентных междометий предписывает некое уподобление означающего вторичному означаемому, аналогично процессу, происходящему в метафорах (Якобсон 1983, с. 113), и это позволяет говорить об иконических индексах как о своеобразном подвиде индексальных знаков.

Таким образом, сделана попытка расширить бытующие представления о знаках-индексах путем отнесения под их рубрику междометий. Вместе с тем на новом материале получено подтверждение идеи Ч.С. Пирса о возможном переходе одного типа знаков в другой. Наряду с отмеченными Якобсоном индексальными символами речь может идти об особом подвиде индексальных знаков — иконических индексах, которые, с нашей точки зрения, также имеют право на существование.

III

В семиотическом плане символ как один из видов знаков противопоставляется иконе и индексу. Основанный на конвенциональности, он никаким образом не отражает природу означаемого.

«Символ есть знак, который отсылает к обозначаемому или объекту в силу закона.., действующего так, чтобы интерпретировать символ как отсылающий к этому объекту» (Пирс 2000, с. 186).

Пирс относит к символам любые слова (например, давать, птица, свадьба). С его точки зрения, символ применяется к чему бы то ни было, что способно воплощать идею, «связанную» словом. Однако сам по себе символ не идентифицирует эту вещь и не представляет нашему взору акт передачи, имплицитный словом 'давать', или церемонию бракосочетания, которую обозначает слово 'свадьба', но предполагает, что человек может представить все эти вещи и ассоциирует с ними соответствующие слова (Пирс 2000, с. 216).

Вместе с тем символы, составляющие большую часть корпуса языковых знаков, не являются однородными. Их принято подразделять на мотивированные (производные) и немотивированные, т.е. не обладающие качеством производности. Немотивированные знаки — конвенциональны. Они выступают в качестве принятых по договору ярлыков, используемых для обозначения вещей. Мы реагируем на такие слова, как 'конь', 'кот', 'дам', 'река', 'лес', 'слеза', 'глаз', условным рефлексом понимания, не видя оснований, почему каждое из этих слов значит то, что оно значит (Дорошевский 1973, с. 220).

Отличительным смыслом мотивированного, производного знака является его связанность с другими языковым знаком или знаками. Между парой слов, характеризующейся отношением производности, устанавливается формальная и семантическая связь, при этом в производном знаке содержатся показатели, отсылающие данный законотворитель к признаку, обозначенному другим знаком: «Каждое производное имеет собственное значение именно потому, что оно выражает особое отношение к мотивируемому слову» (Кубрякова 1965, с. 27; Ее же 1981, с. 11-13).

Наши наблюдения показывают, что на уровне производности (как бы на новом «витке») вновь можно говорить об иконических и индексальных знаках. «Вторичная» иконическая сущность мотивированного знака заключается в уподоблении его звуковой оболочки (означающего) признаку, заложенному в основу его номинации, хотя сам признак не имеет ничего общего с означаемым и лишь условно (символически) связан с ним.

Обозначим рубриками выделенные нами признаки и рассмотрим следующие примеры. Примеры здесь и далее по: [Черных 1994; Ожегов, Шведова 1996]:

Признак цвета

Синица — небольшая очень подвижная певчая птица с пестрым оперением при преобладании, однако, цветов желтого (в нижней части тела) и синего и зеленовато-голубого (в верхней);

рябчик — лесная (бровая) птица с короткими крыльями, хохолком на голове и пестрым оперением (рыжевато-серым с бурыми, белыми и черными пятнами и полосами);

белуга — самая большая промысловая рыба с черной спиной и белым брюхом;

голубика — ягодный кустарник с лиловато-синими ягодами с голубовато-сизым налетом.

Во всех перечисленных случаях «материя» производных лексем непосредственно связана со словом, обозначающим признак, физически присущий конкретному денотату, но связь между этим словом и денотатом не объяснима, она — произвольна. При этом специально отметим: как и в случае звукоподражаний, многие лексемы, с позиций синхронного анализа, утрачивают соотнесенность с признаками цвета, заложенными в основу их номинаций и перестают с ними ассоциироваться. Человеку приходится прилагать усилия, чтобы «отсылка» к цвету состоялась.

Например, почему лесной зверек с пушистым хвостом — белка (в сознании людей, живущая в средней полосе России, обычно красновато-рыжего цвета) называется 'белкой'? По словарю В.И. Даля, в давние времена белки, населявшие наши леса, различались по цвету меха: они были черными и голубыми. Особенно высоко ценилась хорошо выпцветшая ('дошлая') шкурка (Даль 1994, с. 382).

В Древней Руси водились и белые белки. П.Я. Черных приводит любопытную цитату из записок путешественника конца XVII века: «Между белками, ловимыми в Камских лесах, изредка попадаются совсем белые, которых ловцы называют князьями беличьего рода» (Черных 1994, с. 83). С признаком «белы» связывает имя «белка» М. Фасмер (Фасмер 1964, с. 148).

В свою очередь, имя ‘соловей’ навряд ли окажется связанным в сознании «рядового» носителя русского языка с прилагательным ‘соловый’ (хотя оперение этой птицы рыжевато-бурого цвета, а ‘соловый’ значит ‘желтый’).

Точно также, как и в производных словах со звукоподражательной основой, необходим этимологический анализ таких слов, как ‘зелье’ или ‘фиалка’, для того чтобы осознать их «вторичные» иконические характеристики.

Хотя каждый человек, живущий в нашей стране, постоянно видит на мелких монетах изображение Георгия Победоносца, попирающего копьем Змея, не всякий русский скажет, почему копейка так называется. Еще более интересен тот факт, что копейку в Новгороде будто бы когда-то называли ‘сабленицей’, потому что на ней чеканилось изображение всадника с саблей, и лишь впоследствии сабля была заменена на копьё (Черных 1994). Но и сегодня «визуальный» признак ‘копейки’ ни с чем не ассоциируется в сознании носителей русского языка.

Словарь П.Я. Черных подсказывает, что и слово ‘чучело’ некогда являлось мотивированным. Оно произведено от давно вышедшего из употребления имени ‘чума’. По Далю, ‘чума’ - первобытный народ, населявший сибирский север. Отсюда ‘цоща’, ‘чучело’, ‘чучелка’ - пугало на огороде, шугало; подобие человека, кукла. Следовательно, ‘чучело’ как языковой знак также фиксирует в себе «визуальные» признаки далекого от русского стандарта нелепого и пугающего облика представителя этого народа в непривычном для русского «глаза» одеянии.

Признак субстантивированного действия

Составляющие этого раздела представим следующими словами:

плетка (от «плету»); плести — производить, изготавливать что-либо путем свивания, скручивания, увязывания в одно целое первоначально разрозненных прядей, нитей, прутьев, ременных или иных полос;

подкова (от «ковать»); ковать - обрабатывать молотом металл, придавая ему нужную форму (в данном случае — форму подковы — толстой железной пластинки в форме разомкнутого кольца, прибаваемой по краям копыта ездового животного);

молот (от «молоть», «дробить с помощью чего-то тяжелого»); ухват (от «ухватить», «хватать») — металлическая рогатка на длинной рукоятке для подхватывания в печи горшков, чугунков.

В слове же ‘цапля’ трудно усмотреть субстантивированное действие от ‘цапать’ (цапля - большая птица отряда голенастых, с длинной шеей и

длинными ногами, с прямым конусообразным клювом; при помощи этого клюва птица и ловит свою добычу).

Лишь тому, кто имеет определенные знания в области истории денег, понятна глагольная подоснова лексемы 'рубль'. Слово 'рубль' употребляется с XIII в., обозначая продолговатый серебряный слиток, в Москве того времени - половинный обрубок гривны.

От глаголов произошли и многие другие слова русского языка 'петух' (от 'петь'), 'пиявка' (от 'пить'), 'вилы' (от 'вить'), 'врач' (от 'врать'), в которых уже «не звучат» названия производных действий.

Признаки сенсорных (чувственных) восприятий

К производным лексическим единицам этой подгруппы отнесем такие слова, как:

Горчица - острая (горькая) полужидкая приправа к пище, изготавливаемая из порошка, получаемого из жмыха горчицы.

Сласти — от вкусового признака 'сладкий', хотя слово 'кисель' уже давно не ассоциируется с понятием 'кислый'.

'Солянка' и 'колочка' до сих пор способны увязываться со свойствами, передаваемыми производящими основами, чего нельзя сказать о лексемах 'осетр' и 'смородина'.

'Осетр' — крупная жирная рыба семейства осетровых с конусо- или мечевидным рылом, с рядами острых костных чешуек; наименование ягоды 'смородина' произошло от исходящего от нее своеобразного удушливого запаха ('смада').

Соматические признаки

Их содержат слова 'рукав', 'ушанка', 'плечики' (жесткая планка на крючке, вешалка, по форме которой расправляются плечи одежды), и почти утратили или совсем утратили слова 'очко', 'наперсник', 'бородавка'. Например, 'бородавка' - небольшой бугорчатый нарост на коже человека (иногда с торчащими волосами, т.е. с бородой, бородкой).

Признаки формы и меры

Учитывая, что принцип анализа известен, ограничимся лишь перечислением ряда лексем, в основе которых содержится признак формы или признак меры: 'кружка', 'тупик', 'кубок' (признак формы); 'полка', 'целина', 'пригоршня', 'глоток' (признак меры). В большинстве этих случаев уже нет аллюзии ни к форме, ни к мере.

«Вторичная» индексальная сущность мотивированного знака заключается в связи звуковой субстанции слова (означающего) с признаком, заложенным в основу номинации, который указывает на отношение смежности данного признака с означаемым, хотя это отношение и следует признать абсолютно условным. К указанному разряду слов можно отнести лексемы, образованные от числительных 'вторник' (второй день недели), 'четверг' (четвертый), 'пятница' (пятый день), а также другие производные слова: 'первенец', 'осьмушка', 'десятина'; наречия 'сегодня' ('сего-дня'), 'завтра' (от 'за-утра'), 'вчера' (от 'вечер') и т.п.

Заключая разбор примеров, необходимо подчеркнуть, что когнитивную ценность представляют не только знания о мире, представляемые в содержании, но и в плане выражения языка.

Анализ, сосредоточенный на материальной субстанции знаков, демонстрирует способность одних знаков «живописать» означаемое, других — служить в качестве указателей, то есть в обоих случаях по-своему отражать реальную действительность — непосредственно или по смежности. Эти знаки относятся к знакам-иконам и знакам-индексам.

Иконы и индексы составляют лишь небольшой участок совокупности всех языковых знаков. Большая часть знаков принадлежит к знакам-символам, которые, в свою очередь, подразделяются на мотивированные и немотивированные знаки. Особый интерес как раз и вызывает иконичность и индексальность которой, обладают мотивированные знаки-символы.

Однако их иконичность и индексальность — другого уровня, чем иконичность звукоподражательных слов или индексальность междометий. Если «первичные» иконы подражают природе и «первичные» индексы несут указательную функцию напрямую, то «вторичные» иконы и индексы связаны с действительностью путем отсылки к другим знакам, которые конвенционально закреплены за предметами и явлениями окружающего мира. Таким образом, через символы (мотивированные знаки) устанавливается новая, «вторичная» связь с реальной действительностью. Наблюдая за этим процессом, нельзя не обратить внимание на имеющий место «круговорот»: языковые знаки стремятся к своей немотивированности, к статусу знаков-символов. «Первичные» иконы, например, (как показывает наш материал) становятся «чистыми» символами. Но с другой стороны, символы (производные знаки) представляются в виде собственных иконических или индексальных сущностей, которые вновь призваны быть конвертированными в знаки-символы, и т.д.

Если оставить в стороне семиотическую иерархию знаков и обратиться к идеальным образованиям, «схваченным» языковыми знаками, — то есть к концептам, то необходимо помнить, что и концепты имеют свою собственную типологию, основанную на особенностях когнитивных структур, которые они репрезентируют (Бабушкин 1996). Эта типология выявляет существование разных по своему характеру ментальных образов, которые, как нам думается, совершенно не зависят от мотивированности или немотивированности объективирующих их языковых знаков. Имеется ввиду, что на мыслительную структуру, реализуемую в сознании, не влияет то, каким образом она «подсказана» материальным знаконосителем или «не подсказана» совсем.

Человек, говорящий по-русски, может соотнести мыслительный образ синицы («картинки») с признаком, закрепленным в знаке (если он когда-нибудь видел эту птицу), но такое соотношение не является обязательным. Носитель русского языка не задумывается над тем, почему слово ‘свадьба’ звучит именно так, а не иначе. Однако это отнюдь не мешает ему

представить семему лексемы ‘свадьба’ в виде сценария и реализовать в своем сознании слово ‘дорога’ в виде концепта-схемы. Собственно говоря, в этом феномене и заключается функциональная сущность языковых знаков. Но бесспорно и то, что сами знаки, их материальные «тела» по-своему информативны.

10. Выход сознания в «возможные миры» и их вербализация

Сослагательное наклонение как «окно» в возможные миры

Сослагательное наклонение представляет действие, выраженное глаголом, не как реальное, а как желаемое, предполагаемое, возможное (или невозможное), которое могло бы произойти при выполнении определенных условий: Вы бы многое знали, если бы читали газеты; Если бы у меня были деньги, я бы купил эту книгу. Наиболее распространенная форма объективизации сослагательного (или условного) наклонения в русском языке – глагол на “л” в сочетании с частицей “бы”. Вместе с тем, сослагательное наклонение глагола – явление, свойственное многим языкам и, как свидетельствует литература, возможно выстроить типологию языков мира в зависимости от того, имеется ли в них подобная категория, и, если да, то какими средствами обеспечивается ее реализация. Так, например, в русском языке, как отмечалось выше, имеется единственный способ выражения сослагательного наклонения, не имеющий временного плана, тогда как в английском – наблюдается разграничение аналитических форм условных предложений, одна из которых соотносится с настоящим и будущим, а другая – с прошедшим временем.

Нельзя сказать, что условные предложения являлись предметом особого внимания лингвистов с точки зрения несомой ими семантики. За последнее десятилетие можно отметить лишь серию работ В.С. Храковского, специально посвященных анализу условных конструкций как на материале русского языка, так и на фоне других языков, в том числе, и экзотических (Храковский, 1994; Храковский, 1996-а; Храковский, 1996-б).

Ученый рассматривает соотношение кондициональных и темпоральных значений в условных предложениях, выделяя более сорока типов моделей, что позволяет автору разработать своеобразную анкету для описания подобных конструкций в различных языках мира, выделить ядерные и периферийные структуры в рамках одного языка. Оказационально условные предложения в западной литературе, чаще всего, английской, используются для иллюстраций идеи так называемых “иных” (или “возможных”) миров.

Возможные миры – это одна из чрезвычайно сложных и глубоких логических, математических и лингвистических проблем. Инициатором

постановки вопроса о возможных мирах выступил немецкий философ, физик и математик Готфрид Вильгельм Лейбниц. Лейбниц разработал ряд “априорных”, независящих от опыта принципов бытия, относя к ним:

1. непротиворечивость всякого возможного или мыслимого, бытия;
2. примат возможного над действительным (существующим), в том числе, возможность бесчисленного множества непротиворечивых миров;
3. достаточную обоснованность того факта, что существует именно данный мир, а не какой-либо другой из возможных;
4. совершенство данного мира как достаточное основание его существования.

По Лейбницу, реальный мир состоит из многочисленных субстанций, неделимых первоэлементов бытия – “монад”, гармония между которыми утверждается с помощью Божественной силы (Философский энциклопедический словарь 1983, с. 305). Божественный разум непременно и извечного содержит варианты беспредельного набора миров, творя его таким, каков он есть (Краткая философская энциклопедия 1994, с. 239). Следовательно, возможные миры – совокупность альтернатив, из которых Создатель делает свой выбор. Иные миры возможны, по крайней мере, в том смысле, что они логически состоятельны.

Эти миры имеют завершенную форму, так как они содержат тотальность всех возможных живых существ, “свою” Вселенную в ее пространственных границах и временной истории.

Не все постулаты Лейбница стали достоянием современной науки, но его идея о необходимости как истинности во всех возможных мирах легла в основу особого направления в модальной логике, известного под названием семантики возможных миров, которое получило развитие в работах С. Крипке, С. Кангера, Я. Хинтикки и других ученых. Заметим, что современная логика увязывает проблему иных миров именно с истиной как адекватным отражением предметов и явлений действительности познающим субъектом, а также с категориями времени и модальности (Adams 1996, p. 633).

Имеется несколько противоположных точек зрения на иные миры. Наряду с непринятием самой идеи возможных миров до сих пор существует мнение о том, что иные миры – это реально существующие пространства, заключающие в себе физически воспринимаемые сущности в виде конкретных небесных тел, городов, населяющих их людей и т.п. “Мне кажется, что все, кто так рассуждает, как-то слишком буквально понимают метафорическое выражение “возможные миры”. Как будто “возможный мир – это что-то вроде другой страны или отдаленной планеты, а действующие в нем лица едва различимы через телескоп”, - пишет С. Крипке (Крипке 1982, с. 354). Ученый предлагает даже отказаться от термина “возможный мир”, используя вместо него выражение “контрфактическая ситуация”.

В условном предложении, реализующем контрфактическую ситуацию, логики различают антецедент (первый член условного предложения,

формирующий собственно условие) и консеквент (второй член условного предложения или следствие) по модели “Если Р, то Q”, где Р – антецедент, а Q – консеквент. Логика считает данные конструкции истинными только в том случае, когда истинен консеквент в ближайшем из возможных миров, и в этом ближайшем мире истинным должен быть также и антецедент: Если бы вы повернули выключатель, свет загорелся бы. “Контрфакт” относительно выключателя правдив, если “мир”, в котором при повороте выключателя загорелся бы свет, близок к тому реальному миру, в бытовании которого поворот выключателя действительно приводит к освещению помещения (Davis 1996, p. 164). Наряду с ближайшим возможным миром, ученые, задаваясь вопросом об истинности того или иного высказывания как о доказательстве отражения действительного мира, признают существование других альтернативных миров (Ле Пор 1986, с. 191), если только объективирующие их высказывания не противоречат законам логики. “Существуют возможные миры с утонувшими рыбами и летающими лошадьми, но нет миров с дядями женского пола или с матерями, не имеющими детей”, – отмечает П. Сгалл (Сгалл 1985, с. 396).

Важно подчеркнуть, что, с одной стороны, логические построения нуждаются в языковом материале, который бы иллюстрировал работу подвергаемых анализу механизмов мышления, а с другой (в поиске истины) – они когнитивно ориентированы. Считается, что в данной области крайне необходим обмен мнениями между логиками и лингвистами, так как в логике понятие возможных миров разработано гораздо глубже, чем в науке о языке (Карттунен 1985, с. 308).

II

Предметом нашего исследования является когнитивный аспект условных предложений русского языка (впрочем, это мог бы быть любой другой европейский язык, в частности, английский) с позиций иных миров, отличных от реального или действительного мира.

Под иными мирами мы имеем в виду ментальные пространства языка, в сфере которых в разной степени реализуется возможность бытования или совершения тех или иных действий. Выводы о степени возможности основываются на знаниях человека об окружающей действительности и о самом себе. Не случайно вероятность определяется как характеристика степени возможности появления некоторого события при определенных условиях (Горский 1991, с. 23).

Речь идет о картинах, полученных в результате мыслительных проекций действий как речевых актов в иную ипостась относительно позиции “здесь и сейчас”.

Каким же образом лингвист способен “уловить” факт существования иных миров? В нашей работе мы использовали несколько приемов, а именно (по следующим ниже разделам, в том же порядке):

1. Когнитивный анализ условных предложений;

2. Простейший метод исчисления предикатов на основе знаний ролевых функций субъектов высказывания;

3. Метод контекстуального анализа, сводимый к анализу пресуппозиций;

4. Логика здравого смысла.

Можно выделить, по крайней мере, 4 семантических ареала иных миров:

1. Пространство ближайшего мира

Условные предложения данной сферы маркируются наибольшей или абсолютной вероятностью действия, мыслительная фиксация которого закреплена моделью “Если Р, то Q”. В рассуждениях о повороте выключателя, вызывающего активацию светового эффекта, подчеркивается универсальность ожидаемого результата при выполнении указанного условия, даже если в каком-то конкретном случае будет иметь место факт “обманутого ожидания” (например, в лампочке перегорела нить накала). Уверенность в истинности следствия зиждется на пресуппозиции известного физического закона – при замыкании электрической цепи инициируется поток электронов.

См. пример:

Если бы у ребенка была корь, у него болели бы глаза и горло, а на теле появилась бы характерная сыпь.

За “кадром” этой условной конструкции содержится информация о данной болезни:

Корь – это острое инфекционное заболевание, протекающее с лихорадкой, крупнопятнистой сыпью на теле, катаральным воспалением слизистой оболочки глаз, полости рта и дыхательных путей.

Ср. также:

Если бы камень попал в окно, оно разбилось бы; Если бы водитель вовремя не затормозил, произошла бы крупная авария.

Важно указать здесь на однозначное соответствие условия и следствия – если имеет место Р, то проявление Q обязательно и неотвратно.

Коллективный характер знаний следует отличать от экспликации личностных заблуждений, вербализованных по той же модели “Если Р, то Q”:

Если бы человек, властитель мира, умнейшее из дыхательных существ, произошел бы от глупой и невежественной обезьяны, то у него был бы хвост и дикий голос (А.П. Чехов. Письмо к ученому соседу).

Говорящий верит в неизбежность следствия при заявленном условии, но запас знаний, которыми он располагает, не соответствует истинному положению вещей в мире.

2. Пространство возможного мира

Под эту рубрику мы подводим условные конструкции, имеющие не одно, а множество потенциально возможных консеквентов, каждый из которых соответствует действительности в ее проекции на возможный мир.

Рассмотрим пример:

Если бы Юлины родители были бизнесмены, то они обязательно отправили бы родную дочь отдыхать на Канары.

Первый член условного предложения “Если бы Юлины родители были бизнесмены” (соответственно нашим знаниям о мире), может иметь ряд прогнозируемых вариантов, способных сформировать второй член условной пропозиции.

Если Р, то Q1/Q2/Q3/Q4

Если бы Юлины родители были бизнесмены,

Q1 – они жили бы в роскошном особняке.

Q2 – развезжали бы на иномарке.

Q3 – лечились бы в частной клинике.

Q4 – они определили бы дочь учиться в престижный вуз.

Таким образом, “они обязательно отправили бы родную дочь отдыхать на Канары” – лишь одно из следствий указанного выше условия.

См. другие примеры:

Вы, гражданин, непременно оборвали бы ваши шнурки, если бы наступили на них ногой (М. Зощенко. Хорошая игра).

[Q1 – вы бы запачкали ваши шнурки

Q2 – вы бы запнулись

Q3 – вы бы упали, если бы наступили на них ногой]

Вот бы мать с отцом были живые, ты бы с ребятами приехал – сидели бы все на веранде, чай с малиной попивали (В. Шукшин. Чудик).

Если бы не революция, разве я пошел бы в дети лейтенанта Шмидта (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок)?

Хотя левая часть конструкции представляет собой условие, открытое для выражения потенциально возможных действий, фиксируется только один из этих возможных вариантов.

3. Пространство “мира упущенных возможностей”.

Условное предложение “мира упущенных возможностей” несут информацию о действиях, которые могли бы иметь место в прошлом, но по ряду причин не состоялись и остались лишь в области воображения:

Вчера, когда я плакала перед вами, если б мне сказали одно слово, одно только слово – я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда (И. Тургенев. Ася)

Он (Пушкин) писал бывшему лицеисту Малиновскому: кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история, роковая пуля встретила бы мою грудь – я бы нашел средство сохранить поэта – творца, достояние России (А. Слонимский. Пушкин и Пушкин).

Размышляя тогда, и теперь очень часто, о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: “Что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю” (И. Пущин. Записки о Пушкине).

Знания говорящего концентрируются на ситуации DE FACTO; нереальные возможности, указанные в приведенных выше условных конструкциях, позволяют судить о сложившихся в действительности,

сценариях, продиктованных фактическим стечением обстоятельств, которые могут оказаться антонимичными по отношению к динамике воображаемых событий. Хотя сослагательное наклонение не имеет временных характеристик, в плане содержания высказываний актуализируется так называемое ирреальное прошедшее (Менькова 1988, с. 127).

4. Ирреальный мир

Ирреальный мир, отражаемый в условных предложениях, подразделяется в нашей иерархии “миров” на две ипостаси: нереальный, но земной мир и алогичный мир.

Условные предложения, фиксирующие ирреальный, но земной мир, оперируют фактами и событиями, которые, в принципе, физически возможны, но они – нелепо преувеличены или комически бессмысленны:

*Если бы выставить в музее
плачущего большевика,*

*Весь день бы в музее
торчали ротозей.*

*Еще бы - такое
не увидишь и в века!*

(В. Маяковский. В.И. Ленин)

Чего – чего, а есть Иван умел. И если бы за это умение давали звание, то Иван был бы примерно подполковником (Л. Давыдычев. Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семенова, второклассника и второгодника).

Может быть, и есть такое место под солнцем, где за рекордный аппетит дают определенные знаки отличия? Излюбленная шутка лондонских подростков – застыть на несколько минут в зале знаменитого Музея восковых фигур мадам Тюссо. Однако подобные события нарушают общепринятые стереотипы поведения и напоминают сцены из театра абсурда. В реальной жизни “так не делают” и “так не поступают”. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть некомический характер как самих деятелей, так и условных действий, хотя они квалифицируются как смешные и несуразные.

Алогичный мир – это “иной мир” в полном смысле этого слова. О сослагательном наклонении как о явлении, отражающем факты иных миров, пишет А.А. Кретов. По А.А. Кретову, исследовавшему проблему констатации “невозможного” (и сослагательное наклонение - первый, хотя и не единственный его маркер), категория невозможного трактуется как категория скрытой грамматики русского языка, в отличие от явной её манифестации в некоторых других языках. Так, например, в абхазском языке имеются специальные грамматические средства, выражающие оценку высказывания говорящим с точки зрения соответствия - несоответствия его содержания действительности и тем самым указывающие на объективацию фантазии, вымысла, воображения в речи. Учёный подчеркивает, что категория невозможности позволяет определить

рамки “языковой картины мира”, выявить представления носителей языка о том, что возможно или невозможно в окружающей нас действительности. “Категория ирреальности, - подчёркивает А.А. Кретов, - обслуживает креативную, творческую функцию языка и основана на осознании языковым коллективом относительной независимости, самостоятельности, свободы языка от окружающей действительности” (Кретов 1993, с. 131).

См. ниже следующие иллюстрации:

Фигуры (в костюмах Евы) кокетливо улыбаются и вообще имели такой вид, что, кажется, если бы не обязанность поддерживать подсвечник, то они прыгнули бы с пьедестала и устроили бы в комнате такой дебош, о котором, читатель, даже и думать неприлично (А. Чехов. Произведение искусства).

Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников (Сочинение Козьмы Прутова. Афоризмы.)

Вот если бы я умела вся складываться, как подзорная труба или, еще лучше, как веер, - тогда бы другое дело! Научил бы меня кто-нибудь, я бы сложилась и все в порядке (Л. Керрол. Алиса в стране Чудес. – Пересказ Б. Заходера).

Отец обожал маленьких детей. Сам пеленал, купал и наверняка кормил бы грудью, если бы она у него имелась (Из газет).

В качестве фильтра вероятности подобных событий выступает здравый смысл. Здравый смысл – это совокупность взглядов людей на окружающую действительность и самих себя, используемых в повседневной практической деятельности. Именно с позиции здравого смысла мы понимаем юмористический “запал” приведенных выше условных предложений.

Тем не менее, разграничение двух сфер “ирреального мира” не абсолютно. Еще в 20-ых годах В. Асмус писал: “Самый отчаянный фантаст и визионер не “творит” свои образы, но слагает их, комбинирует, синтезирует из реальных данных и реальных компонентов опыта. Поэтому в самом безумном и нелепом представлении всегда можно найти какой-то пусть ничтожный, но все же реальный эквивалент” (Асмус 1968, с. 30-31).

Ах, - говорил Бендер – высокий класс! Если бы я был женщиной, то делал бы такому мужественному красавцу, как вы, восемь процентов скидки с обычной цены (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Размышляя о фактах фантазии, философ начала века не мог и предположить, что, например, достижения медицины позволяют изменять пол человека, данный ему от природы, то есть алогичный мир вдруг станет возможным миром. Удивительно, что превращения Шарикова в “Собачьем сердце” М.А. Булгакова воспринимается читателем и зрителем не как метафора, а как реальный факт. Мир художественных произведений, творимый пером художника, - это особый предмет изучения.

Таким образом, проведенное исследование показало, что содержание давно вошедшего в научный обиход термина “семантическое пространство языка” не является одноплановым. Наши знания способны подразделять это пространство на возможные миры. Эти миры существуют не “где-то там”, а в сознании человека.

Сослагательное наклонение вывело нас на проблему существования целого ряда миров, открывая перспективу более глубокого анализа “возможных миров” на материале выражаемых в языке условно-следственных отношений.

«Тот самый Мюнхгаузен» в границах «возможных миров»

Объективный мир – это реальность, заданная в координатах пространства и времени. Философы определяют его как «бытие сущего», как действительность, которую отражает человеческое сознание, выстраивая образ мира, формируя его картину. Эту картину в ее вербализованном формате принято называть языковой картиной мира. Одна из специфических особенностей языковой картины мира заключается в том, что она допускает существование (в отличие от научной картины) огромного количества мифических объектов и субъективных характеристик (Корнилов 2003, с. 21).

Как уже неоднократно отмечалось, в семантике языка имеются мыслительные пространства, которые не копируют содержание окружающей нас действительности. Эти мыслительные конструкты, также объективируемые языком, следует отнести к категории так называемых «возможных миров». Мысль человека способна выходить за пределы сущего, позволяя воображению рисовать «реальность нереального». То, насколько приближены эти картины к действительности, или насколько они удалены от нее, определяется когнитивным опытом человека и человечества в целом (Бабушкин 2001, с. 4).

Способность проникать за пределы сущего характерна для искусства в его различных ипостасях. Говоря о «возможных мирах» в области художественной литературы, обычно апеллируют к логическому и референциальному статусу изображаемых героев и событий. Оригинальную интерпретацию «иных миров», воплощенных в авторских текстах, представляет А.Д. Шмелев. С точки зрения ученого, эта проблема решается через обращение к особому роду «действительности», какой является вымышленная действительность, создаваемая пером писателя. Утверждение о том, что Шерлок Холмс – это реальный, некогда живший в Лондоне человек – ложно в реальном мире, но оно оказывается истинным в мире рассказов о приключениях замечательного английского сыщика». Писатель как бы «притворяется», что повествует о реальном мире. Постулируется существование ряда возможных миров, в которых художественная фантазия представляется как достоверный факт, и из этого множества можно выделить такое подмножество миров, которые

отличались бы от мира действительности в минимальной степени. Положения, истинные в каждом из этих возможных миров, будут рассматриваться в качестве истинных и в «мире» литературного вымысла (Шмелев 1995, с. 115-116).

Зато без всякого «притворства» вполне осознанными в качестве художественной фикции создаются байки, произведения фантазийного жанра, волшебные сказки и явные небылицы. К произведениям подобного рода относятся и забавная книжка Эриха Распе «Приключения барона Мюнхгаузена», разговор о которой начнем с одной исторической справки.

В 20ые годы прошлого века возникло движение, направленное на полное искоренение вымысла в художественной литературе, прежде всего, детской, на том основании, что строители новой жизни должны верить фактам, а не продуктам воображения, надуманным, неправдоподобным, а значит и вредным. Однако, к счастью, среди участников дискуссии по поводу «литературы факта» и «фактов литературы», нашлись люди, которые открыто заявили, насколько важна для прогресса науки фантазия, насколько ценна «неустрашимая плодотворность» художественного вымысла.

По их справедливому замечанию, вымысел нельзя приравнять к «химерам» – образам, заполняющим сознание курильщиков гашиша или опия. «Самый отчаянный фантаст и визионер не «творит» свои образы, но слагает их, комбинирует, синтезирует из реальных данных и реальных элементов опыта. Поэтому даже в безумном и нелепом представлении всегда можно найти какой-то пусть ничтожный, но все же реальный эквивалент», – подчеркивал один из активных защитников вымысла известный советский философ В.Ф. Асмус (Асмус 1968, с. 30). Это относится и к «Приключениям барона Мюнхгаузена». В книге, полной неумной фантазии, целиком сотканной из небылиц, тоже имеются рациональные моменты. Действительно, уже в самом начале приключений барона вымысел «заземляется» самим же автором. Это «заземление» можно усмотреть в «декорациях», на фоне которых развиваются события. В тексте повествования упоминаются реалии российской действительности: имена людей, «существовавших» в эпоху Мюнхгаузена, что позволяет «датировать» рассказанные им истории: царь Петр, фельдмаршал Миних; указывается на знаковый для России атрибут – колокольню, описываются климатические и природные явления нашей страны: мороз, снежные заносы, дремучие леса с их обитателями: зайцами, волками, медведями, кабанами и оленями; отмечаются характеристики, присущие русскому народу: веселье, тяга к вину и т.д.

Однако «правда жизни» не может вступить в соревнование с озорной фантазией писателя. Вспомним об охотничьих «победах» барона, о его трофеях в виде уток, по «сквозному принципу» нанизанных на веревку с кусочком сала, семи куропатках, пронзенных острием шомпола, выпущенного из ружья вместо пули, а также вывернутого наизнанку волка. В роли пули выступает и вишневая косточка, попавшая в голову оленя, из

которой вырос усыпанный спелыми ягодами куст. Военные приключения Мюнхгаузена занимательны: он летит в стан неприятеля на пушечном ядре, скачет на половине лошади, когда вторая ее половина, отсеченная упавшей крепостной решеткой, спокойно «пасется» на лужайке; по бобовому ростку забирается на Луну, чтобы достать заброшенный туда и зацепившийся за рог месяца топорик (Распе 2011).

Одним словом, жизнь барона Мюнхгаузена протекает в пространстве одного из вариантов «возможных миров», рефлекслируемого в картине особого мира – назовем ее гротескной картиной. По Словарию иностранных слов Л.П. Крысина, гротеск – это нечто фантастическое, причудливое, затайливое и смешное, т.е. картина мира зависит от того, каков сам «мир», который она «картирует» (Крысин 2012, с. 212). Специфика этого «возможного (а скорее, невозможного) мира» видится в абсолютном неверии в его существование, однако через это неверие читателей явно «просвечивается» вера в объективный мир как всеобъемлющую реальность, в которую человек включается на протяжении всей его жизни. Об этом прекрасно сказал К.И. Чуковский в статье «Разговор о Мюнхгаузене» (– так у Чуковского):

«Именно при помощи своих фантазий и сказок эта книга утверждает ребят в реализме. Самый хохот, с которым встречают они каждую авантюру Мюнхгаузена, свидетельствует о том, что ложь им ясна. Они именно поэтому и хохочут, что всякий раз противопоставляют его измышлениям реальность. Это-то и радует их больше всего. Это повышает их самооценку: «Ага, ты хотел нас надуть, не на таковских напал!». Тут спор, тут борьба, тут полемика, и их оружие в этой борьбе – реализм» (Чуковский 1958, с. 176). Таким образом, гротескная картина мира оказывается лишь одной из сторон двуплановой картины – за ней скрывается пространство реального мира, который полностью подтверждает ее фиктивность.

Но важно и другое. Барон Мюнхгаузен из старой детской книжки Э. Распе шагнул на современный «взрослый» киноэкран. В фильме «Тот самый Мюнхгаузен» он (в блистательном исполнении Олега Янковского) предстает как благородный и честный человек, восстающий против лжи и лицемерия высшего общества. Его шутки только кажутся лишенными здравомыслия, им находят вполне закономерные объяснения. Так неутомимый выдумщик оказывается в пространстве еще одного «возможного мира», который люди нашего времени невольно ставят в параллель с миром удивительных приключений «настоящего» Мюнхгаузена.

*«Реальный мир» и «возможные миры»
в анекдоте с фоновыми знаниями*

По определению А.М. Ломова, фоновые знания говорящих – это «знания, сопутствующие речевому общению и необходимые коммуникантам для того, чтобы коммуникация была успешной» (Ломов 2004, с. 384).

Сущность фоновых знаний ученый иллюстрирует на примере известного анекдота про Иванушку Дурачка, который захотел, чтобы пойманная им волшебная щука (в духе улова простака Емели) сделала его царем. Заснул Иван, а на утро – ему: «Ваше величество, пожалуйста в подвал фотографироваться» (Ломов 2004, с. 384).

Комментируя этот анекдот, автор указывает на необходимость предварительных знаний русского фольклора (не одного, а целого ряда произведений устного народного творчества), чтобы понять, каким Иванушка Дурачок предстает в сказках, так как в предложенном варианте курьезной истории он действительно выглядит не таким уже «традиционно» сметливым. Об этом свидетельствует подтекст анекдота, балансирующего на грани смешного и трагического, – последнего русского императора Николая II подвергли расстрелу в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, приказав царю и членам его семьи спуститься вниз, где, якобы, их ждал фотограф. Вполне понятно, что без знания этих подробностей, данная шутка могла бы быть неверно истолкована.

«Без фоновых знаний о мире, – пишет В.В. Петров, – невозможно общение» (Петров 1986, с. 7).

Без фоновых знаний о мире, добавим мы, многие произведения смехового жанра (термин Г.Г. Слышкина) (Слышкин 2000, с. 50) могут остаться вещью в себе.

Но для целей нашей работы особую важность имеет итоговое замечание А.М. Ломова о том, что фоновые знания должны рассматриваться как особая разновидность пресуппозиции. Сам составитель «Русского синтаксиса в алфавитном порядке» дает трактовку этого понятия, относя пресуппозицию к знаниям, которые известны участникам общения и которые делают речь осмысленной и адекватно воспринимаемой (Ломов 2004, с. 244).

Эти знания могут соотноситься с действительными событиями, явлениями, с тем, что на самом деле произошло, происходит, существует, то есть касаться положения дел в реальном мире (Арутюнова, Падучева 1985, с. 38). В философской терминологии действительность обычно противопоставляется всему кажущемуся, мнимому, или просто возможному (Краткая философская энциклопедия 1994, с. 127). Это воображаемое, мыслимое, допустимое способно также формировать пресуппозицию (Арутюнова, Падучева 1985, с. 38), предполагающую выход в особое ментальное пространство, которое в модальной логике, а затем и в лингвистике получило название «возможных миров».

О связи пресуппозиции и «возможных миров» говорят лингвисты, работающие как в сфере логического анализа естественного языка (Серль,

Вандервексен 1986, с. 247), так и в области лингвистической прагматики (Карттунен 1985, с. 306-307).

Понятие «возможных миров» наиболее четко определил финский логик Я. Хинтиikka, приравняв «иномирие» к возможному положению дел (Хинтиikka 1980, с. 39), тем самым сняв иллюзорное представление о «возможном мире» как о физически существующем. Сравните это положение с позицией Дж. Сёрля и Д. Вандервекена, в свое время писавших: «Технический термин «язык миров» мы выбрали потому, что он дает нам возможность впоследствии говорить о «возможных мирах», то есть о том, как могли бы обстоять дела, не только в действительном мире» (Сёрль, Вандервексен 1986, с. 242). Из такой постановки вопроса следует важный вывод: «возможный мир» w' достижим из мира w (Сёрль, Вандервексен 1986, с. 245), то есть они сопредельны.

На сегодняшний день сама проблема «возможных миров» достаточно изучена (Хинтиikka 1980, Бабушкин 2001, Кретов 1993, Целищев 1977), хотя, смеем надеяться, что «возможные миры» в смысловом пространстве анекдота еще не являлись предметом отдельного исследования.

Сформулируем основной тезис наших дальнейших рассуждений. Итак, план содержания произведений смехового жанра, содержащих фоновые знания, – это информационное пространство двух сопряженных между собой миров, один из которых – «реальный мир», восходящий к общественно-политическим, историческим, культурным фактам или коллективному житейскому опыту, другой – воспринимается в качестве одного из вариантов «возможных миров», представляемого с платформы карнавального сознания (о термине «карнавальное сознание»: (Слышкин 2000, с. 50).

В типологию «возможных миров» включаются их видовые ветвления, как то: «мир воображаемых перспектив», «мир упущенных возможностей», «мир сомнений, догадок и гипотетических допущений», «ирреальный мир», «параллельный мир», «мир возможных альтернатив», «мир чужих ролей», «антимир» и некоторые другие (Бабушкин 2001). В этом ряду найдет свое место и «мир небылиц *cum grano salis*» – (лат.) «с крупицей соли», то есть с присущим остроумием и иронией.

Нет сомнений, что в науке о языке «возможные миры» становятся предметом исследования только тогда, когда они вербализуются.

Если, по А.Д. Шмелеву, художественное произведение апеллирует к вымышленной действительности (ученый повторяет термин «притворство», введенный в научный оборот Д. Льюисом – (Шмелев 1995, с. 115-116), то в анекдоте претензия на реальность лишена всяких оснований. Сюжет анекдота а priori, предстает как веселая выдумка, «чистой воды» вымысел, даже если в нем, на первый взгляд, нет ничего фантазмагорического.

Именно поэтому смысловое пространство рассматриваемых нами шуток – это заведомо «возможный мир» и одновременно – «невозможный» (в

смысле его потенциальной бытийности), так как описываемые в них анекдотические события не выходят за границы ментальности.

Поясним методику проводимого ниже анализа. Каждый воспроизводимый нами анекдот сопровождается описанием заключенного в его рамки, но эксплицитно не выраженного «реального мира», на фоне которого вербализуется «возможные миры» той или иной юмористической миниатюры. Затем следует главное – установление соотношений «реального» и «возможного» мира с целью выявления целого ряда связей, существующих между этими двумя смысловыми пространствами. Что же касается заложенного в каждом случае комического эффекта, то он отдается «на откуп» читателю, так как «разложение анекдота по полочкам» лишает его эвристической ценности. Перейдем к изучению языкового материала, отобранного нами по различным сборникам произведений смехового жанра.

- Здравствуйте! Мы проводим социологический опрос. Скажите, пожалуйста, где бы Вы хотели провести отпуск?

- В 1972 году.

«Реальный мир» - это современное социально-экономическое состояние российского общества, порой испытывающего ностальгию по безвозвратно ушедшей эпохе (1972 год выступает в качестве «инога мира», так как историю нельзя повернуть вспять).

Здесь «реальный» и «возможные» миры находятся в отношении сравнения.

Недолго проработала на Западе Алла Е., клонувшая на газетное объявление о наборе девушек - посудомоек. Каково же оказалось ее возмущение, когда после пересечения границы у нее не отобрали, как это заведено, паспорт и не продали в заграничный бордель, а действительно привезли в ресторан и заставили мыть грязную посуду.

Не секрет, что недобросовестные агентства иногда предоставляют ложную информацию о характере работы за рубежом, на деле превращая наших наивных соотечественниц в «живой товар».

Этот фрагмент «действительного мира» и «возможный мир» анекдота сопоставляются в режиме «обманутого ожидания».

Сидят мужики, выпивают. Один говорит:

-Я своего кота назову Пенопласт. Сколько раз ни топил – все равно всплывает.

Другой: - А я своего – Бумеранг. Куда его ни забросишь – все равно возвращается.

Третий:- А мы своего называем Джордано Бруно.

Остальные хором:- Да вы садисты.

- Да нет же, он просто на звезды смотреть любит.

На этот раз выстраивается аллюзия к жизни итальянского философа эпохи Возрождения, который в 1600м году был сожжен на костре за передовые для своего времени научные воззрения, сформировавшиеся под влиянием учения Коперника о строении Вселенной.

«Реальный мир» получает свою интерпретацию в двух параллельно существующих «возможных мирах».

Работник туристического агентства.

- Мы нашли тот самый маршрут, по которому ходил Иван Сусанин.

Турист:

- Да врете, небось.

- Это абсолютно точно. Второй уже год отправляем группы, ни одна не вернулась.

Широко известен случай о том, как костромской крестьянин, вызвавшийся быть проводником, завел в непроходимое болото отряд польских завоевателей, где они и погибли.

В анекдоте усматривается аналогия «возможного мира» - «реальному».

Одна женщина проработала 20 лет в Москве на самоварном заводе, но за это время так и не смогла приобрести себе самовар. Отчаявшись, она пишет письмо в ЦК КПСС: «Я проработала уже 20 лет на самоварном заводе, но у меня до сих пор нету самовара».

К удивлению, через какое-то время приходит ответ: «Уважаемая! К сожалению, ЦК не может Вам помочь в приобретении самовара. Но учитывая Ваши стаж работы и Ваши заслуги, мы разрешаем Вам в виде исключения брать с работы по одной детали в день домой и собрать себе самовар самостоятельно».

Через два года женщина снова пишет письмо в ЦК КПСС: «Я в отчаянии. Я все сделала, как Вы написали. Я каждый день приносила домой по одной детали. И что я имею в результате? В моем огороде стоят две ракеты СС20, но у меня все также до сих пор нет самовара».

В «реальном мире» работники промышленных предприятий бывают заняты изготовлением деталей оборонного значения, выполнением оборонных заказов, хотя этот факт обычно не афишируется. Здесь анекдот имплицитно реконструирует «реальный мир» в обстоятельствах «возможного».

На госэкзамене студенту-медику показывают два скелета и предлагают рассказать о них. Он затрудняется с ответом. Преподаватель:

- Стыдно, батенька! Ведь Вам о них шесть лет рассказывали!

Студент:

- Как? Неужели это Маркс и Энгельс?

В некогда бытовавшем «реальном мире» учебный процесс был основательно политизирован – читались курсы истории партии, исторического и диалектического материализма, политэкономии капитализма, политэкономии социализма и научного коммунизма, в процессе овладения которыми студенты занимались изучением работ классиков марксизма.

В приведенной выше миниатюре «реальный» и «возможный» миры находятся в отношении основания и следствия (по принципу: Если нам шесть лет рассказывали о Марксе и Энгельсе, то...).

Следует особо подчеркнуть, что в шутках подобного рода объектом иронии становятся отнюдь не сами исторические реалии, а их проекции на вымышленные ситуации. В свете первых именно они становятся достоянием «индустрии смеха».

В том же ключе предстают и два следующих анекдота.

Два выпускника после ЕГЭ:

-Ты на сколько вопросов ответил?

-Ни на один.

-Ну и на что же ты надеешься?

- На плоскостопие и плохое зрение.

Пояснение к этому шутливому диалогу заключается в том, что плоскостопие и близорукость входят в перечень медицинских показаний, освобождающих молодых людей от призыва в армию.

См. также:

Аэропорт. Пассажиры ждут у трапа посадки. Из самолета выходит уборщица, подмышкой стопка газет, которые она собирала под сиденьями. Крик из толпы:

- Ну вот, все газеты собрала, что же мы в полете читать будем?!

Уборщица:

- Молитвы.

Пресуппозицией в этом анекдоте является тот факт, что в парке наших авиалайнеров иногда встречаются самолеты, выработавшие свой рабочий ресурс, что делает воздушные путешествия небезопасным.

Имеются анекдоты и такого плана:

В салоне красоты.

- Мне маникюр, пожалуйста, как у Бритни Спирс, макияж, как у Анджелины Джоли, педикюр как у Наоуми Кэмпбелл...

- А лицо как у Жерара Депардье оставляем?

В приведенном выше произведении малых форм знания о мире сводятся к визуальным характеристикам. Между «реальным» и «возможными» мирами устанавливаются отношения уподобления.

И примерно о том же:

Новобрачный рассказывает друзьям о жене:

- Она прелесть! Она как картинка!

Входит новобрачная – зубы вкривь, глаза вкось, волосы как проволока. Супруг замечает недоуменные взгляды друзей и говорит с горечью:

- Конечно, если вы не любите Пикассо...

Подтекст этого шутливого рассказа усматривается в манере живописи Пабло Пикассо – одного из сподвижников кубизма и других стилей абстрактного искусства.

«Реальный» и «возможный» миры, как и в предыдущем случае, находятся в отношении визуального подобия.

Таким образом, определяя виды отношений, существующих между «реальным» и «возможным» мирами в анекдоте с фоновыми знаниями, мы выявляем архитектонику, а через композицию – замысел его создания.

Знакомый факт или известное событие, имевшее место в действительности, способны послужить источниками их карнавализации, по разным направлениям преломляясь в «возможных мирах» авторской фантазии, нацеленный на достижение комического эффекта с позиции «здесь и сейчас».

В заключение сделаем еще одно важное замечание. Соотношение «реального» и «возможного» мира в анекдоте открыты для анализа только тогда, когда заложенные в нем фоновые знания не подвержены забвению. В качестве доказательства приведем еще одну иллюстрацию, почерпнутую нами из книги «Анекдоты старинной жизни».

Однажды на большом обеде поэт Александр Петрович Сумароков спросил у присутствующих:

- Что тяжелее: ум или глупость?

Ему ответили:

- Конечно, глупость тяжелее.

- Вот, вероятно, оттого батюшку моего и взяли цугом в шесть лошадей, а меня – парой.

Чтобы анекдот был понятен современному читателю, составитель вербализует пресуппозицию следующим пояснением, дополняя им текст анекдота: отец Сумарокова имел чин бригадира, что давало право ездить в шесть лошадей. Штаб-офицеры ездили четверкой с форейтором (верховым, сидящим на передней лошади), а обер-офицеры – парой. Сумароков был тогда обер-офицером.

Следовательно, без сопутствующих комментариев данный рассказ действительно мог бы претендовать на статус «вещи в себе».

Предположим, что то же самое можно сказать об анекдоте на любом иностранном языке, который апеллирует к фоновым знаниям, известным только носителям данного языка.

Запреты как табуированные возможные миры

Теория возможных миров вписывается в одно из направлений логики, рассматривающей понятие необходимости, случайности, возможности, невозможности, тем самым возрождающей тему логической модальности, которой активно занимались ещё мыслители античности и средневековья (Горский, Ивин, Никифоров 1991, С. 91).

Для нас особую важность представляют две модальности – алетическая и деонтическая. Если алетическая модальность связана с объективными потенциями реального мира, то деонтическая модальность – с долгом, с требованиями к поведению участников ситуации, которые предъявляются соответствующей системой правил. Не случайно деонтическую

модальность называют еще нормативной или модальностью долженствования.

Обычно принято считать, что реальный мир заведомо входит в любое множество алетических, но не деонтических случаев. Шахматист способен развернуть на игровой доске различные варианты ведения шахматной баталии (утверждая тем самым вариации возможных миров), но во время игры он ограничен правилами передвижения каждой фигуры и не может нарушать эти правила.

Утверждение, что Р возможно, означает, что Р имеет место, бывает, случается, то есть для Р отсутствуют физические препятствия – Р разрешено законом или не вступает в противоречие с моральными принципами и устроями жизни участников ситуации. Имеется множество случаев, определяющих необходимость, возможность, но вместе с тем и невозможность того или иного положения дел (Булыгина, Шмелёв 1997, с. 215).

Для существования «невозможного мира» (в противовес «возможному») необходимы свои основания. Было бы абсурдным увидеть на стене буфета областной библиотеки официальное извещение о том, что «приносить с собой и распивать спиртные напитки запрещается».

Встаёт вопрос, кому адресованы сообщения о невозможности совершения «противоправных» действий, каковы потенциальные условия подобных поступков.

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев цитируют любопытное замечание писателя-сатирика Феликса Кривина: «О том, что пройти нельзя, пишут только там, где пройти можно. Чтобы мы почувствовали, не всё то можно, что можно, кое-что из этого, что можно, нельзя. Почему в театре пишут: «Не курить!» и не пишут: «Не стрелять!»? Потому что сигареты у зрителей есть, а патронов нет. Так что они стрелять все равно не будут» (Там же). К сожалению, современная история показывает, что и абсолютно невероятный мир может стать реальностью, и в театре могут стрелять.

Запреты как табуированные возможные миры связаны с реализацией деонтической невозможности, обратной явлению деонтической возможности.

Деонтическая невозможности в своей «иномирной» репрезентации сводится к имплицитному прогнозированию вероятностного положения дел, которые способны воплощаться в действительность в том случае, когда запреты нарушаются. Обратимся к анализу запретов, объективирующих табуированные возможные миры, которые представляются в объявлениях предупреждающего характера.

Регистрирующие запреты объявления на материале русского языка строятся, в основном, по двум моделям. Это отрицательная форма императива: «Не курить!» (Анна Вежбицкая называет запреты отрицательным приказом) или его вариации с тем же содержанием: «Курить запрещается!».

Запреты – эти «блок-посты» на пути возможных миров – разведём, по крайней мере, на три группы. К первой группе отнесем запреты, потенциальная реализация которых нарушает установленные правила:

На проходе не стоять!

Дверями не хлопать!

Не сорить!

Без доклада не входить!

Руками не трогать! (В возможном мире посетители трогают музейные экспонаты руками.);

Телефон не занимать!

Посуду на столах не оставлять! (В возможном мире, который табуируется таким объявлением, посетители столовой оставляют на столах после еды использованную посуду.);

Вход в верхней одежде запрещен!

После третьего звонка вход в зрительный зал запрещен!

Вход с собаками запрещен!

Парковка запрещена! и т.д.

Такие регламентации, хотя и сформулированы в виде явных запретов, в большей степени являются индикаторами характерных особенностей, присущих самому общественному месту, помещению, пространству, где подобное объявление размещено (например, объявление: «У нас не курят!»).

Действительно, каждое из приведенных нами выше объявлений информирует об их «стендовой» принадлежности конкретному учреждению, участку непосредственно к нему примыкающему, или к месту общего пользования.

Ко второй группе запрещающих регламентаций отнесем объявления, содержащие которых имплицитно положение дел при невыполнении надлежащих условий (если Р, то Q), при этом в предполагаемом возможном мире нарушается не только **статика** действительного мира, но и его **динамика**, то есть нормальное функционирование:

Гнутые монеты не опускать! (гнутая монета может повредить нормальную работу таксофона и по нему нельзя будет разговаривать.);

Не копать! Кабель!

Не кантовать!

По газонам не ходить!

Ставить вещи и детей на сиденья пассажирского транспорта запрещается!

Сюда следует отнести и все предостережения, содержащиеся в инструкциях по эксплуатации различных машин и механизмов. Несоблюдение этих инструкций влечет за собой их неисправность.

В третью группу включаются запреты, нарушение которых предполагает возможный мир с предельной (фатальной) кульминацией событий:

Не стой под стрелой!

Не влезай! Убьет!

За буйки не заплывать!
Купаться запрещено!
Щиток не открывать! Под напряжением!
Не уверен – не обгоняй!
Не отвлекайте водителя во время движения транспорта!
Провоз стоящих пассажиров запрещен!
Проезд на подножках транспортных средств запрещен!
Не переходите железнодорожный путь! Не подвергайте свою жизнь опасности!

Кормить животных с рук запрещается!
Не курить! Огнеопасно!

Запрещающие объявления – это не просто официальные оповещения о принятых нормах поведения в данном обществе или предостережения о грозящей опасности. Это своего рода «зеркало» стереотипного поведения людей, говорящих на том или ином языке, указание на то возможное положение дел в реальном мире, которое могло бы сложиться, если бы соответствующие запреты не существовали (по принципу «норма-отклонение от нормы»).

Идея рассмотрения запретов в виде культурных сценариев, присущих носителям разных языков, принадлежит Анне Вежбицкой. По ее свидетельству, человека, приехавшего из англоязычной страны в Германию, поражает чрезвычайно частое использование слова *verboten* (*запрещено*): *Parken verboten!* (*Парковка запрещена!*); *Plakatieren verboten!* (*Расклеивка объявлений запрещена!*); *Rauchen, Feuer und offenes Licht polizeilich verboten!* (*Курение, разведение огня запрещено полицией!*) и т.д. Подобные объявления характерны не только для немецких улиц и учреждений.

«В немецком языке слово «*verboten*» охватывает и общественную, и личную, или, по крайней мере, публичную сферу», - пишет А. Вежбицкая. То, что особенно бросается в глаза носителям английского языка, это объявления, содержащие слово «*verboten*», расклеенные даже около табличек с фамилиями жильцов в многоквартирных домах.

Приведем несколько примеров:

Reklameeinwurf verboten!

Reklame einwerfen verboten!

(Бросать (в почтовый ящик) рекламу запрещено!) (Вежбицкая 2001, с. 171).

В английском языке немецкому *verboten* соответствует слово *prohibited*, но это соответствие не является полным. *Prohibited* воспринимается как обращение со стороны официальных властей, с позиций же частного лица, употребляется глагол *forbid*, а не *prohibit* (Там же, с. 169-172). Сравните русское объявление на дверях квартиры: «*Не звонить!*», предполагающее, что в доме находится грудной ребенок, и звонок может его разбудить, а не «*Звонить запрещено!*».

Немецкие объявления с *verboten* воплощают в себе немецкий стиль жизни. Ключевой концепт немецкой культуры «*Ordnung*» - порядок. Русские же запрещающие знаки не являются столь жесткими заслонами «нежелательным» возможным мирам. Очевидно, поэтому в текстах русских запрещающих регламентаций часто включается слово «строго»:

Посторонним вход строго запрещен!

Курить в здании университета строго запрещается!

Оптимально грозно звучит предупреждение на денежных ассигнациях: «*Подделка билетов Банка России преследуется по закону*». Вместе с тем, в российских учреждениях начинает появляться по-западному «мягкие» варианты предупреждений, например, такие, как: «*Спасибо, что Вы не курите*», «*Спасибо за тишину и порядок*» и т.п.

Хотя разноязычные запреты демонстрируют особенности менталитетов носителей разных языков, они интересуют нас лишь как разные **формы** «заслонов», не позволяющие табуированным возможным мирам превратиться в реальность существующей действительности.

Приведённые примеры дают возможность прийти к выводу о том, что, чем шире пространство табуированного мира, тем более ограниченным оказывается вероятность всех «нежелательных» возможных миров конвертироваться в мир реальных возможностей (что само по себе является позитивным фактором).

Табуированные возможные миры – это неосуществленные (хотя потенциально осуществимые) поведенческие сценарии, содержащие («сценарная развертка») которых известно всем членам данного языкового коллектива, то есть эти «миры» - когнитивно релевантны.

Без запретов любое общество существовать не может, поэтому их реализация сопряжена с отрицательной оценочностью, угрозой административного воздействия в случае несоблюдения установленных правил и даже риском для жизни.

Со временем могут отменяться одни табу и налагаться другие, но запреты как нормы жизни и условия безопасности человека выступают в качестве универсальных констант.

11. Когнитивный подход к фразеологии

Интерпретация идиом как когнитивная проблема

Как известно, идиомы – это обороты речи, значения которых не определяются отдельными значениями входящих в них слов; идиомы устойчивы в своем составе и воспроизводимы в виде готовых речевых единиц (Розенталь, Теленкова 1985, с. 377-378).

Когнитивный аспект анализа идиоматических выражений сопряжен с решением вопросов: какое из их значений воспринимается первым – буквальное или переносное? Существует ли вероятность интерпретации

фразеологической единицы в два этапа: сначала постигается прямой смысл высказывания, затем этот смысл сверяется со знаниями рецепиента о мире и только потом человек приходит к выводу о том, что перед ним фразеологизм? (The Blackwell dictionary 1994, p. 205)

Психологи сходятся во мнении, что понимание идиом не нуждается в двухэтапной процедуре – фразеологическая единица опознается изначально. Действительно, выражение *взять быка за рога* меньше всего ассоциируется с ситуацией на скотном дворе.

Однако зададимся вопросом, во всех ли случаях и все ли носители языка мгновенно дешифруют имплицитное содержание идиом?

Конечно, прежде всего, необходимо следующее условие: конкретная структура обязана входить в корпус устойчивых образных выражений, которыми располагает языковая личность.

Впрочем, бывает так, что кто-то, прекрасно знающий целостное значение идиоматического выражения, сознательно начинает «раскладывать» его «на части», как если бы оно представляло собой свободное сочетание слов.

На подобное толкования выражения *отвести душу* в горьковском романе «Жизнь Клима Самгина» в свое время указывал В. В. Виноградов:

Вот все ко мне [Дронову] ходят душу отводить. Что - в других странах отводят душу или нет? Пожалуй, это только у нас.

«Душу отвести» как Буяна в полицию. Или больную в лечебницу. Как будто даже смешно. Отвел человек куда-то душу свою и живет без души. Отдыхает без нее. (Виноградов 1977, с. 130)

Но что если сказанное выше соотнести с языковым опытом не взрослого человека, а малолетнего ребенка?

В своей знаменитой книге «От двух до пяти» К. И. Чуковский писал: «<...> мы, взрослые, если можно так выразиться, мыслим словами, словесными формулами, а маленькие дети – «вещами», «предметами предметного мира». Их мысль на первых порах связана только с конкретными образами, потому-то они так горячо возражают против наших аллегорий и метафор». (Чуковский 1957, с. 54)

Иллюстрируя сформированный им тезис, К. И. Чуковский приводит любопытный пример:

«Спрашивает <...> одна женщина у своей Наташи четырех с половиной лет:

- Не скажешь ли ты мне, как понять, когда говорят, что один человек хочет другого в ложке воды утопить?

- Что ты! В какой ложке? Что это? Скажи еще раз.

Мать повторяет.

- Это не может быть! – возражает Наташа. – Никогда не может быть!

И тут же демонстрирует всю фактическую невозможность такого поступка: схватывает ложку и быстро кладет ее на пол.

- Смотри, вот я!

Становится на ложку.

- Ну, топи меня. Человек не поместится ... весь сверху будет... ну, вот, смотри... нога большие ложки...

И выражает презрение к подобным оборотам «взрослой» речи, искажающим реальную действительность:

- Не хочу я про это... Глупости какие-то...

Для взрослого же образ идиомы оказывается стертым «от многолетнего вращения в мозгу», он не ощущается нами: тот, кто сказал про старуху, будто она «собаку съела», даже не заметил, что он упомянул о собаке. Тот, кто сказал о сварливых супругах, будто они «живут на ножах», не заметил в своей речи ножей». (Чуковский 1957, с. 63)

Примеры, подобные случаю с четырехлетней Наташей, можно приумножить, если обратиться к ряду отглагольных фразеологизмов типа: *вешать лапшу на уши, навесить всех собак, лезть в бутылку, вылететь в трубу, сесть на шею, шевелить мозгами, лезть на стену* и т. п.

Очевидно, при восприятии таких фраз детям кажется (опять же выражаясь языком взрослых), что они попадают в некий «театр абсурдов», герои которого *бьются головой об стену, вставляют палки в колеса, держат камень за пазухой, сидят между двумя стульями, ломают в открытую дверь*, совершают другие нелепые действия, то есть они воочию сталкиваются с фрагментами алогичного мира (из набора всех «возможных миров»). Благо, что в нашей повседневной речи мы не так часто употребляем образные выражения.

Следовательно, отрицая ступенчатую последовательность в понимании идиом, западные психологи должны были оговорить и исходное существование «фразеологической *tabula rasa*» в голове человека «от двух до пяти».

Вместе с тем, сделать такую поправку еще не значит сказать что-то новое. Другое дело – сопоставить данное явление с процессом зарождения фразеологизма, его этимологией и сравнить механизм формирования идиомы с процессом постепенного «схватывания» ее смысла взрослеющими детьми.

Возьмем фразеологизм *лезть на стену*.

По лексикографическому источнику «Русская фразеология. Большой этимологический словарь» знакомимся с исторической справкой:

Оборот возник среди воинов старой Руси. Укрепленные города тогда обносились высокими каменными или деревянными стенами. Штурмовать их было крайне опасно и трудно: в атакующих сверху стреляли, их кололи, обливали кипящей смолой, забрасывали камнями. Лезть на стену значило проявлять особую храбрость, а также – иногда – и безрассудную горячность. (Русская фразеология 2005, с. 667)

С течением времени выражение *лезть на стену* полностью утратило свой первоначальный образ, подводимый под сценарий военных действий. Сегодня оно означает «приходить в крайнее раздражение, исступление» -

прототип фразеологической единицы и собственно идиому связывает лишь одна ассоциативная нить.

См. литературные примеры:

[Рудин] в душе был холоден и чуть ли не робок, пока не задевалось его самолюбие: тут он на стену лез (И. Тургенев. Рудин).

– *Замолчи, дурак! – рявкнул старший, – хочешь, чтобы твой папаша на стену полез? Да еще бы в школу побежал, общественность привлекать к воспитанию. (Ю. Одинов. Проблемы роста).*

– *Ничего ты не понимаешь, Шишка! – Да ведь я к слову сказал, а ты на стену полез (Д. Мамин-Сибиряк. Золото).*

Однако уточним, что на процесс забвения прямого значения фразеологической единицы *лезть на стену* понадобилось не одно столетие.

В ситуации с детским восприятием – один и тот же фразеологизм в «готовом» виде снисходит до уровня денотативного значения слов, его формирующих.

Следовательно, в онтогенезе фразеологическая единица повторяет путь, проходимой идиомой в своем историческом развитии в сознании человечества, с той лишь разницей, что буквальное прочтение фразы (со стороны ребенка) отягощено его собственными бытийными представлениями: (Кто и в каком состоянии лезет на стену?). Необходимо время на то, чтобы в детской голове мир, лишенный здравого смысла, уступил место логически состоятельному миру, в котором имеется особая технология конструирования образной речи.

*Здравый смысл, «возможные миры»
и прототипы фразеологических концептов*

В литературе, посвящённой проблемам фразеологической семантики, понятие «прототип» трактуется как основа фразеобразования, при этом термин «прототип» близок к традиционной интерпретации смысла, рождаемого при соединении двух греческих слов: «*protos*» - первый и «*typos*» - отпечаток, оттиск, в своём единстве переводимых на русский язык, как «прообраз», «образец», «оригинал». Иначе говоря, прототип – значение того словосочетания, которое в дальнейшем подвергается метафорическому переосмыслению. Такой взгляд на образование фразеологических единиц разделяют многие учёные.

Так, В. М. Мокиенко подчёркивает, что современное фразеологическое значение воспринимается на фоне прямого значения переменного словосочетания (Мокиенко 1989, с. 157-160). В результате этого взаимодействия образуется внутренний образ, внутренняя форма фразеологизма, живущая в семантической структуре ФЕ и во многом определяющая её семантическую эволюцию (Жуков 1986, с. 12). Примерно ту же мысль высказывает Н. Ф. Алефиренко: внутренняя форма фразеологического значения включает в себе смысловые элементы

лексической и грамматической семантики, послужившие его генетическим источником (Алефиренко 1993, с. 37).

Вопрос о внутренней форме фразеологических единиц был предметом исследования многих известных лингвистов-фразеологов, таких как В. В. Виноградов, Ю. А. Гвоздарёв, Ю. С. Маслов, А. М. Мелерович, А. В. Кунин, В. Н. Телия, поэтому нет необходимости в более подробном толковании этого термина, изучаемого с пятидесятых годов прошлого столетия.

С формированием когнитивной лингвистики как самостоятельной отрасли языкознания снова возник интерес к прямому значению ФЕ, в котором видится предтеча так называемых фразеологических концептов.

Автор книги «Фразеологизация как когнитивный процесс» Л. В. Ковалёва прослеживает становление фразеологических концептов, изучая изменения, происходящие при развитии фразеологизмов из свободных словосочетаний до семантически спаянных единств.

Фразеологический концепт понимается ею как наглядно-чувственный образ, являющийся прототипом создания фразеосочетания; на основе образности можно выявить истоки и предпосылки развития коннотаций.

По Л. В. Ковалёвой, в денотативной ситуации «смаывать удочки» усматривается «быстрый уход с реки после окончания рыбной ловли». В результате мыслительных процессов, базирующихся на многократных ассоциативных связях, происходит метафорический перенос выделенных мыслительных признаков (окончание рыбной ловли и быстрое удаление с места рыбалки) на всякое действие, связанное с необходимостью его прерывания и поспешного ухода, в результате чего возникает ФЕ «*смаывать удочки*» с универсально известным смыслом (Ковалёва 2004, с. 27).

Однако возникает вопрос, можно ли признать описанный путь образования фразеологических концептов единственно возможным, всегда ли в плане содержания фразеологизма содержится прообраз ситуации, обозначенной синтаксически свободной конструкцией, которая выступает в качестве основы фразеообразования?

Попробуем ответить на этот вопрос с платформы двух, с нашей точки зрения, взаимосвязанных подходов.

Во-первых, «вербальную заготовку» для будущего фразеологизма можно рассматривать в свете часто упоминаемой нами семантики «возможных миров» и выяснить, насколько изначально «синтаксическая объективация», на которой он строится, соответствует «правде жизни».

Второй теоретической посылкой, сопряжённой с описанной выше, является концепция здравого смысла. Здравый смысл (англ. common sense) определяется как естественная способность человека судить об окружающей действительности и о себе самом на основе житейского опыта, как совокупность взглядов, базирующихся на его повседневной практической деятельности, и как сознание, не искажённое какими-либо предвзятыми мнениями, пережитками, унаследованными от прошлого,

ходячими, но ошибочно представляемыми (Философская энциклопедия 1962, с. 164).

Признавая облигаторность здравого смысла в содержании любого высказывания, необходимо учесть, что существуют окказиональные случаи его преднамеренного нарушения, которые находят своё преломление и в пространстве «возможных миров». Проблему «возможных миров» нельзя свести исключительно к «прозаическим» вариантам будущих событий. Под эту категорию подходят также выражения самой невероятной человеческой фантазии.

В книге «Возможные миры» в семантическом пространстве языка» представлена видовая дифференциация «возможных миров» от пространства ближайшего (возможного) до мира ирреального, который, в свою очередь, подразделяется на ирреальный, но «земной мир», и «иной», «алогичный» мир совершенно неправдоподобных событий (Бабушкин 2001).

Первый из них может быть проиллюстрирован примером из рассказа А. П. Чехова «Мститель»: *«Обществу было бы приятно, если правительство сослало бы всех мужей на Сахалин»*; примером второго служит ситуация, со всем комизмом представленная в «Многотрудной, полной невзгод и опасностей жизни Ивана Семёнова» писателя Л. Давыдычева.

Второклассник и второгодник Иван Семёнов представляет, как было бы хорошо, если бы голова отвинчивалась бы: *«Пришёл в класс, спокойненько сел бы на своё место, отвинтил бы свою собственную голову и спрятал бы её в парту»*.

Идёт урок, Ивана, конечно, не спрашивают: не может же человек, без головы говорить! Ведь говорит-то он ртом, рот-то у него в голове, а голова – где? В парте!»

В обоих случаях (но в разной мере) лишь здравый смысл, умение отличить иронию и юмор от серьёзного тона повествования, а правду от необузданного воображения позволяют авторам достичь желаемого результата. Но то, что справедливо для отдельных предложений и даже целых фрагментов текста в классическом варианте «возможных миров» (имеются в виду разные типы условных предложений) оказывается приемлемым и для анализа свободных словосочетаний, претендующих на роль прототипов фразеологических концептов.

Интересующие нас словосочетания (ограничимся исключительно глагольными фразеологизмами) подразделяются нами на три группы.

Первая группа – это «синтаксические объективации» в виде сочетаний слов, которые, с точки зрения логики и здравого смысла, абсолютно им не противоречат. Они «получают прописку» в «реальном мире» семантического пространства языка. К этой категории следует отнести такие выражения, как *«вешаться на шею»*, *«сидеть на чемоданах»*, *«определять погоду»*, *«играть комедию»*, *«держат в руках»*, *«выпускать из рук»*, *«брать за шкирку»*, *«окатить грязью»*, *«задирать голову»*,

«искать выход», «забывать дорогу», «засучить рукава» и многие, многие другие.

За каждым таким выражением стоит вполне осуществимый «сценарий», многократно повторяющийся в жизненных ситуациях, и необходим контекст для того, чтобы «переменное словосочетание» перешло в ранг устойчивых словесных комплексов и стало означать нечто другое, отличное от того, что предполагает его буквальное прочтение. Приведём лишь несколько подобных примеров:

«Вешаться на шею» - усиленно, любыми, даже недостойными способами добиваться любви мужчины: «Есть такие бесстыдницы, что сами **на шею будут вешаться**, как увидят такого-то (И.Гончаров. Обыкновенная история);

«Сидеть на чемоданах» - быть готовым к отъезду: «- Как твоя, примирилась? Ведь **на чемоданах сидела**...- Примирилась, куда же она денется. Пригрозил разводом, она и усюкоилась, - засмеялся Лелюх (М. Алексеев. Наследники);

«Держать в руках» - управлять, руководить, подчинять себе, заставлять слушаться себя: «Он собирал сведения. Зачем?.. Тут могло быть только два решения: или для того, чтобы уничтожить все следы этого прошлого, или для того, чтобы **держатъ** Николая Антоновича **в своих руках** (В. Каверин. Два капитана);

«Окатишь грязью» - незаслуженно оскорблять, порочить, обвинять кого-либо в чем-либо предосудительном: «- Ты докажи! Докажи, раз начал... Если ты соврал – зачем врешь? Зачем людей **грязью обливаешь**?» (Г. Николаева. Жатва).

«Забывать дорогу» - переставать бывать где-либо, посещать кого-либо: «- Что устались? – буркнул он. – А вот что... Она говорила тебе, чтобы ты **забыл** сюда **дорогу**? – Не помню что-то... А вот как приглашала в гости – помню (А. Иванов. Повитель);

«Искать выход» - пытаться изменить неудачный ход дел, освободиться от возникших трудностей, допущенных ошибок: «Подплыв к берегу, Смышков был поражен: не увидел своей одежды. Её украли. Он сел на футляр с контрабасом и стал **искать выход** из своего ужасного положения (А. Чехов. Романс с контрабасом);

«Определять погоду» - оказывать на что-либо решающее влияние, задавать тон чему-либо: «Время теперь наше, и не время года, а русское военное искусство **определяет погоду** на поле боя» (А. Н. Толстой. Салют победы).

Ещё раз подчеркнём, что только контекст позволяет определить фразеологические значения таких выражений, как «**вставать на ноги**» - улучшать, укреплять своё материальное, экономическое состояние; «**оглянуться назад**» - воспроизводить в памяти, оценивая прошлое, пережитое; «**подняться вверх**» - выбиваться из нищеты, занимать более высокое общественное положение и т.п.

Список подобных примеров можно пополнить, обратившись к фразеологическим словарям русского литературного языка. Метафорическое переосмысление свободных словосочетаний (как бы «вырезанных» из вербальных обозначений вполне реальных действий, формирующих бытийную картину мира) происходит точно также, как и в случае с примером Л. В. Ковалёвой «**сматывать удочки**».

Вторую группу словосочетаний – прототипов фразеологических оборотов – составляют «синтаксические конструкции», смысл которых следует рассматривать как шаг по направлению к «возможным мирам».

В принципе, описываемые ими действия в их прямом значении возможны, однако создаваемые при этом ситуации нелепы и странны, они часто воспринимаются как эпизоды, разыгрываемые на сцене театра абсурдов. См. такие сочетания слов, как «*вешать лапшу на уши*», «*обкоротить язык*», «*огребать деньги лопатой*», «*биться головой об стенку*», «*водить за нос*», «*подписываться обеими руками*», «*закрыть варешку*», «*поехать в Крым за капустой*», «*класть зубы на полку*», «*брать ноги в руки*», «*залить за воротник*», «*посадить в калошу*» и т.п.

Если ситуация типа «*нажать на педали*», «*приклеить ярлык*», «*звонить в колокола*» вполне естественны в реальной жизни, то трудно найти примеры, в которых действия, предписываемые прямому значению ФЕ второй группы, отвечали бы законам разумности. Легче придумать такие ситуации, осознавая их нетипичность с точки зрения положения вещей в мире. Так, «ситуативно-изопренными» выглядят сочинённые нами предложения: «*Вешать лапшу на уши способны только дети, безобразничая за столом без присмотра родителей*»; «*Огребать деньги лопатой реально, если собрать в одном месте все произвольно вышедшие из употребления одно- и пятикопеечные монеты*»; «*Мой друг обладает даром подписываться обеими руками*».

Третью группу образуют сочетания слов, значение которых воспринимается с позиций «ирреального мира», нарушающего постулаты здравого смысла. См., например: «*ловить рыбу на сухом берегу*» - воровать, красть; «*искать прошлогодний снег*» - надеяться вернуть, обнаружить то, чего уже нет, что безвозвратно минуло; «*вариться в собственному току*» - жить и работать вне связи с общественной жизнью, изолированно от неё; «*носить воду в решете*» - заниматься ненужным, бесполезным делом; «*пересыпать из пустого в порожнее*» - проводить время в пустой болтовне; «*компостировать мозги*» - вводить в заблуждение; «*залезть в чужую шкуру*» - ставить себя на место кого-либо; «*толочь воду в ступе*» - повторять какие-то бесполезные действия; «*попасть пальцем в небо*» - нелепо, наобум ответить на чей-либо вопрос, сделать неоправдавшееся предложение.

Сюда же отнесём фразеологизмы типа «строить воздушные замки», «вывернуть себя на изнанку», «мотать душу на кулак», «отсидеть уши», «закрыть Америку», «жать, где не сеял» и т.д.

Тот факт, что буквальное понимание словосочетаний – «материальных оболочек» фразеологизмов, сведённых нами во вторую и третью группу ФЕ, осуществляется в координатах «возможных миров» (их дословное восприятие вступает в противоречие со здравым смыслом) объясняет особенности их становления. Эти словарные единицы не проходят тот путь фразеобразования, который Л. В. Ковалёва описала на примере выражения «*сматывать удочки*». Они не имеют (и не могут иметь реальных прототипов, а возникают сразу с изначально приданными им «вторичными» значениями в статусе «первичных». В нарочитой «неправде» их формы усматривается умение оригинальным способом

закодировать мысль, наиболее ярко проявляется фантазия народа, его национальный юмор.

Однако, имея вместо реального прототипа вымышленный (из сферы «возможных миров»), фразеологическая единица сохраняет внутреннюю форму, которая остаётся индифферентной к механизму формирования несомого ею образа.

Русские и английские нумеративные фразеологизмы

Числительное – это класс полнозначных слов, обозначающих число, количество, меру и связанные с числом, мыслительные категории порядка в процессе счета (БЭС 1998, с. 582).

Исходя из этого определения, числительные подразделяются на количественные и порядковые. К разряду количественных относятся числительные, обозначающие в целых единицах отвлеченное число или определенное количество предметов (*два, семь, десять*). Порядковые числительные обозначают линейную последовательность предметов при их исчислении (*второй класс*) (Розенталь, Теленкова 1985, с. 92-93). Числительные способны сочетаться с именами существительными для того, чтобы определить нумеративные параметры поименованных ими предметов. Многие числительные, как количественные, так и порядковые, входят в состав устойчивых образных выражений – фразеологизмов. Посредством сплошной выборки из русских и английских фразеологических словарей были отобраны следующие интересные нас единицы.

На материале русского языка остановимся на ФЕ, объединяемых включенными в их состав числами от 0 до 10.

0

Свести к нулю – зря потратить усилия, так как поставленная цель не достигнута; *круглый ноль* – ничего не знающий, не стоящий человек (*ноль без палочки*); *ноль внимания, фунт презрения* – полное равнодушие, безразличие к кому-либо; *в ноль-ноль* – в точно указанное время, ни на минуту раньше или позже.

1

Как один – все без исключения; *за один присест* – съесть, выпить, написать все сразу; *один как перст* – о том, кто не имеет семьи, близких; *один шаг от чего-либо* – очень близко; *одного шарика не хватает* – о глупом человеке; *первый и последний* – единственный; *первая ласточка* – то, что положило начало, один из первых предшественников.

2

В два счета – очень быстро (сделать что-то); *дважды два* – совершенно просто, без особых усилий; *погнаться за двумя зайцами* – тщетно пытаться сделать несколько дел одновременно; *как две капли воды* – быть одному очень похожим на другого; *человек два уха* – кто-то совершенно бестолковый, несообразительный; *сидеть между двух стульев* –

поддерживать одновременно две противоположные стороны; *из вторых рук* – получить информацию косвенным образом, не от непосредственного очевидца событий.

3

В три погибели – согнуться в подобострастии, учтивости; *драть три шкуры* – жестоко наказывать кого-то за провинность; *заблудиться в трех соснах* – о неспособности найти выход из простой ситуации.

4

На все четыре стороны – отпустить человека, дать ему свободу; *сидеть в четырех стенах* – быть затворником, не выходить на улицу.

5

Пятое колесо в телеге – что-то совершенно не нужное; *как свои пять пальцев* – знать что-то очень хорошо; *без пяти минут* – близко по срокам, скоро.

6

Шестое чувство – интуиция.

7

Семеро по лавкам – иметь много детей; *на семи ветрах* – находиться на пересечении дорог; *в семь этажей* – нецензурно ругаться; *семи пядей во лбу* – очень умный человек; *за семь верст киселя хлебать* – идти очень далеко попусту; *до седьмого пота* – долго и упорно работать.

8, 9

Нумеративных фразеологизмов с этими цифрами не выявлено.

10

Десять раз говорить одно и то же – повторить много раз; *десять против одного* – наверняка что-то сбудется.

Подобным же образом проиллюстрируем нумеративные фразеологизмы на материале английского языка.

0

All for naught – зря, даром; *bring to naught* – свести на «нет»; *set at naught* – не брать во внимание, ни в грош не ставить.

1

One by all – все до одного, все как один; *one by one* – по одному, друг за другом; *one in a thousand* – один на тысячу; *one or two* – один-два (об ограниченном числе кого-то/чего-то); *become one* – пожениться, сочетаться браком.

2

In to twos – в два счета; *two or three* – две-три (небольшое количество); *two upon ten (fingers)* – во все глаза.

3

When three know it, all know – когда что-то известно трем, знают все (в принципе – это пословица, но А.В. Кунин, широко понимающий понятие «фразеологическая единица», помещают в свой словарь и это выражение).

4

On all fours – на четвереньках (букв.: на всех четырех).

5

Фразеологизмов с числом «5» не выявлено.

6

Deep six – шесть ярдов под землей (могила); *six and half a dozen* – один другого стоит.

7

Everything is seven and eevens – все в порядке (первоначально – при игре кости).

8

Behind the light fall – быть в трудном или проигрышном положении (при игре в бильярд).

9

Dressed up to the nines – нарядный, разодетый «в пух и прах»; *long nine* – дешевая сигара; *up to the nines* – в совершенстве, в высшей степени.

10

Tale ten – передохнуть, сделать передышку в работе (обычно на десять минут); *ten to ten* – верхушка общества.

Конечно, в представленном списке названы не все русские и английские нумеративные фразеологизмы – право дополнить этот список остается за читателем.

Проведем сопоставительный анализ ФЕ обоих языков, включающих в свой состав имена числительные:

1) Имеются русские фразеологизмы, фактически эквивалентные английским устойчивым образным выражениям. Совпадения семантики нумеративных ФЕ отмечается на уровне числительных от нуля до двух: *свести на «нет»* – *come to naught*; *как один* – *one and all*; *один-два* – *one or two*; *один на тысячу* – *one in a thousand*; *за один присест* – *at one sitting*. См. также: *в два счета* – *in two twos*; *между двух огней* – *between two fires*.

Заслуживает внимания случай семантического равенства русских и английских ФЕ с числительными, на который указывает В.М. Мокиенко в книге «Загадки русской фразеологии». В русском языке есть выражение *одним махом, с одного маху* – в народе *махом* называли шаг лошади при беге (правда, в переносном плане речь идет не о пространственной, а о временной мере); ср. с английским *одна собачья рысь* – фразеологизмом, который служит в качестве «образной» единицы измерения (Мокиенко 1990, с. 68).

2). В составе близких по значению русских и английских ФЕ интерес представляют несовпадения по числу нумеративов включенных в их состав: (*наврать*) с *три* *короба* – *talk nineteen to the dozen*; *десятая вода на киселе* – *seven times removed*; (*согнуть*) в *три* *погибели* – *bend oneself double*; *одного поля ягоды, один другого stout* – *six and half a dozen*; (*прыгать*) с *пятого на десятое* – *jumping from one thing to another*.

3). Русские фразеологизмы с числительными соответствуют по смыслу английским ФЕ, не содержащих нумеративов в своем составе: *валить в*

одну кучу – *lump smth, smb together*; в трех шагах – *be a few steps away*; в три ручья – *shed floods of tears*.

4). Разумеется, что большая часть фразеологизмов в русских и английских словарях (в том числе, и ФЕ с нумеративами) уникальна по присущим им значениям. В основе этой уникальности лежат, по крайней мере, две причины. Специфика фразеологических оборотов может найти свое объяснение в исторических и культурных особенностях народа, нашедших свое отражение в «зеркале» языка. В качестве примера возьмем русский фразеологизм *семь пятниц на неделе*. Особая значимость пятницы восходит к символике восточных славян (*Параскевы пятницы*). Этот день был «оборотным»: совершались молитвы, люди ходили по дворам с иконами, не работали. Но данный фразеологизм имеет и другой подтекст: Пятницы, особенно весной и осенью, были одновременно и торговыми днями, а тем самым и сроком исполнения различных торговых и деловых обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, давал обещание исполнить его в следующий базарный день – также в пятницу. Человека, для которого такие обещания становились системой, и стали называть тем, у кого *семь пятниц на неделе*, т.е. часто меняющим свои решения, постоянно отступающий от своих слов», – пишет В.М. Мокиенко (Мокиенко 1986, с. 155).

С другой стороны, одно и то же явление может существовать в жизни того и другого языкового коллектива, но в одном случае данное явление получает вербальную объективацию, реализуясь, в частности, в виде устойчивого образного выражения, а в другом – осмысливается, но не вербализуется. Так, в английском языке имеется фразеологизм *a bad second* – бегун, пришедший к финишу вторым, но показавшим при этом плохие результаты. Впрочем, и в этом примере, можно также узреть и национально-культурную специфику – факт оказался «языковленным», т.к. спорт находится в культурном фокусе многих носителей английского языка.

Таким образом, изученный нами материал показал, что в плане содержания русских и английских фразеологизмов, взятых в сопоставлении, при абсолютной категориальной универсальности числительных, входящих в их состав, совпадений достаточно мало – фразеологические обороты разнятся, в основном, по номинациям подвергаемых исчислению материальных и духовных субстанций, выбор которых определяется национальными менталитетами людей, говорящих на разных языках, способностью носителя языка образно переосмысливать факты окружающей его действительности.

12. Юмор с когнитивных позиций

Создание комического при ошибочной интерпретации незнакомых слов

Выражение «концепт – «квант» структурированного знания» давно стало хрестоматийным. Известно также, что упорядоченная совокупность концептов народа формирует его концептосферу (Попова, Стернин 2007, с. 36). Однако в своё время констатировалось, что концептосферу национального коллектива людей следует отличать от концептосферы отдельной языковой личности, которая имеет свои особенности. У каждого индивида есть собственный культурный опыт, запас знаний и навыков. Ими определяется богатство концептов, а иногда и их бедность (Лихачёв 1993, с. 4). Некоторые концепты в концептосфере носителей языка могут отсутствовать вообще, и тогда комический эффект вызывает неуместное употребление их словарных обозначений.

На конкретных примерах, почерпнутых из художественной литературы, рассмотрим несколько случаев ошибочной интерпретации слов и через их анализ попробуем выделить определённую градацию в незнании того, что хорошо известно другим.

Случай первый. **Наивное толкование незнакомого слова**

См. нижеследующий пример:

Посоветовавшись, они (тимуровцы) решили отправить ультиматум, на манер того послания запорожцев к турецкому султану, который каждый видел на картине, когда читал о том, как смелые казаки боролись с турками, татарами и ляхами (А. Гайдар. Тимур и его команда).

Предводитель поселковых хулиганов услышал слово «ультиматум» в первый раз:

- Это что такое, я не знаю, - насмешливо объявил Квакин. – Вероятно ругательство или что-нибудь в этом смысле.

- Это такое международное слово. Бить будут, - объяснил стоявший рядом с Фигурой бритоголовый мальчуган Алёшка (Там же).

По Толковому словарю русского языка, «ультиматум» - решительное требование с угрозой применения мер воздействия в случае отказа.

Из приведённых выше иллюстраций следует, что смысл данного слова («ультиматум» - от лат. «ultimus» - самый последний) юным героям Аркадия Гайдара отчасти понятен, хотя интерпретируется он по-детски, простым доступным языком.

Случай второй. «Народная этимология» в речи детей возраста от «двух до пяти»

Народной этимологией называется переосмысление неизвестного или малопонятного слова по случайному сходству с более известным и понятным (Реформатский 1955, с. 75).

Невольная реализация этого явления маленькими детьми имеет свою специфику – в ней усматривается их упорная и планомерная работа, направленная к овладению языком взрослых людей.

Живя в окружении старших, ребёнок то и дело слышит слова, смысл которых ему не ясен. Часто он сам пытается осмыслить новые речения без помощи со стороны, так как уверен, что легко справится с этой задачей, и действительно решает её «по вдохновению», внезапно прибегая к самым фантастическим выдумкам на основе своего сильнейшего языкового чутья – единственного средства, которым он для этого располагает (Чуковский 1957, с. 72).

Допускаемые ребёнком ошибки в осмыслении слов, принадлежащих языковым ресурсам взрослых, показывают, в каком направлении совершаются работа в голове малыша, когда он перенимает наше обширное наследие, и обнажают те методы, с помощью которых он овладевает этим колоссальным богатством.

Ребёнок требует логики от каждого слова и если не находит её, то выдумывает сам:

«Увидит в деревне крестьянина, несущего грабли, и решает, что это – грабитель»;

«- Ломовик! – говорит он про мальчика, который ломает игрушки»;

«Лодырь – это человек, который делает лодки, а всадник – это который в саду»;

«Фантазёр – кто пускает фонтаны», «спец» - про человека, который любит поспать, а «казак», конечно, муж козы».

Такие формулировки исследователь детской речи К. И. Чуковский называет «временными гипотезами», «временными», так как они быстро вытесняются данными опыта благодаря педагогическому вмешательству взрослых (Там же, с. 75).

Любопытно, что нечто подобное наблюдается в процессе языковой игры, когда острословы, давно вышедшие из детского возраста, заставляют нас переосмысливать те или иные слова с учётом их связи с какими-то другими словами.

Курица – дама с сигаретой (потому что курит);

Метелица – дворничиха (потому что она метёт улицу);

Стриж – парикмахер (потому что стрижёт);

Утконос – санитар (потому что подносит судно – в просторечии «утку»);

Противень – оппозиционер (потому что выступает против той или иной линии);

Лорнет – выходной день у отоларинголога(потому что «лора» нет на работе) и т.п.

Эти примеры вызывают комический эффект лишь тогда, когда человек осознаёт мотивационный признак, оправдывающий «новое» идеальное содержание, которое и «укладывается» в тело «старого» знака (Ломов, Бабушкин 2001, с. 120-123).

Случай третий. Некорректное употребление слов в рамках смыслового пространства, в котором допустимо их надлежащее употребление

Ляпсусы подобного рода находим в юмористическом рассказе М. Зощенко «Обезьяний язык»:

Мой сосед, не старый ещё мужчина, с бородой, наклонился к своему соседу слева и вежливо спросил: - А что, товарищ, это заседание пленарное будет али как?

-Пленарное, - небрежно ответил сосед.

-Ишь ты, - удивился первый, - то-то я и гляжу, что такое? Как будто оно и пленарное.

-Да уж будьте покойны, - строго ответил второй. – Сегодня сильно пленарное и кворум такой подобрался – только держись

-Да ну? – спросил сосед. – Неужели и кворум подобрался?

-Ей-богу, - сказал второй.

-И что же он, кворум-то этот?

-Да ничего, - ответил сосед, несколько растерявшись. – Подобрался и всё тут.

-Скажи на милость, - с огорчением покачал головой первый сосед. – С чего бы это он, а?

Подобный разговор как нельзя лучше характеризует речь так называемых «выдвиженцев» - рабочих, выдвинутых на какую-то ответственную должность в первые годы советской власти.

Тем не менее слова, фигурирующие в рассказе, при их корректном употреблении по праву входят в лексико-семантическое поле «Заседание».

Казусу на собрании «ответственных работников» былых времён вторит армейский анекдот:

Идёт командно-штабное учение. Два генерала склонились над картой.

-Предполагаемое количество танков противника примем за «икс».

-Нет, за «икс» мало. Лучшие за «игрек» (Анекдоты. Самые свежие).

В отмеченных курьёзных фактах, пусть даже далёких от реальности (но в каждой шутке есть доля правды!) видятся желание профанов выразиться «авторитетно», хотя использование мало знакомых слов оказывается не к месту.

Случай четвёртый. Он является олицетворением русской поговорки «Слышать звон, да не знать, где он»

Слово «звон» названо здесь не случайно - в голове у человека имеется смутное представление о каком-то предмете мысли, и даже в «уголках памяти» вырисовывается приблизительный фонетический облик «трудного» слова. Но «блеснуть» им явно не удаётся: позволим себе привести ещё один анекдот под названием «На фуршете».

Одна генеральша:

-Ах, какой фурор!

Другая:

-Не фурор, а фураж!

По словарному толкованию, «фурор» - шумный успех, вызывающий всеобщее одобрение. «Фураж» - корм для сельскохозяйственных животных.

Со словом «фуршет» их «роднит» чередование звуков [ф] и [р].

Пятый случай. Употребление незнакомого слова без всякой видимой связи, создающее гротескную бессмыслицу

Обратимся к фрагментам романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»:

-Скажите, Ляпсус, - спросил Персицкий, - какие, по-вашему шакалы?

-Да знаю я, отстаньте!

-Ну, скажите, если знаете!

-Ну такие...в форме змеи!

Для человека с «говорящей фамилией» («Ляп» - грубая ошибка, промах) «пеньюар» - это бальное платье, «седло дикой козы» подаётся к столу вместе со стремянами, а волны способны «перекатываться через мол и падать вниз стремительным домкратом».

Пять выявленных случаев, выстроенных в определённую систему, с нашей точки зрения, квалифицируются как «модели незнания» («ignorance models») формирование которых сводится к следующим причинам:

1) возрастные ограничения, не позволяющие постичь смысл скрытый за вербальной оболочкой слова;

2) недостаточно глубокое понимание предмета мысли, обозначенного словом;

3) стремление оперировать «умными» терминами с целью продемонстрировать свою компетентность (а фактически – совершенно несостоятельную) в обсуждении тех или иных вопросов;

4) желание «блеснуть» услышанным где-то «модным словечком» при весьма приблизительном осознании его формы и содержания;

5) полное непонимание произносимого (заумь) как индикатор умственной ограниченности говорящего субъекта.

Конечно, человек не обязан быть «ходячей энциклопедией». Правы А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, когда говорят, вспоминая пример Л. В. Щербы, что любая деталь паровой машины в принципе является для нас «золотником» (в том смысле, что в устройстве паровой машины много различных деталей, о существовании которых мы не задумываемся, так как они не находятся в фокусе нашего внимания. Мы не являемся профессионалами в области паровых машин и знать о них нет особой необходимости (Баранов, Добровольский 1997, с. 15).

Диалектический подход к данной проблеме видится в том, что, с одной стороны, носитель языка не должен выходить за пределы собственной концентосферы и рассуждать о совершенно непонятных ему материях; с другой – он всегда должен стремиться расширять свой кругозор, постоянно и активно приумножать интеллектуальный и словарный багаж.

Многое зависит от личных познавательных стремлений индивида, так как в этом направлении когнитивные возможности человека практически не ограничены. «Знания о мире неуклонно растут, внеязыковой опыт постоянно расширяется. Этому способствует энергия человеческого познания, или «энергия незнания», как говорил Толстой, направленная на расширение индивидуального внеязыкового опыта каждого из нас как вида homo sapiens», - писал Ю. Н. Караулов (Караулов 1987, с. 169).

Чем грамотнее станет общество носителей языка, тем меньше будет оснований для ошибочной интерпретации семантики слова.

*Гипертрофированные выражения иронии и сарказма в координатах
«возможных миров» (на материале английского языка)*

Языковые средства создания юмористического эффекта неоднократно привлекали внимание исследователей. В научный оборот вошло терминологическое словосочетание «юмористический дискурс», под которым понимается «текст, погружённый в ситуацию смехового общения» (Карасик 2002, с. 363).

Диапазон подвидов юмористического дискурса весьма широк, в него включаются шутки, анекдоты, пародии, эпиграммы, нестандартные расшифровки аббревиатур и т.п. К этому же ряду можно отнести и такие формы проявления человеческого остроумия, как иронию и сарказм.

Принято считать, что механизм иронии заключается в двуплановости содержащего её высказывания: это косвенный способ передачи значения таким образом, что смысл произносимый (либо читаемый) фразы оказывается прямо противоположным тому, что намерен выразить говорящий (или пишущий), т.е. процесс иронической коммуникации нарушает один из основных постулатов речевого общения – требование истинности утверждаемого: «Не говори того, что ты считаешь ложным» (Грайс 1985, с. 222).

Вопреки этому требованию ирония является своего рода языковой игрой, построенной по совершенно обратному принципу.

Вот как на конкретном примере сущность иронии представляет один из теоретиков прагматики П. Грайс:

«X, с которым А до сих пор был в близких отношениях, передал секрет А его конкуренту. Это знают и А, и тот, кто его слушает. А говорит: «X – настоящий друг» <...> Как для А, так и его слушателя совершенно очевидно, что А сказал – или сделал вид, что сказал – нечто, в ложности чего он уверен; кроме того, слушающий знает, что А знает, что это для него, слушающего, очевидно. Тем самым, чтобы не считать высказывание А совершенно бессмысленным, приходится предположить, что А пытается выразить некоторую пропозицию, отличную от той, которую он, казалось бы, высказывает. Это должна быть пропозиция, самым очевидным образом связанная с данной – это её отрицание. Тем самым А выражает пропозицию, являющуюся отрицанием той, которую он делает вид, что высказывает» (Там же, с. 230).

В процитированном тексте содержится указание на два важных момента: ирония как дискурсивная практика оперирует не только значениями высказывания (эксплицитными и имплицитными), но и отношениями между участниками речевого акта – отправителя, который организует информацию, найдя для неё надлежащую «упаковку», интерпретатора этой информации и объекта иронии (Шилихина 2008, с. 189).

Интерпретатор обязательно должен владеть той же информацией о действительном положении дел, что и адресант – иначе ирония не достигает своей цели и само выражение может быть истолковано буквально.

Что же касается объекта иронии (в нашем случае человека), то он должен обладать известным набором характеристик, достойных насмешки.

Тесно связанным с иронией является феномен, буквальный перевод которого с греческого означает «сдирание кожи» – сарказм (Brewer). Его следует рассматривать, как злую иронию, о чём свидетельствуют определения сарказма, содержащиеся в толковых англоязычных словарях.

Начальная часть дефиниций слова «сарказм» почти дословно повторяет толкование иронии: «это способ выражения смысла, противоположного смыслу высказывания», а их концовки разнятся, но в разных своих проявлениях они сводятся примерно к одному и тому же.

По Oxford Advanced Learner's Dictionary (7-th ed), в сарказме отражается неприязненное отношение к кому-нибудь или желание сделать кого-то посмешищем;

Collins Cobuild English Language Dictionary, констатирует, что цель сарказма – высмеять или оскорбить кого-то;

Funk & Wagnalls Standard Desk Dictionary диктует, что сарказм – это презрительная насмешка, пренебрежительное или язвительное замечание, «шпилька» в адрес кого-то;

В словаре English Larousse читаем: сарказм – это утверждение в стиле грубого юмора, сделанного с намерением нанести ущерб самоуважению человека путём привлечения внимания к его слабостям;

Наконец, по Longman Dictionary of English Language and Culture, цель сарказма – в шутливой манере проявить свою недружелюбность к кому-нибудь и таким образом нанести ему обиду.

Воспринимать сарказм в качестве злой иронии - значит поставить между иронией и сарказмом знак условного равенства.

Однако и сарказм способен принимать гипертрофированную форму таким образом, что содержание саркастического высказывания оказывается предельно гротескным. Тогда излишне говорить, что его истинное значение является некой «обратной стороной медали» - гротескный характер явно ложного и парадоксального по своей сути высказывания превращает его в анекдот «с издёвкой», причём в этой «издёвке» и заключено саркастическое начало.

Обратимся к конкретным примерам, почерпнутым нами из интернета, в которых в качестве действующего лица выступает мастер боевых искусств, звезда Голливуда, популярный исполнитель главных ролей в фильмах-боевиках Чак Норрис.

Особое отношение к себе американский актёр заслужил невероятными трюками, исполняемыми им на экране, способностью выходить победителем благодаря силе своего кулака из абсолютно безвыходных ситуаций, а также чрезмерным тиражированием этого образа в кино и на телевидении в качестве симплифицированного «борца за справедливость». Множество иронико-саркастических высказываний о Чаке Норрисе мы свели под различные рубрики:

Внешний вид героя

There is no chin behind Chuck Norris' beard. There is only fist.

Под бородой Чака Норриса нет подбородка. Сразу начинается кулак.

Чак Норрис - предмет устрашения

1) *Outer space exists because it's afraid to be on the same planet with Chuck Norris.*

Открытый космос существует, потому что он боится сосуществовать на одной планете с Чаком Норрисом.

2) *Chuck Norris will never have a heart attack. His heart isn't nearly foolish enough to attack him.*

У Чака Норриса никогда не будет сердечного приступа. Его сердце не настолько глупо, чтобы брать его приступом.

3) *There is no theory of evolution. Just a list of animals Chuck Norris allows to live.*

Не существует теории эволюции. Есть только список животных,

которым Чак Норрис позволяет существовать.

4) *Chuck Norris uses a night light. Not because Chuck Norris is afraid of dark, but dark is afraid of Chuck Norris.*

Чак Норрис использует ночник, не потому что он боится темноты, а потому что темнота боится Чака Норриса.

5) *We live in an expanding Universe. All of it is trying to get away from Chuck Norris.*

Мы живём во Вселенной, расширяющей свои границы, так как она решает держаться подальше от Чака Норриса.

6) *Aliens do indeed exist. They just know better than to visit a planet that Chuck Norris is on.*

Инопланетяне действительно существуют, просто они остерегаются появляться на планете, на которой живёт Чак Норрис.

7) *Chuck Norris has already been to Mars; that's why there are no signs of life there.*

Чак Норрис уже побывал на Марсе, вот почему там нет признаков жизни.

8) *The Great Wall of China was originally created to keep Chuck Norris out. It failed miserably.*

Великая китайская стена первоначально была создана для того, чтобы оградиться от Чака Норриса, но она жалким образом пала.

9) *When Chuck Norris had surgery, the anesthesia applied to the doctors.*

Когда Чаку Норрису делали хирургическую операцию, анестезия потребовалась самим врачам.

10) *Chuck Norris frequently donates blood to the Red Cross. Just never his own.*

Чак Норрис часто сдёт кровь в организацию «Красный Крест», но никогда – свою собственную.

Физические возможности супергероя

1) *Chuck Norris is so fast, he can run around the world and punch himself in the back of his head.*

Чак Норрис настолько быстр, что он может оббежать вокруг земного шара и столкнуться с собственным затылком.

2) *Chuck Norris does not get frostbite. Chuck Norris bites frost.*

Чак Норрис не кусает мороз, потому что его кусает сам Чак Норрис.

3) *Chuck Norris sets ants on fire with a magnifying glass. At night.*

Чак Норрис поджигает муравьёв с помощью увеличительного стекла. Ночью.

4) *Chuck Norris once shot down a German fighter plane with his finger, by yelling, "Bang!"*

Чак Норрис однажды сбил немецкий истребитель одним пальцем, воскликнув при этом «Бабах».

5) *Chuck Norris was one in a knife fight, and the knife lost.*

Чак Норрис однажды принимал в сражении с ножом. И нож проиграл.

6) *When Chuck Norris wants an egg, he cracks open a chicken.*

Когда Чак Норрис хочет съесть яйцо, он выжимает его из курицы.

7) *There is no such thing as a global warming. Chuck Norris was cold, so he turned the Sun up.*

Не существует глобального потепления. Просто Чак Норрис замёрз, поэтому он «включил» Солнце.

8) *Chuck Norris doesn't worry about changing his clock twice a year for daylight savings time. The Sun rises and sets when Chuck tells it.*

Чак Норрис никогда не беспокоится относительно перевода часов на летнее время, как это делают люди в целях экономии света. Солнце встанет и садится по команде Чака.

9) *Scientists in Washington have recently conceded that, if there was a nuclear war, all that would remain are cockroaches and Chuck Norris.*

Американские учёные недавно признали, что в случае ядерной войны на земле останутся только тараканы и Чак Норрис.

10) *Chuck Norris has never blinked in his entire life. Never.*

Чак Норрис ни разу не моргнул за всю свою жизнь. Ни разу.

Интеллектуальные способности Чака Норриса

1) *Chuck Norris counted to infinity. Twice.*

Чак Норрис сосчитал до бесконечности. Дважды.

2) *Chuck Norris knows the last digit of pi.*

Чак Норрис знает последнюю цифру в числе «пи».

3) *Chuck Norris doesn't read books. He stares them down until he gets the information he wants.*

Чак Норрис никогда не читает книг, он пристально смотрит на книгу пока она не перешлёт ему затребованную информацию.

4) *When Chuck Norris plays Monopoly, it affects the actual world economy.*

Когда Чак Норрис играет в Монополию, это сказывается на мировой экономике в целом.

5) *Chuck Norris doesn't believe in Germany (i.e. he doesn't believe the Germany exists).*

Чак Норрис никогда не верит в Германию (то есть он не верит, что Германия существует).

6) *Chuck Norris invented water.*

Чак Норрис изобрел воду.

7) *Chuck Norris doesn't wear a watch. He decides what time it is.*

Чак Норрис никогда не носит наручных часов. Он сам решает, какому времени быть.

8) *Chuck Norris can divide by zero.*

Чак Норрис может делить на ноль.

9) *It takes Chuck Norris 20 minutes to watch 60 minutes.*

Чаку Норрису требуется всего лишь 20 минут, чтобы охватить целиком

целый час.

10) *Ironically, Chuck Norris' hidden talent is invisibility.*

Любопытно, что скрытый талант Чака Норриса заключается в том, что он человек-невидимка.

В контексте приведённых выше примеров (при их буквальном прочтении) Чака Норриса следует объявить обладателем таких сверхъестественных способностей, которыми не наделён ни один человек, живущий на нашей планете.

Именно поэтому к интересующей нас проблеме можно подойти с позиции уже хорошо известной читателю теории возможных миров.

Отдавая должное отмеченному Хинтиккой факту «заземлённости» возможных миров, нельзя, тем не менее, сводить их исключительно к *реальности*, лишь несколько отдалённой по времени своего воплощения в жизнь по отношению к действительности.

Однако следует признать, что даже ирреальный мир бытует не где-то в потустороннем «Зазеркалье», его место – в сознании людей, и это сознание в «снятом» виде рефлексится в языковой модальности. (Миропорождающая способность языка – это одна из его творческих функций)

Мы предлагаем рассматривать высказывание в ключе сарказма (или злой иронии) как пропозицию в координатах возможных миров (в разной степени их реальности – вплоть до ирреального - как в исследуемом нами случае), **преднамеренно выдаваемых за мир действительный**, когда и адресант и адресат высказывания, владея совместной информацией о фактическом положении дел, осознают эту конверсию.

В представленном читателю **якобы реальном мире** Чак Норрис выступает как монстр, вызывающий ужас не только у людей, но и у животных, существование которых обусловлено желанием этого супермена; его боятся персонифицированные физические явления и физиологические субстанции, а также планеты в пространстве Вселенной и иноземные существа.

Физические возможности Чака Норриса не знают границ: пусть люди верят в глобальное потепление - на самом деле это Чак заставляет Солнце «поддать жару», потому что ему холодно; он сбивает пальцем вражеские самолёты и так быстро оббегает вокруг земного шара, что успевает нанести сокрушительный удар кулаком в собственный затылок.

Не менее удивительными оказываются интеллектуальные способности Чака: он может дважды досчитать до бесконечности и производить деление на ноль; ловить взглядом содержание книг; наконец, ему не нужны часы – он сам определяет нужное ему время, т.е. время подвластно ему, и т.д.

Объявляя ирреальный мир существующим, адресант высказывает заведомую неправду. Однако тот, кто лжёт, хочет, чтобы ему поверили (Вендлер 1985, с. 244), а в нашем случае ложь имеет особый статус – это

ложь ради смеха. Без «погружения в ситуации смехового общения» нельзя воспринимать весь реестр достоинств «кулачных дел мастера» - адресат изначально утверждает в «понимании» высказывания, руководствуясь чувством здравого смысла.

Автор «норрисиады» своим саркастическим пером превращает Чака Норриса в объект, именуемый по-английски «laughing stock» (правда, встаёт вопрос, смеётся ли он над самим Чаком, или над имиджем его героев?).

Таким образом, «говорящий за себя материал» и его анализ позволяют подвести итоги проведённого исследования:

- имеющиеся словарные дефиниции иронии и сарказма не перекрывают все проявления данных феноменов;
- выявлена новая модель иронико-саркастических высказываний в виде текстовых репрезентаций их гипертрофированных вариантов;
- дано теоретическое толкование этой модели с платформы теории возможных миров;
- описана новая сфера применения этой теории в лингвистике.

Два подхода к пониманию каламбура

Каламбур (англ. “pun”) – один из широко известных способов языковой игры, нацеленной на создание комического эффекта. По словарю Oxford Advanced Learner’s Dictionary, каламбур (“pun”) – это остроумное или юмористическое использование слова, имеющего несколько значений, или слов с различными значениями, звучание которых совпадает. Примером первого случая может послужить следующая шутка: “Without geometry life is pointless”, понимаемая, как: «Без геометрии – жизнь бессмысленна». Однако «альтернативное» прочтение предложения подсказывает иной смысл: «Без геометрии – в жизни нет точек» (где точка воспринимается как атрибут геометрии). Примером второго случая выступает предложение: «Seven days without water make one weak» с двумя вариантами ее понимания на слух: «Семь дней без воды делает (человека) слабым» и «Семь дней без воды составляют неделю» – слова «weak» (слабый) и week (неделя) являются омофонами, т.е. звучат совершенно одинаково [wi:k].

Пользуясь ресурсами интернета, нельзя не поддаться искушению привести еще ряд примеров первого и второго типа. К первому типу отнесем следующие:

«My dog’s a champion boxer» [где *boxer* в одно и то же время означает и породу собаки и спортсмена – мастера кулачного боя];

«We are banking on them lending us the money» [где *bank on smb* – «надеяться на кого-то» и «откладывать деньги в банк, обогащаться (получается – за чей-то счет)»];

«Our social students teacher says that the globe means the world to her» [где *to mean the world* – «значить многое» и одновременно – в буквальном смысле – «понимать глобус, как копию мира»];

«The best way to communicate with a fish is to drop them a line» [*to drop smb a line* – «забросить леску в реку, надеясь на улов» и «черкнуть кому-то пару строк»];

«Speaking ill of the dead is a grave mistake» [*a grave mistake* – «большая ошибка», тогда как в прямом значении слово «grave» – ошибка «замогильная»];

«I used to be a teacher, but I found I didn't have enough class» [где *to have enough class* – «иметь в классе достаточное количество учеников» против другой интерпретации – «обладать профессиональными знаниями для того, чтобы быть успешным учителем»];

«A small boy swallowed some coins and was taken to a hospital. When his grandmother telephoned to ask how he was, a nurse said, “No change yet”» [слово *change* имеет два значения – «изменение (перемена к лучшему)» и «мелкие деньги, мелочь, которую дают на сдачу»].

В наших примерах встречаются варианты не только слов, но и отдельных фраз (одна из которых обязательно представлена устойчивым выражением), но механизм восприятия и тех, и других одинаков.

Перейдем к иллюстрациям каламбуров второго типа.

«Why did Dracula go to the doctor? – Because of the coughing» (coffin) [ср.: *coughing* – «кашлять» и *coffin* – «гроб» – оба слова совпадают по звучанию];

«She was only a whiskey-maker, but he loved her still» (whisky) [*whiskey-maker* – «парикмахер, поправляющий “височки” у клиентов-мужчин» и «*whisky*» – «спиртной напиток» – являются омофонами];

«With her marriage, she got a new name and a dress» (address) [*a dress* – «платье», реорганизованное в *address* – уже не «платье», а «адрес»];

«Did you hear about the Frenchman who jumped off the Eiffel Tower wearing a parachute and landed in the river? The police didn't arrest him because he was clearly in Seine» (insane) [где *in Seine* – букв.: «в реке Сене», тогда как *insane* – «ненормальный, умственно больной человек»] и т.д.

Конечно, список отмеченных примеров не ограничивает приведенный здесь материал. В когнитивной психологии понимание каламбуров рассматривается как процесс, состоящий из нескольких этапов. В литературе имеется их анализ на базе известной шутки: «Do you believe in clubs for young people?» – «Only when kindness fails». В этом диалоге «малых форм» наблюдается явное несоответствие между репликой в форме вопроса и реакцией на эту посылку в виде ответа.

Экспериментальным путем американский ученый Т.Р. Шульц определил этапы осмысления каламбура: 1) испытуемые выявляют смысловую «неувязку» слова «clubs» (в значении «группа людей, объединенных общими интересами») с содержанием ответа; 2) участники эксперимента обращаются к первой части диалога, понимая слово «clubs» уже в «новом свете»: «clubs» – дубинки, палки, которыми учат нерадивых; 3) на последней, синтезирующей стадии в сознании реципиентов выстраивается

смысл, задуманный автором каламбура, и отдается дань игре слов (The Blackwell Dictionary 1994, с. 171).

С нашей точки зрения, к описанному процессу можно подойти и с других позиций, а именно – с позиции уже описанного нами инструментария в виде фигуры и фона. Фигура и фон – термины гештальтпсихологии, обозначающие когнитивную и психологическую структуру (гештальт), которая определяет человеческое восприятие и интерпретацию действительности. Различие фигуры и фона усматривается в том, что в процессе восприятия любого дифференцированного поля одна из его частей четко вырисовывается (это фигура), тогда как все остальное, находящееся на заднем плане, является фоном (КСКТ 1997, с. 185-186). Наглядную демонстрацию фигуры и фона представляет изображение белого бокала с резной ножкой на экране голубого цвета. Если внимательно присмотреться к этой картинке, то слева и справа от бокала можно увидеть симметрично расположенные контуры двух человеческих лиц (Benjamin, Hopkins, Nation 1987, p. 104). Есть и другие «наглядные пособия», восприятия которых производит тот же самый эффект. Однако для нас важен здесь тот момент, что фигура и фон, рассматриваемые с «разных углов зрения», способны меняться местами: на упомянутом выше рисунке можно увидеть голубые лица людей, разделенные белым пространством (т.е. одна и та же фигура раздваивается в зависимости от того, что мы хотим увидеть).

В этой связи вернемся к диалогу, который в качестве языкового материала использовал Т.Р. Шульц. С переходом со второго на третий этап восприятия каламбура происходит переориентация фигуры и фона. Более того, первоначальное понимание слова «clubs» («объединение людей, имеющих общие интересы») полностью не исчезает даже тогда, когда «clubs», начинают пониматься как «дубинки». Просто это значение в данной шутке уходит на второй план, как бы «затемняется».

Заканчивая статью, укажем на то, что альтернативный взгляд на каламбуры посредством анализа фигуры и фона носит универсальный характер не зависимо от языка. Отмеченная процедура реализуется и в русском языке. Так, на замечание, что мальчики, держащиеся за мамину юбку, словно пришиты к ней, один из малышей отвечает: «Нет, бываем и отпороты» (Фирсова 1989, с. 216).

Подобные случаи следует рассматривать как юмористический аспект, потенциально заложенный в двух языковых явлениях: омонимии и омофонии.

Заключение

К наиболее важным и теоретически значимым достижениям современной когнитивной лингвистики относятся разработка понятий «концепт» и «концептосфера», типология концептов по разным основаниям и установление того, что концепт не привязан к одному языковому знаку, он выражается совокупностью знаков, как языковых, так и неязыковых, через анализ которых исследователь может получить доступ к нему и моделировать (описать) его содержание.

Любой концепт функционирует как ментальная единица (единица мышления) в сознании людей, образующих то или иное национально-культурное сообщество; имея определенную для всех представителей этого сообщества общую часть, он включает и множество варьируемых признаков – социальных, групповых, индивидуальных.

Анализ семантики языковых знаков, объективирующих концепт (его номинативного поля) позволяет лингвистам внести значительный вклад в выявление и описание концептов сознания, что составляет сущность предлагаемого Воронежской теоретико-лингвистической школой семантико-когнитивного подхода в лингвистике.

Поскольку концепты, а с ними и концептосфера, постоянно развиваются, какие-то признаки они теряют, какие-то приобретают, какие-то видоизменяют, и чтобы получить через анализ языка более или менее полное представление о признаках концепта, входящего в концептосферу конкретного народа, целесообразно привлечь к исследованию не только лексикографические, но и психолингвистические методы, выявить психологически реальное наполнение концепта, включая его оценочное, эмоциональное, энциклопедическое содержание, отражаемое в том числе, ассоциативными полями, а также фразеологией, паремиями и т.п.

На данном этапе наших исследований мы определяем концепт как *дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению.*

Совокупность общенародных концептов образует концептосферу народа.

Отсутствие в системе языка специального языкового знака для вербализации концепта не определяет его присутствие или отсутствие в сознании (концептосфере) человека, так как в сознании людей существует много невербализованных концептов. Причины вербализации/невербализации концепта – чисто коммуникативные (востребованность концепта для обмена информацией между говорящими).

Тем не менее, изучение семантики языковых знаков позволяет получить доступ к концептосфере, так как эта семантика составляет значительную часть концептосферы народа, пользующегося системой знаков конкретного языка.

Развиваемая в данной книге семантико-когнитивная концепция изучения языка базируется на изучении соотношения семантики языка с концептосферой народа, изучении соотношения семантических процессов с когнитивными.

Ту часть концептосферы, которая закреплена за знаками данного языка мы называем *семантическим пространством языка*.

Семантика языковых знаков, как теперь выясняется, недостаточно изучена традиционными лингвистическими методами. Кроме лексикографического значения, выявляется психологически реальное (психолингвистическое) значение, которое варьирует у разных групп людей, у отдельных личностей. По номинативной плотности и рекуррентности языковых средств, выражающих концепт, можно судить о его важности, актуальности и коммуникативной востребованности в том или ином обществе в тот или иной период времени.

Мы предлагаем также модель структуры концепта. Мы полагаем, что концепт имеет нежесткую структуру, соотносящуюся с полевой моделью, разработанной лингвистами на материале языковых средств. Иными словами, признаки концепта распределяются на ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. Когнитивные признаки, формирующие эту модель, могут различаться по уровню абстрагированности, быть более или менее конкретными, а по содержанию – образными, информационными и интерпретационными.

По нашим представлениям, концепты и семемы языковых знаков постоянно взаимодействуют и «перетекают» в сознании человека друг в друга. В силу этого, изучив содержание семантики языковых знаков всего номинативного поля концепта, исследователь получает знания о большом количестве признаков концепта. Благодаря этому можно, с одной стороны, лучше понять процессы семантических изменений в системе языка, а, с другой стороны, дать интересный и достоверный материал для историков, этнографов, культурологов и других представителей гуманитарных наук.

Само по себе слово «концепт» - это родовый, «зонтичный» термин, охватывающий ряд видовых ветвлений. В предложенной вниманию читателей монографии мы представили авторскую типологию концептов на фоне обзора уже имеющихся классификаций. В нашей типологии изучаемые структуры представления знаний различаются в зависимости от степени образности отражаемой ими информации: от представлений («мыслительных картинок») до концептов, по своему содержанию равным традиционно определяемым понятиям. Тем самым, «понятие о понятии» не аннулируется – ему отводится определенное место в рамках системы ментальных единиц сознания.

Важно обговорить существование не только лексически объективируемых концептов, но и фразеологически объективируемых концептов, поскольку по своей семантике фразеосочетания стремятся к формированию единого смыслового образа.

В монографии описана методика выявления концептов разных типов – от анализа словарных дефиниций, позволяющих определить вид того или иного концепта по набору сем, реализуемых в плане содержания слова, до экспериментальных методик, разработанных с той же целью.

Учитывая междисциплинарный характер когнитивной науки, мы показываем в монографии, что в языке объективируются многие аспекты когнитивной психологии, пожалуй, одной из главных наук, стоявших у истоков когнитивистики. Мы описываем язык как фиксатор уровня знаний человека об окружающем его мире и о самом себе, характеризуем языковое оформление восприятия, память в «зеркале языка», описываем ассоциативные связи, закрепляемые в именах и инонаименованиях объектов.

Рассматриваются нами и когнитивные аспекты семиотики: как языковой знак по-разному «цепляет» действительность, отраженную в семантике языковых единиц.

Когнитивная лингвистика не чуждается и философских проблем языкознания. В нашем случае одна из этих проблем очерчена исследованием о выходе сознания в «возможные миры» - предмет изучения не только лингвистики, но и модальной логики. Любопытно, что с позиции когнитивной лингвистики, оказывается возможным и подойти к анализу юмора, особенно в тех случаях, когда вербализованные «сценарии» комических ситуаций также уходят за грани реального мира.

Развиваемый нами семанτικο-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях показывает, что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и надежным способом выявить основные признаки концептов и моделировать концепт как единицу концептосферы.

Представляется, что теоретическое значение когнитивной лингвистики на современном этапе развития научной мысли трудно переоценить. Несомненно, что когнитивная лингвистика – новый этап в исследовании такой важнейшей проблемы языкознания как *язык и мышление*, и именно когнитивная лингвистика вдохнула новую жизнь в эту проблему. Идеи и категориальный аппарат когнитивной лингвистики позволяют решить многие теоретические проблемы лингвистики, которые вызвали затруднения или имели противоречивые решения в докогнитивной лингвистике.

То, что когнитивные исследования, во многом приобретающие междисциплинарный характер, интересны и актуальны, сомнений нет. Они находятся в общем русле развития современной лингвистики - в направлении к антропоцентризму, проблеме изучения не столько языка как системы, сколько функционирующего, «зависящего от человека»

языка. Но при этом важно четко разграничить предмет и методы лингвистики, когнитивной лингвистики, когнитологии и психолингвистики.

Лингвистика изучает системное устройство языка, она изучает, что в языке *есть* - какие существуют единицы, структуры, какие действуют тенденции развития.

Предмет когнитивной лингвистики - анализ концептов через семантическое пространство языка, то есть семантику единиц, *репрезентирующих* в языке тот или иной концепт. Когнитивная лингвистика использует понятие *концепт* для ограничения исследуемого языкового материала, а также для раскрытия внутреннего единства и структурированности значительных участков лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, объединенных репрезентацией одного концепта в разных его ипостасях, а также для углубленного описания семантики языковых знаков.

Предмет когнитологии - моделирование концептов в сознании народа в целом, в сознании социальной, возрастной и т.д. группы. Когнитология - философско-психологическая, а не лингвистическая наука. Она может пользоваться (и на практике широко пользуется) результатами лингвистического анализа номинантов концепта.

Предмет психолингвистики - моделирование языка как феномена сознания, в том числе - моделирование значений слов как психологической реальности. Психолингвистика вскрывает реальную психологическую структуру значений языковых единиц, позволяет экспериментальными методами описать реальную, а не придуманную лексикографами структуру значения. Психолингвистика дает больше информации о компонентах концептов, представленных в языковых единицах, нежели традиционная системная лингвистика или когнитивная лингвистика, так как позволяет своими методами выявить многие дополнительные признаки концептов, реализуемые в ассоциативных связях слова, выявляемые в специальных экспериментах.

Таким образом, лингвистика, когнитивная лингвистика и психолингвистика имеют каждая свой предмет исследования, но их методы и результаты могут быть использованы в когнитологии. Описание же структуры и содержания концептов как единиц мышления не является задачей этих наук, к тому же описание концептов, полученное методами любой из них, окажется неизбежно неполным, так как будет опираться только на оказавшийся доступным исследователю языковой или экспериментальный материал, а также не сможет в полной мере учесть индивидуальные компоненты концептов. Вместе с тем, лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика вносят свой существенный вклад в изучение концептов национального сознания, так как вербализация концептов языковыми средствами - наиболее доступный путь к содержанию концепта. Важно только помнить, что эти науки вносят

именно *вклад* в изучение концептов как единиц мышления, но не имеют концепты предметом своей науки.

Главным выводом из материала, представленного нами в данной монографии, является вывод о том, что когнитивная лингвистика и семасиология дополняют и обогащают друг друга.

На данном этапе развития семантико-когнитивного анализа языка мы видим такие задачи дальнейших исследований:

1. Изучать все новые и новые участки семантического пространства языка и подвергать их когнитивной интерпретации.

2. Исследуя семантику языковых знаков (слов, фразеосочетаний, ассоциативных полей, структурных синтаксических схем), выяснять, признаки каких концептов или их системных связей эти знаки отражают.

3. Установив наличие в изучаемой концептосфере определенных концептов, выяснять, какую роль эти концепты играют в системной организации языковых знаков и как они определяют особенности их функционирования в речи.

4. Определяя структуру и типы концептов по данным языка, моделировать эти концепты в рамках лингвоконцептологических исследований в интересах когнитивной науки.

5. Развивать психолингвистические исследования процессов концептуализации и категоризации, то есть формирования концептосферы людей.

6. Выявлять национальную специфику концептов и концептосфер в целях оптимизации межкультурной коммуникации.

7. Углубленно описывать семантику языковых данных с применением когнитивных методов и приемов.

Развитие современной когнитивной лингвистики, как нам представляется, во многом определит направления и методику научных исследований нынешнего столетия.

Подводя итоги сказанному выше, хочется еще раз подчеркнуть, что главный вывод, к которому приходят авторы, заключается в том, что когнитивная лингвистика и семасиология – взаимосвязанные области знания, которые призваны дополнять и обогащать друг друга.

Использованная литература

1. Adams R.M. Possible Worlds // The Cambridge Dictionary of Philosophy: Cambridge University Press, 1996. – P. 882.
2. Brewer E.C. The Dictionary of Phrase and Fable. – Cambridge: Galley Press, 1998. – 1324 p.
3. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. – Cambridge University Press, 1995. – 489 p.
4. Benjamin L.T., Hopkins J.R. Notion. Psychology. – N.Y.: Macmillan Publishing Company, 1987. – 639 p.
5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago and London: The University Chicago Press, 1990. – 242 p.
6. Longman Dictionary of English Language and Culture. - Longman, 2000. – 1368 p.
7. Putnam H. Representation and Reality. – Cambridge; Massachusetts; London: The MIT Press, 1989. – 136 p.
8. The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / ed. by M.W. Eysenck. – Cambridge, Massachussets: Blackwell Publishers, 1994. – 399 p.
9. Ungerer F. Introduction to Cognitive Linguistics. – London, New York: Longman, 1996. – 384 p.
10. Westerhoff Y. Logical Relations Between Pictures // The Journal of Philosophy. – 2005. – V. C II, № 12. – P. 603-627.
11. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. – Волгоград: Волгоград. гос. пед. ун-т, 1993. – 147 с.
12. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – с. 8-42.
13. Асмус В.Ф. В защиту вымысла // Вопросы теории и истории эстетики. – М.: Искусство, 1968. – С. 11-36.
14. Бабушкин А.П. Активизация памяти в процессе языковой игры // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 608-610.
15. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.
16. Бабушкин А.П., Розенфельд М.Я. Динамика социального компонента значения слова в сознании носителей языка // Культура общения и ее формирование: межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Истоки, 2017. – Вып. 33. – С. 42-52.
17. Бабушкин А. П. Имя "Пушкин" во времени и пространстве // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Воронеж: Воронежский гос. ун-тет, 2007. – Вып. 28. – С. 238-243.

18. Бабушкин А.П. Категория антропоморфных артефактов // Горизонт современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 187-193.

19. Бабушкин А.П. Конверсия типов языковых знаков в коллективном и индивидуальном сознании // Синхрония и диахрония : современные парадигмы и современные тенденции : материалы Международной молодежной научной школы (8-9 июня 2012 г.). – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2012. – С. 47-51.

20. Бабушкин А. П. Концепт "контейнер" в синтаксических конструкциях художественного текста // Теоретические и прикладные аспекты описания языка. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2008. – Вып. 2. – С. 47-51.

21. Бабушкин А.П. Межкультурная коммуникация как эффект комического // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва; Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. – С. 393-398.

22. Бабушкин А.П. Методика выявления концептов разных типов // Язык и национальное сознание. – Воронеж: Истоки, 2010. – Вып. 14. – С. 4-12.

23. Бабушкин А. П. Общее и специфическое в плане выражения и содержания фразеологизмов, объективирующих концепты-сценарии // Фразеология и лингвистика: Материалы 1-ой Международной научной конференции (Белгород, 4-6 мая 2008 г.) .— Белгород: Белгородский университет, 2008 . – Т. 2: Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. — С. 227-230.

24. Бабушкин А.П. Синтаксические структуры номинативного типа как варианты языковой игры // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике: материалы Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвященной 65-летнему юбилею Виктора Юрьевича Копрова, 21-22 октября 2016. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2016. – С. 369-374.

25. Бабушкин А. П. Стереотипные образы служителей закона и их антиподов в русском и английском языках // Реализация инновационной системы языковой подготовки в неязыковых вузах: проблемы и перспективы: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2016. – Ч. 1. – С. 6-12.

26. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1996. – 104 с.

27. Бабушкин А.П. Типы языковых знаков в семиотическом аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. – Вып. 2. – С. 5-13.

28. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11-27.
29. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2001. – 123 с.
30. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
31. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
32. Бондарко А.В. К интерпретации понятия «смысл» // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 316-321.
33. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.
34. Быкова Г.В. Лакуны как явление языка и речи // Филологические записки. – Воронеж, 2000. – Вып. 14. – С. 183-196.
35. Бюлер К. Теория знака. – М.: Прогресс, 2000. – 528 с.
36. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
37. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: «Русские словари» 1997. – 411 с.
38. Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новые в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 238-244.
39. Вечные истины в образных ассоциациях. Словарь – пособие для шк. сочинений / Сост. А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1997. – 93 с.
40. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 118-139.
41. Виноградова О.Е., Стернин И.А. Психолингвистические методы в описании семантики слова. – Воронеж: Истоки, 2016. – 157 с.
42. Витгенштейн Л. Философия исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 79-128.
43. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
44. Воронова Т.А., Стернин И.А. Концепт «толерантность» в русском сознании // Языковая структура и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – С. 79-83.
45. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти томах. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – 502 с.
46. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. – 1972. – М.: Наука, 1973. – С. 349-372.

47. Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С.371-386.
48. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980. – 238 с.
49. Горелов И.Н. О вербальных и невербальных составляющих речевого поведения / Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С.13-18.
50. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1998. – 256 с.
51. Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.А. Краткий словарь по логике. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
52. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новые зарубеж. в лингвистике. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-237.
53. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1 – Т.4. – М.: Прогресс, 1994. – 1619 с.
54. Дебрени М. Современные работы французских языковедов о «наивной лингвистике» // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1.: коллективная монография / отв. ред. Н.Д.Голев. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2009. – 530 с.
55. Жданова Т.А., Бабушкин А.П. Человек и орудия труда в образных репрезентациях // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 5-7.
56. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
57. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Н.И. Жинкин. Язык, речь. Творчество. – М.: Лабиринт, 1998. – С. 146-162.
58. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М.: Изд-во Академии пед. наук, 1958. – 370 с.
59. Жуков В. П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
60. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. – Воронеж: Воронежский университет, 1990. – 205 с.
61. Залевская А.А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. – Тверь: ТГУ, 1996. – 195 с.
62. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. – Тверь: ТГУ, 1992. – 135 с.
63. Залевская А.А. Когнитивизм, когнитивная психология, когнитивная наука и когнитивная лингвистика // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития. – Ч. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. – С. 6-9.

64. Залевская А.А. Когнитивный подход к слову и тексту // *Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации.* – М.: ИЯ Советский писатель, 2000. – С. 91.
65. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // *Слово. Текст. Избранные труды.* – М.: Гнозис, 2005. – С. 234-244.
66. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики.* – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 36-46.
67. Залевская А.А. Языковое сознание: вопросы теории // *Вопросы психолингвистики.* – 2003. – № 1. – С. 30-35.
68. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
69. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с.
70. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
71. Караулов Ю.Н. На уровне языковой личности // *Ин-т русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации.* – М.: Наука, 1985. – С. 4-29.
72. Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением: Пер. с фр. // *Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика.* – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 276-302.
73. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.; Л.: Наука, 1965. – 108 с.
74. Ковалёв Г. Ф. Направление исследований имён собственных в художественных произведениях // *Материалы по русско-славянскому языкознанию: Международный сборник науч. трудов.* – Вып. 28. – Воронеж: Воронежский гос ун-т, 2007. – С. 283-289
75. Ковалёва Л. В. Фразеология как когнитивный процесс. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 184 с.
76. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
77. Королёва Е.Н. Семантический ареал многозначного слова (на материале русского глагола ИГРАТЬ и английского глагола TO PLAY): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 23 с.
78. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. – М.: Прогресс, 1977. – 261 с.
79. Коул М. Культурно-историческая психология. – М.: Компо-Центр, 1997. – 432 с.
80. Кравченко А. В. Феноменология значения и значение феноменологии в языке // *Категоризация мира: пространство и время.* – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 61-72.

81. Кравченко А.В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний // Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1997. – С. 3-16.
82. Красных В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
83. Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс, 1994. – 576 с.
84. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
85. Кретов А.А. Невозможное в русском языке // *Linguistica Silesiana*. – 1993. – № 15. – С. 123-131.
86. Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII: Логика и лингвистика. – М.: Радуга, 1982. – С. 340-376.
87. Крысин Л.П. Иллюстративный толковый словарь иностранных слов. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.
88. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов: Научная книга, 2005. – 164 с.
89. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянских культур, 2004 – 560 с.
90. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6-17.
91. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М.: Филол. фак. МГУ, 1997. – 245 с.
92. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. – 1997. – № 3. – С. 22-31.
93. Фирсова Л. М. Игры и развлечения. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 239 с.
94. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988 – С. 12-21.
95. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
96. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 156-169.
97. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 296 с.
98. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
99. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. Литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3-9.

100. Логический анализ языка. Языки этики / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки славянской культуры, 2000. – 444 с.
101. Ломов А. М. Бабушкин А. П. Языковая мотивированность и языковая игра // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 120-123.
102. Ломов А.М., Бабушкин А.П. Языковая игра с фоновыми знаниями // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. Сер. Филологические науки. – 2014 – Вып. 8. – С. 55-61.
103. Ломов А.М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. – 400 с.
104. Лукашкова О.Ю. Концепт «дружба» в русском языке // Культура общения и ее формирование. – Вып.8. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 84-85.
105. Лурья А. Р. Психология как историческая наука. К вопросу об исторической природе психологических процессов // История и психология. – М.: Наука, 1971. – С. 37-63.
106. Маклакова Е.А., Стернин И.А. Теоретические проблемы семной семасиологии. –Воронеж: Истоки, 2013. – 272 с.
107. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. – М.: Изд. дом «Диалог», 1999. – 416 с.
108. Мамаладзе Т. Несокрушимый Давид? // Литературная газета. – 1982. – 24 марта.
109. Махонина А.А., Стернина М.А. Англо-русский словарь безэквивалентной лексики. Существительное. – Воронеж: Истоки, 2006. – 305 с.
110. Микулина Л. Т. Национально-культурная специфика и перевод // Мастерство перевода. Сб. 12. – М.: Сов. писатель, 1981. – С. 79-99.
111. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1989. – 189 с.
112. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 280 с.
113. Овчинникова И.Г. Диалог субкультур (концепты *деньги* и *бизнес* в сознании молодых россиян) // Я и другой в пространстве текста. – Вып. 2. – Пермь, Любляна: Пермский гос. ун-тет, 2009. – С. 261.
114. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1996. – 928 с.
115. Петров В.В. Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 5-23.
116. Пименова М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 2004. – Вып. 4. – 208 с.
117. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 412 с.

118. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
119. Попова З.Д. Общее языкознание. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. – 212 с.
120. Попова З.Д. Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2007. – 61 с.
121. Попова З.Д., Стернин И.А. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) // Язык. Этнос. Картина мира. – Вып. 1. – Кемерово: Графика, 2003. – С. 16-23.
122. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная семасиология и лингвоконцептология // Лингвоконцептология. – Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 4-8.
123. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – 3-е изд., стер. – Воронеж: Истоки, 2003. – 191 с.
124. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1999. – 30 с.
125. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях // Значение. Смысл. Концептосфера. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 30-39.
126. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Гос. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – Т. I-II. – 536 с.
127. Потебня А. А. Мысль и язык – Киев: Синто, 1993. – 191 с.
128. Пулатов Т. Язык, автор, жизнь // Литературное обозрение. – 1976. – № 8. – С. 109-111.
129. Русский ассоциативный словарь. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – Т. I: От стимула к реакции : Около 7000 стимулов. – 781 с.
130. Распе Э. Приключения барона Мюнхгаузена. – М.: Эксмо, 2011. – 159 с.
131. Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1995. – 400 с.
132. Решер Н. Границы когнитивного релятивизма // Вопросы философии, 1995. – № 4. – С. 35-54.
133. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь – справочник лингвистических терминов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
134. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. проф. В. М. Мокиенко. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 927 с.
135. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский язык. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – 272 с.
136. Сёрль Дж., Вандервексен Д. Основные понятия исчисления речевых актов: пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. Вып. 18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 242-263.

137. Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об её эталоне // Русский язык сегодня. Вып. 2. – М.: Азбуковник, 2003. – 634 с.
138. Скворцов Л.И. Энциклопедия «Русский язык». – М.: Дрофа, 1997. – 721 с.
139. Слышкин Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград, 2000. – С. 38-45.
140. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дис. ... д. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 39 с.
141. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
142. Соломоник А. Семантика и лингвистика. – М.: Молодая гвардия, 1995. – 352 с.
143. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
144. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Радуга, 1973. – 640 с.
145. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание: Теоретические проблемы. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.
146. Стернин И.А. «Антология концептов» как попытка создания лингвоконцептологической энциклопедии // Лингвоконцептология. – Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 33-39.
147. Стернин И.А. Pet – слово, концепт, лакуна / Сопоставительные исследования 2013. – Воронеж: Истоки, 2013. – С. 117-122.
148. Стернин И.А. Pets и питомцы // Семантико-когнитивные исследования. – Вып. 7. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 39-45.
149. Стернин И.А. Безэквивалентные слова и безэквивалентные концепты // Коммуникативное поведение. – Вып. 31: Русское и финское коммуникативное поведение. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 51-58.
150. Стернин И.А., Рудакова А. В., Соколова-Сторчай Э.Ю. Есть ли в русском языке абсолютные синонимы? (психолингвистическая дифференциация синонимов) // Психолингвистика и лексикография. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – С. 64-76.
151. Стернин И.А. Значение слова и его компоненты. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж: Истоки, 2008. – 20 с.
152. Стернин И.А. Имя собственное с когнитивной точки зрения // Лингвоконцептология. – Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 25-29.
153. Стернин И.А. К проблеме состояния современного русского языка: кризис или развитие? // Вестник Российско-Таджикского (славянского) университета. – 2008. – № 4 (22). – С. 128-131.
154. Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2 (12). – С. 57- 63.
155. Стернин И.А. Когнитивная картина мира и тип сознания / Текст. Дискурс. Картина мира. – Вып 5. – Воронеж: Истоки, 2009 – С. 21-25.

156. Стернин И.А. Коммуникативная категория как ментальная единица языкового сознания // Язык. Общество. Сознание. – Казань: Отечество, 2013. – С. 92-106.
157. Стернин И.А. Концепты и лакуны // Вестник Кыргызского-Российского славянского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 16, №8. – С. 49-52.
158. Стернин И.А. Лакуны и их описание // Г.В. Быкова, Н.Л. Глазычева, Лу Чуньюэ. Межкультурная коммуникация: Россия-Китай. Словарь лакун. – Благовещенск: БГПИ, 2012. – С. 4-24.
159. Стернин И.А. Лексикографическое представление психолингвистического значения слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Русский и иностранный языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15, № 2. – С. 204-214.
160. Стернин И.А., Атланова Е.О., Колпакова А. С. Лексические идентификаторы концепта и экзemplификационный эксперимент // Культура общения и ее формирование. – Вып. 21. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 97-103.
161. Стернин И.А., Вовк Е.В. Методика интеграции результатов семантического описания языковых единиц разными методами. – Воронеж: Истоки, 2012. – 42 с.
162. Стернин И.А. Мифологические компоненты обыденного сознания // Язык и национальное сознание. – Вып. 14. – Воронеж: Истоки, 2010. – С. 48-59.
163. Стернин И.А., Маклакова Е. А. Национальная специфика языка и лингвокультурология // Сопоставительные исследования 2014. – Воронеж: Истоки, 2014. – С.11-17.
164. Стернин И.А. О лингвокогнитивном подходе к языку (вступительное слово к дискуссии) // Значение. Смысл. Концептосфера. Когнитивные исследования. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 8-11.
165. Стернин И.А. О лингвокультурологической интерпретации языковых явлений // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Вып. 4. – Воронеж: Истоки, 2011. – С. 5-13.
166. Стернин И.А. Об образном и рефлексивном сознании // Язык-сознание-культура-социум. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 99-104.
167. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. – Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 8-20.
168. Стернин И.А. О соотношении концепта и значения // Когнитивные исследования языка. – Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание. – Москва; Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, 2016. – С. 626-638.
169. Стернин И.А., Рудакова А.В., Коваленко С.В. Психолингвистический толковый словарь русского языка. – Вып. 1: Антропонимы. – Воронеж: ООО «РИТМ», 2018. – 134 с.

170. Стернин И.А, Рудакова А.В. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 1 (27). – С.194-208.

171. Стернин И.А. Русский язык в обыденном сознании («великий, могучий, правдивый, свободный») – это какой? // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. – Воронеж, 2014. – С. 12-17.

172. Стернин И.А., Попова З.Д. Семемный и семный анализ как методы в семасиологии // Язык и национальное сознание. – Вып. 12. – Воронеж: Истоки, 2009. – С.4-9.

173. Стернин И.А. Структура номинативного поля концепта // Язык и национальное сознание. – Вып. 12. – Воронеж: Истоки, 2009. – С. 25-27.

174. Стернин И.А. Существуют ли безэквивалентные концепты? // IV Международная научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». – Варшава, 2008. – С. 193-194.

175. Стернин И.А. Типология макроструктурной организации концептов // Исследования по семантике. – Вып. 24. - Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С. 262-269.

176. Стернин И.А. Экспериментальное описание семантики слова // *Urbi et akademiae*. Граду и научному сообществу. – Санкт-Петербург: Алэф-Пресс, 2012. – Вып. 1(3). – С. 196-204.

177. Стернин И.А. Значение, концепт и когнитивная база носителя языка // Горизонты психолингвистики. – Тверь, 2009. – С. 269-276.

178. Стернин И.А., Попова З.Д. К проблеме унификации когнитивной терминологии // Введение в когнитивную лингвистику. – Вып. 4. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово, 2009. – С. 12-44.

179. Стернин И.А. К разработке психолингвистического толкового словаря // Вопросы психолингвистики. – 2010. – № 2 (12). – С. 57-63.

180. Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Введение в когнитивную лингвистику. – Вып. 4. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово, 2009. – С. 12-53.

181. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и проблема языка и мышления // Вторые Ярославские лингвистические чтения «Язык и мысль: традиции и новые парадигмы: Сборник научных трудов Международной конференции. Ярославль, 16-18 июня 2009 г. – Ярославль, 2009. – С. 69-73.

182. Стернин И.А., Тимошина Т.В. Когнитивно-семантический метод описания значения слова // Язык и национальное сознание. – Вып. 16. – Воронеж: Истоки, 2011. – С. 10-15.

183. Стернин И.А., Донат Т. Концепты *русский язык, немецкий язык, польский язык* в языковом сознании русских переселенцев в Германии // Коммуникативное поведение славянских народов. – Воронеж: Истоки, 2010. – С. 56-58.

184. Стернин И.А., Талл Уссейну. Лексикографическое значение и его описание (на материале единиц лексико-словообразовательного поля *гость* в

русском языке) // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: Материалы VIII международной научно-методической конференции. – Воронеж: Научная книга, 2010. – С. 98-103.

185. Стернин И.А. Мифологические концепты языкового сознания // Аспекты креативной семантики: коллективная монография. – Волгоград: Перемена, 2010. – С. 93-101.

186. Стернин И.А. О типах семантического описания слова // Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка: сборник статей. – Оренбург: Изд-во ОРГУ, 2011. – С. 111-114.

187. Стернин И.А., Попова З.Д. Полевая модель концепта // Введение в когнитивную лингвистику. – Вып. 4. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово, 2009. – С. 12-44.

188. Стернин И.А. Сознание, мышление и язык // Современная речевая коммуникация. Стратегии и жанры. – Омск, 2009. – С. 50-56.

189. Стернин И.А., Атланова Е.О. Социальные и субъективные концепты // Семантико-когнитивные исследования. – Воронеж; Борисоглебск: Истоки, 2010. – С. 102-108.

190. Стернин И.А. Существуют ли универсальные концепты? (к проблеме концептов, отражающих общечеловеческие ценности) // Универсалии русской литературы. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. – С. 193-199.

191. Стернин И.А. Значение и сходные термины в семной семасиологии // Психолингвистика и лексикография. – Вып. 1. – Воронеж: Истоки, 2014. – С. 4-10.

192. Стернин И.А. Исследовательское и словарное описание психолингвистического значения слова // Язык и национальное сознание. – Вып. 22. – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 150-161.

193. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи: монография. – 2-е изд. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 239 с.

194. Стернин И.А. Методика исследования групповых особенностей семантики слова // Язык и национальное сознание. – Вып. 21. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 11-29.

195. Стернин И.А., Рудакова А.В. Методика психолингвистического исследования синонимов // Язык и национальное сознание. – Вып. 21. – Воронеж: «Истоки» 2015. – С. 30-39.

196. Стернин И.А., Тагаев М.Дж., Камбаралиева У.Д. Основные направления и перспективы развития когнитивных исследований в Киргизской республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2015. – Т. 15, Вып. 2. – С. 200-205.

197. Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ: монография. – Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 398 с.

198. Стернин И.А., Рудакова А.В. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова // Психолингвистика и лексикография. – Вып. 2. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 97-110.

199. Стернин И.А. Экспериментальные методы в семном описании семантики // Язык и национальное сознание. – Вып. 21. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 8-11.
200. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XV. – М.: Прогресс, 1985. – С. 129-154.
201. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. – С. 419-438.
202. Тавдгиридзе Л.А. Концепт русский язык в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 18 с.
203. Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твоё имя / Л. В. Успенский. – Ленинград: Лениздат, 1962. – 634 с.
204. Философская энциклопедия. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – 504 с.
205. Философская энциклопедия. – Т.2. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – 641 с.
206. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 703 с.
207. Хинтиikka Я. Логика в философии – философия логики // Логико-эпистемологические исследования: сб. избр. статей. – М.: Прогресс, 1980. – С. 36-67.
208. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров / В.В. Целищев. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1977. – 191 с.
209. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского: Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Рад. шк., 1989. – 511 с.
210. Чикобава А. С. К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 16-30.
211. Чуковский К. И. От двух до пяти / К. И. Чуковский. – М.: Детгиз, 1957. – 367с.
212. Шилихина К. М. Ирония как способ повышения авторитетности // Авторитетность и коммуникация: коллективная монография; Вып. 4. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т; Издат. Дом Олейниковых, 2008. – С. 184-194.
213. Шмелев А.Д. Суждения о вымышленном мире: референция, истинность, прагматика // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М.: Наука, 1995. – С. 115-122.

СОДЕРЖАНИЕ	
От авторов	3
Глава I. Основные понятия когнитивного анализа единиц языка	4
1. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку	4
2. Понятие концепта	7
3. Типология концептов	10
4. Концептосфера, семантическое пространство языка, языковая картина мира	15
5. Номинативное поле концепта	17
6. Концепт и слово	20
7. Концепт и значение	21
8. Национальная специфика концептов	30
9. Номинативная плотность концепта	33
10. Алгоритм семантико-когнитивного анализа концептов	35
11. Методы описания значений и концептов: сходства и различия	37
12. Построение номинативного поля концепта	41
13. Экспериментальные методики исследования концептов	41
14. Описание семантики языковых средств, образующих номинативное поле концепта	42
15. Верификация результатов описания концептов	43
16. Когнитивная интерпретация	44
17. Моделирование концепта и значения	46
Глава 2. Из опыта когнитивно – семантического описания языковых явлений	47
1. Когнитивно-семантический подход к описанию значений	47
2. Слова, концепты и лакуны	48
3. Мифологические лингвистические концепты	73
4. Личностная и национально-культурная специфика концептов разных типов	87
5. Способы объективации лексических концептов	95
6. Язык в роли фиксатора уровня знаний	102
7. Языковое оформление восприятия	114
8. Именованное объектов и переосмысление имен	122

9.	Когнитивная семиотика	153
10.	Выход сознания в «возможные миры» и их вербализация	166
11.	Когнитивный подход к фразеологии	185
12.	Юмор с когнитивных позиций	197
	Заключение	210
	Использованная литература	215
	Содержание	228

ООО «Издательство РИТМ»

Подписано в печать 24.09.2018. Формат 60х84 1/16 Бумага офсетная Ballet.

Гарнитура Times New Roman. Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,2

Тираж 500 экз. Заказ № 2018-10-02-002

Текст и иллюстрации предоставлены автором. Текст печатается в авторской редакции.

г. Воронеж, Солнечная, д. 17, офис 20

<http://www.i-ritm.ru> Тел.: 8(473) 290-24-53